

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С.ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК



2000 ГОДА

ОРЛА 2002

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ И.С.ТУРГЕНЕВА
ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ**

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2000 ГОДА

Орел, 2002

Авторский коллектив выражает благодарность Администрации Орловской области, Генеральному директору АООТ «Гамма» А.И.Гапонову, Генеральному директору ОАО «Орел-облгаз» М.А.Межневу за содействие в издании сборников «Тургеневский ежегодник – 1999 г.» и «Тургеневский ежегодник – 2000 г.»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е.С.Строев</i>	Брать из прошлого огонь, а не пепел! 1
-------------------	--

I

К 2000-летию Христианства

<i>Л.В.Дмитрюхина</i>	Музейный калейдоскоп4
<i>Г.Б.Кузлянская</i>	Религиозно-философские искания Тургенева5
<i>Н.А.Генералова</i>	Неизвестный отклик Э.Ренана на Международный литературный конгресс 1878 г. в Париже17
<i>Е.М.Коньшев</i>	Христианские мотивы в произведениях Тургенева25
<i>О.Б.Улыбина</i>	Христианские мотивы в творчестве И.С.Тургенева31
<i>М.А.Шинков</i>	Миф о «роковой женщине» в русской литературе34
<i>Т.М.Кривина</i>	Английские писатели и критики 10-х – 20-х годов XIX века о месте И.С.Тургенева в русской литературе39

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>С.Л.Жидкова</i>	Несколько уточнений к Академическому собранию сочинений и писем И.С.Тургенева52
<i>С.Д.Симеонова</i>	Из истории семьи Августа Видерта58
<i>Л.М.Александрова</i>	«Свидания эти были задушевные и веселы...» (Е.С. и А.С. Белокопытовы)62
<i>Л.М.Александрова</i>	«Сквозь игру случайностей добиваться до типов» (И.С.Тургенев и молодые писательницы)65
<i>А.М.Кокин</i>	Преклонить голову перед бессмертной красотой67

III

Из коллекции музея И.С.Тургенева

<i>С.Л.Жидкова</i>	«Древняя Российская вивлиофика» в мемориальной библиотеке И.С.Тургенева72
<i>С.Д.Симеонова</i>	Корреспонденции Августа Видерта из Германии в газете «Санкт-Петербургские ведомости»75
<i>Л.А.Балыкова</i>	Живые воспоминания77
<i>К.А.Седойкина</i>	Продолжение родословной. Евгения Ивановна Тургенева и её семья84

IV

На родине Тургенева

<i>Р.М.Алексина</i>	О сюжете рассказа «Лыгов» (к истории рассказа в рассказе)91
<i>Л.В.Иванова</i>	Линза95
<i>Г.А.Тюрин</i>	В окрестностях «Дворянского гнезда». И.С.Тургенев в творчестве Иосифа Каллиникова (по неизвестным архивным материалам)101
<i>Н.М.Кирилловская</i>	Страсти вокруг «Дома Калитиных» 111

Г.Н.Павлова

Дом на Георгиевской в Орле114

V

С думой о Тургеневе

Л.Н.Назарова

А.И.Поняговский121

Л.А.Балькова

Свеча поминальная 125

Л.А.Серова

В литературной гостиной.....126

***Стихи В.Еремина, Л.Серовой, В.Протасова,
Н.Перовского, А.Шорохова .***

БРАТЬ ИЗ ПРОШЛОГО ОГОНЬ, НЕ ПЕПЕЛ!

В первых числах октября состоялся визит Председателя Совета Федераций РФ, главы администрации Орловской области Е.С.Строева в Федеративную республику Германию. В Баден-Бадене Е.С.Строев встретился с руководством города и председателями общественных организаций и деловых кругов, обсудил вопросы расширения экономического сотрудничества между Россией и Германией. В Баден-Бадене Е.С.Строев принял участие в состоявшейся 2 октября торжественной церемонии открытия бюста И.С.Тургенева. В этом городе классик мировой литературы неоднократно бывал, здесь бережно хранят память о нем: «виллой Тургенева» поныне называют дом, где жил писатель.

3 октября Е.С.Строев принял участие в мероприятиях по случаю 10-й годовщины объединения Германии, которые состоялись в Дрездене.

Сегодня мы публикуем выступление Е.С.Строева на торжественной церемонии открытия бюста И.С.Тургенева в Баден-Бадене.

Уважаемая госпожа Обербургомистр! Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья!

Благодаря вашей прекрасной инициативе мы стали свидетелями и участниками уникального события в Европе на рубеже третьего тысячелетия. Сегодня в Германии, в Баден-Бадене, мы открываем памятник великому сыну России, писателю и гуманисту Ивану Сергеевичу Тургеневу!

Уже более века нет с нами этого замечательного мыслителя, художника слова и самого образованного человека, познавшего глубоко культуру Европы. С течением времени гений Тургенева не теряет своего величия и красоты, значения для всех нас, живущих на земле. Тургенев был не только одним из первых граждан будущей Единой Европы. Именно он одним из первых приоткрыл миру завесу над тайной русской души, образа женщины – носителя красоты и духовного подвижничества. Он был ярким борцом за освобождение русских крестьян от крепостной зависимости («Записки охотника»). Он упреждал Россию от смуты и революций («Накануне»). Его пророчества сбывались!

Его творчество давно стало эталоном человечности, правды и любви к жизни. Обостренное сознание этого исторического факта особо согревает сердце нам – орловцам, жителям поэтического края, где берет истоки русский литературный язык, где родились и жили Тютчев, Лесков, Фет, Леонид Андреев, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Бунин, а по соседству – Лев Толстой. Находясь сегодня в кругу немецких друзей, я искренне рад передать всем вам привет с русской реки Оки, с орловских полей, от земляков Ивана Тургенева!

Любой памятник – это прежде всего символ, особый знак для сознания людей. Поэтому мы сердечно благодарим граждан Германии за уважительное отношение к памяти о нашем национальном гении. Не случайно «виллой Тургенева» и поныне называют в Баден-Бадене дом, где

жил русский писатель. Здесь он организовывал музыкальные встречи, здесь познакомился с великим миром немецкой музыкальной культуры. В Германии созданы многие произведения Тургенева, и одно из самых лиричных – повесть «Ася».

С удовлетворением мы встречаем во многих немецких городах памятные места, связанные с нашей общей историей, с русской культурой и литературой. В частности, это заставляет нас вспомнить об известной русской традиции посылать молодежь «доучиваться» в Берлин, в Германию, которая в XIX веке, во времена Тургенева и Грановского, была подлинным центром, средоточием мирового духовного развития. Высота и размах немецкой культуры оказали огромное воздействие на русских гениев. Во времена их мужания речь шла о том, чтобы обогатить культуру российскую, а значит и общевропейскую, и мировую.

Русская славянская душа всегда открыта миру, она ищет правды, она страдает всем народам. Россия на протяжении веков жадно впитывала опыт Древней Греции и Византии, Скандинавских стран и Востока. Как говорил русский философ прошлого века Петр Чаадаев, «беспрестанные, дружеские и родственные связи со всеми почти государствами Европы питали в нас чувство общего гражданства христианского и приносили к нам множество светлых понятий».

Особую роль в культурном взаимодействии наших народов сыграл Баден-Баден. Он традиционно является курортом русской политической и духовной элиты. Здесь бывали представители царской семьи, князь Гагарины, Волконские, Вяземские, Трубецкие. К городу были неравнодушны русские писатели – Гоголь, Толстой, Достоевский. Поэт Василий Жуковский в 1852 году написал здесь даже слова к русскому национальному гимну.

Не случайно говорили, что для того, чтобы понять загадку России, надо побывать в Европе. Так, действие романа Тургенева «Дым» происходит в Баден-Бадене. На фоне этого благополучного курорта особенно контрастно была видна растерянность русского общества, вошедшего в полосу реформ. Россия вступала на путь капиталистического развития – шел мучительный процесс осмысления происшедшего перелома, процесс сомнений, поиска способов движения вперед.

Таким образом, история доказывает, что выбор России – быть органической частью общемировой цивилизации, предназначение наших культур – взаимно обогащать друг друга. Культурные и человеческие связи всегда сближали наши народы.

Сегодня история повторяется: Россия снова ищет свой путь в третье тысячелетие. Этот путь труден, не прост, не лишен риска, но мы полны решимости преодолеть текущие сомнения и преграды. Точно знаем одно: нельзя омрачить стремление человечества в новый век конфронтацией, вооруженным противостоянием. Символично, что франко-прусская война 1870-1879 года застала Тургенева именно здесь, в Баден-Бадене. Увиденные разрушения потрясли русского писателя.

Великий художник слова, он писал: «Страшно и горестно было видеть в этой тихой, прекрасной равнине, под кротким сиянием полузакрытого солнца этот безобразный след войны, и нельзя было не проклясть ее и безумно-преступных ее виновников».

Да, сама природа обустроила это божественное место для создания благодатного курорта, где человеческая душа находит успокоение и умиротворение. Стремясь сегодня к общеевропейской интеграции, создавая контуры общеевропейского дома, мы должны сделать его как можно более благоустроенным, уютным, открытым для достойной жизни сегодняшних и будущих поколений. И у всех нас был и есть прекрасный образец этого общеевропейского дома – Баден-Баден!

За плечами россиян и немцев не только трагедия двух мировых войн, но и десятилетия мирного и плодотворного сотрудничества, целые эпохи, величественным олицетворением которых служат образы Петра Великого и Екатерины Второй. Новое время создало для нас новые возможности: открыты широкие каналы взаимовыгодного сотрудничества в экономике, социальной сфере, в культуре.

Многие города России установили партнерские связи с немецкими побратимами. Например, мой родной город Орел дружит с Оффенбахом-на-Майне. Мы должны поддержать этот диалог, вовлечь в него молодое поколение. Наш принцип – брать из прошлого огонь, а не пепел!

Сегодня, в этот знаменательный день, у нас появился еще один добрый пример взаимопонимания, добрососедства, уважения к общей истории и культуре. Пусть он будет новой звездой на пути нашего движения к прекрасной жизни. Желаю всем вам мира и счастья!

Газета «Просторы России». 2000 год, октябрь, № 41.

I

*К 2000-летию
Христианства*

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

2000 год – год вступления в новый век, в новое тысячелетие, проходил под знаком двухтысячелетия христианства. С этой важнейшей датой в истории мировой цивилизации были связаны многие события, происходившие в стенах музея: выставки, научные чтения, заседания Тургеневского общества, вечера и творческие встречи.

В 2000 году в музее И.С.Тургенева состоялись:

Цикл мероприятий «Тургеневская осень» на тему «Тургенев и христианская культура», в который вошли:

- Традиционный день памяти И.С.Тургенева 3 сентября с поминальной службой в церкви Иоанна Крестителя и часом памяти в музее.

- Открытие выставки «Живые воспоминания» («Тургенев в русском храме») с участием студенческого театра «Ювента» Орловского государственного университета и хора учеников Православной гимназии г. Орла.

- В музейном видеолектории «Дорогами Тургенева» демонстрировались фильмы «Земля Тургенева», «Баллада о «Дворянском гнезде», «Паломничество в Буживаль», «Прогулка с Тургеневым по Парижу», «Марсель времен Тургенева».

- День рождения И.С.Тургенева 9 ноября с возложением цветов к мемориальной доске, посвященной рождению Тургенева, торжественным заседанием Тургеневского общества, вечером, посвященным творчеству молодых орловских поэтов.

- X Тургеневские чтения на тему «И.С.Тургенев и христианская культура», на которых с докладом выступили преподаватели Орловского государственного университета, научные сотрудники музеев, краеведы.

Помимо «Тургеневской осени» калейдоскоп музейной жизни включил в себя:

- литературную встречу с писателем, лауреатом Государственной премии СССР П.Л.Проскуриным;

- творческую встречу с фотографом-художником В.И.Широбоковым на его персональной выставке «Времена года в Спасском-Лутовинове»;

- открытие персональной выставки народного художника России А.И.Курикова и его творческий вечер;

- встречу в «литературной гостиной» с коллективом Театра друзей из Москвы;

- презентацию музыкального альбома композитора И.Хрисаниди «Дворянское гнездо»;

- вечер «Апостолы болгарского Возрождения», посвященный Дню славянской письменности и культуры;

- вечер «Вот разума великолепный пир...», посвященный 200-летию со дня рождения поэта Е.Баратынского;
- вечер памяти Александра Блока;
- вечер «Два переводчика И.С.Тургенева», посвященный юбилеям двух переводчиков произведений Тургенева на иностранные языки: Луи Виардо и А.Видерта.

2000-летию Христианства были посвящены мероприятия цикла «Путешествие к Святому колодцу», которые музей провел совместно с литературно-краеведческим музеем с. Ильинское Хотынецкого района.

Состоялась путевая экскурсия в Орловское Полесье, в музее с. Ильинское была открыта выставка «Духовные святыни России», представляющая работы орловских художников. Артисты Академического театра драмы им. И.С.Тургенева показали сцены из спектакля «Провинциалка» по пьесе И.С.Тургенева.

Состоялся молебен у часовни иконы Казанской Божьей матери на Святом колодце в Полесье.

Активное участие во всех делах, связанных с именем и памятью И.С.Тургенева, принимали члены «Тургеневского общества», 17 заседаний которого были проведены в 2000 году. В рамках «Тургеневского общества» работали секции: литературоведение, краеведение, философский клуб.

В 2001 году проект «И.С.Тургенев и христианская культура» будет продолжен и станет одним из главных в подготовке 185-летия со дня рождения писателя.

Г.Б.КУРЛЯНДСКАЯ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ ТУРГЕНЕВА

Реализм писателей-орловцев – Тургенева, Лескова, Бунина, Леонида Андреева – романтически окрашен, поэтически вознесен и философски заострен. Романтические тенденции в их реализме во многом определяются той особенностью их творчества, которая выражается в органическом сочетании социально-типического, морально-этического плана с планом универсально-сущностным, вневременным. Действительность в художественном изображении выступала многомерной благодаря тому, что в эстетический кругозор сознания входили трансцендентные категории, унаследованные от романтического искусства. Осваивая фактическую реальность частной жизни, а также общественной истории, писатели устремлялись за пределы этой реальности к сущностным силам вселенской жизни, предавались ощущению безграничности и неисчерпаемости бытия. Зная противоположность Бога и мира, они вместе с тем надеялись на их взаимодействие. Поэтому переживали «трансцендентное, как становящееся имманентным». Писатели-орловцы находились в процессе искания Бога и драматически переживали возможность его отсутствия в мире.

Неспособность к религиозному опыту они воспринимали как свою духовную ущербность. Наш современник справедливо писал: «В работах последнего времени нередко ставится вопрос об устремленности русских реалистов к общечеловеческим глобальным и даже вселенским категориям, к попытке предвидеть в быте бытие, а в окружающих, вполне сознаваемых формах – отблески высшей истины. Речь идет о попытках русских писателей найти в бурно меняющемся мире непреходящие ценности» (Маркович В.М. И.С.Тургенев и русский реалистический роман XIX в. С.5).

После увлечения философией Гегеля, которую Тургенев с «особенным рвением» изучал в Берлинском университете под руководством профессора Вердера, и увлечения «романтическим идеализмом» Станкевича и Бакунина Тургенев затем именно в 40-е годы, в эпоху кризиса спекулятивной (умозрительной) философии в Германии и России пережил переход от идеализма к материализму, от Гегеля к Фейербаху. В одном из писем к Полине Виардо Тургенев говорит о Фейербахе как о «единственном человеке, единственном характере и единственном таланте» (II, I, 445).

Беседы с Белинским при ежедневных встречах в Петербурге в течение нескольких лет (1843-1846), совместная заграничная жизнь летом 1847 года содействовала укреплению и развитию реалистического мышления. Тургенев приходит к выводу, что мир не есть сознательное творение, что «тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни, той жизни, которая находится везде, проникает всюду, заставляет целый мир растений и насекомых без цели и без надобности зародиться в каждой капле воды». Тургенев полагает, что жизнь не есть «обдуманное творчество», что она есть «произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе» (II, I, 481). В том же июльском письме 1849 г. к Полине Виардо Тургенев снимает «величие» и «святость» жизни: «она заставляет кровь обращаться в моих жилах без всякого моего участия, и она же заставляет звезды появляться на небе, как прыщи на лице, и это ей одинаково ничего не стоит, и нет ей в том большой заслуги. Эта шутка – равнодушная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая – это жизнь, природа или бог; называйте ее как хотите, но не поклоняйтесь ей (...) Ибо во 1-х, для нее не существует ничего великого или малого; во 2-х, в акте творения заключается не больше славы, чем есть славы в падающем камне, в текущей воде, в переваривающем желудке; все это не может поступать иначе, чем следовать Закону своего существования, а это и есть Жизнь» (II, I, 481).

В 40-е годы писателя поражило в религии напряженное самоотречение и отталкивал платонический характер этого отречения, «кровавая, мрачная, бесчеловечная сторона этой религии (...), все эти бичевания, процессии, поклонения костям, эти аутодафе, ожесточенное презрение к жизни, отвращение к женщинам, все эти язвы и вся эта кровь!» (II, I, 442), - писал

Тургенев Полине Виардо 19 октября 1847 г. в связи с книгой Даумера о тайнах христианства.

Кальдерона, испанского драматурга, Тургенев называет «гением в высшей степени необычайным и в особенности мощным». В драме «Поклонение кресту» его удивляет «непоколебимая, победоносная вера, без тени какого-либо сомнения или даже размышления». Вместе с тем он отказывается принять основную идею – «это уничтожение всего, что составляет достоинство человека перед божественною волею, безразличие, с каким благодать снисходит на своего избранника, ко всему, что мы называем добродетелью или пороком». Это смирение перед божественною волею, по мысли Тургенева, «еще новое торжество для человеческого разума, существо, столь отважно провозглашающее свое собственное ничтожество, тем самым возвышается до равенства с этим фантастическим божеством...» Человек признает себя игролищем того божества, которое «само создание его рук», - говорит Тургенев в духе антропологической философии Фейербаха, согласно которой Бог есть объективированная духовная сущность самого человека. Морали покорности и смирения Тургенев в том же письме противопоставляет религию бунта и протеста: «...я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати». (П., I, 449). С просветительских позиций подчеркивается превосходство собственного ума над благодатью. Драматический католический поэт противопоставляется Шекспиру, «самому человеческому, самому антихристианскому поэту» (там же). Однако Тургенев никогда не был воинствующим атеистом, он скорее был страдающим. В отличие от Фейербаха он драматически переживал богоотсутствие в мире. С горестным чувством он призывал не поклоняться «Жизни», потому что она – равнодушная, повелительная, прожорливая стихия, лишенная «величия» и «славы». Его угнетала «пустыньность неба», «неразумность» природы, он весь отдается ощущению трагизма жизни отдельной человеческой индивидуальности, ужасу перед тем Ничто, которое лежит в основе вселенского мироздания. Философские пессимистические суждения Тургенева были своеобразным выражением жадности богоприсутствия в мире. И в дальнейшем, в течение всей сознательной жизни всеми своими помыслами он отдавался поискам коренной неистребимой потребности в идеале совершенства, т.е. в духовном Абсолюте, пребывающем не только в природно-вселенском мире, но и над ним. В дальнейшем, признавая высшую безусловную реальность трансцендентной, недоступной человеческому разумению, Тургенев считал необходимым «смириться» и преклонить головы перед «Неведомым».

Тургенев изображал «героев времени», «русских Гамлетов», тех представителей дворянской интеллигенции, которые не смогли последовательно и героически служить «общему благу»: Гамлет Щигровского уезда из одноименного рассказа, Чулкатурин из «Дневника лишнего человека», Вязовнин («Два приятеля»), Веретьев («Затишье»),

Нежданов («Новь»). Главная особенность этих персонажей – сосредоточенность на себе, обособленность и полный разрыв с природой, слепорожденной, равнодушной. В этом отношении очень показателен рассказ «Поездка в Полесье», в котором природа говорит человеку: «Мне нет до тебя дела (...) я царствую, а ты хлопчешь о том, как бы не умереть». Перед лицом мрачного бора, который «угрюмо молчит или воет глухо», в сердце людское проникает сознание нашей ничтожности: «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, - трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды» и «вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданным, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу» (VII, 5).

Эти пессимистические настроения, согласно которым мир пуст, и Бога нет в нем, до некоторой степени являются порождением индивидуалистического мироощущения, связанного с состоянием одиночества и полной непричастности к социально-активной практике. Тургеневский герой менее всего думает о внутренних духовных связях с людьми. Главное в нем – это неутоленная жажда личного счастья. Прошедшая жизнь встает перед ним под знаком того же холодного отчаяния, неизбежного конца – смерти: «Душа жаждала счастья такого полного, она с таким презрением отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вот-вот нахлынет счастье потоком – и ни одной каплей не смочило алкавших губ» (VII, 60).

Однако своего страдающего героя Тургенев приводит к пониманию нравственного содержания жизни. Представление о красоте как грани внутренних душевных движений, как сдержанности ощущений сложилось у Тургенева и его героя под влиянием изучения проявлений природной жизни: «Я поднял голову и увидел на самом конце тонкой ветки одну из (...) мух. Насквозь пропеченная солнцем, она не шевелилась, только изредка поворачивала головку с стороны в сторону и трепетала приподнятыми крылышками, вот и все. Глядя на нее, мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится» (VII, 69-70).

Высший смысл красоты Тургенев усматривал в равновесии внутренних сил в человеке и в целом мироздании. В рецензии на «Записки ружейного охотника» С.Аксакова Тургенев выявляет «основное направление» природы и находит его в бесконечной всеобщей гармонии, в которой все жизни сливаются в одну мировую жизнь, рождающуюся из разъединения и раздробления. Каждая точка в природе, каждый организм эгоистически

замыкается и почитает себя средоточием вселенной, поэтому консервативен, стремится вечно повторяться. Но гармония и равновесие достигаются благодаря способности выходить за пределы себя и существовать для другого. Это взаимодействие полярных сил – закон, которому подчиняется любой организм в мире (V, 415-416).

Та же мысль о природе, как великом стройном целом, выражается и в статье «Гамлет и Дон-Кихот». По заключению автора, «вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал». (V, 184). Эта борьба центростремительной силы природы, по которой все живущее считает себя центром творения (Гамлеты), и центробежной, по которой все существующее существует только для другого (Дон-Кихоты), составляет содержание человеческой и космической жизни: «Без этой центростремительной силы (силы жизни) природа существовать бы не могла, точно так же как и без другой, центробежной силы» (VIII, 184).

Мысль о гармонии, проявляющейся через разъединение, сближает Тургенева с романтиками, с рассуждением Шейермахера о двух тенденциях человеческой природы: «личность стремится утвердить себя как нечто особое, вполне самостоятельное и в то же время желает существовать для другого и целого». Постоянно направляясь на раскрытие «общих оснований», «коренных законов» природы и жизни вообще, Тургенев имеет переключки с романтиками, в особенности, с иенскими, признающими гармонию индивидуального и общего, но расходятся с ними, оставаясь на пороге признания «мировой души». Он не знает почему из всеобщего разъединения рождается всеобщая гармония – для него «это одна из «открытых» тайн, которые мы все видим и не видим» (Карташова И.В. Философско-этические воззрения Тургенева 40-50-х годов и немецкий романтизм // Тургенев и русская литература. Курск, 1982).

Свою мысль о том, что общее проявляется через единичное, гармония - через хаос и разъединение Тургенев подтверждает известными страницами Гете о природе (фрагмент «Природа»). Бытие рассматривается как вечное соединение и разъединение, все силы в нем нераздельно связаны и существуют лишь во взаимодействии. Совпадая с Гете в своем представлении о природе как единстве в многообразии, о развитии космической жизни путем борьбы заложенных в ней противоположных начал, Тургенев органично приходит к утверждению всемирного согласия. «Основной смысл» человеческой и вселенской жизни он полагает в равновесии ее внутренних сил.

Носителями всемирной гармонии в произведениях Тургенева являются «тихие» и восторженные романтики-неудачники, чудаки, вечные страпники. Именно в них дар внутренней свободы проявляется с наибольшей яркостью в созерцании прекрасного, а также самоотверженном служении «общему благу», в способности к героическому подвигу.

Романтику прекрасного Тургенев высоко поднимал над узким житейским расчетом и неизменно связывал ее с чистотой нравственного

чувства. Живое ощущение красоты и ее непреходящего нравственного значения, чувство единения с целым вселенским миром – вся эта поэтическая реальность возвышалась беспомощных чудаков-созерцателей над прозой унылого существования дельцов-практиков, лишенных «чистых наслаждений». В этом признании гармонии, как слияния красоты и нравственной чуткости, сказалась сила Тургенева как художника-мыслителя, стремившегося к преодолению представления о глубинных началах жизни. Но это ощущение всемирной гармонии просто разрушалось, куда-то отодвигалось, когда бездушная материя, живущая по своим «неизменным законам» вдруг признавалась основанием мира. Бессмысленное Ничто порождало настроения космического пессимизма.

Этико-эстетические постижения героев-романтиков даются в их непосредственных взаимодействиях с природным окружением, а также в сфере человеческой «чувственности» - любви, дружбе. В раскрытии этих постижений огромное символическое значение приобретает пейзаж. Вспомним пейзаж, в котором проступает идеальная основа мира, слияние человека с природой, неразрывная близость между ними. Переправляясь через Рейн, рассказчик, и он же герой из повести «Ася», «вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... Поднял глаза к небу – но и в небе не было покоя: испещренное звездами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; он склонился к реке... но и там, и в этой темной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды...» (VII, 102). «Я» лирического героя и окружающая природа нераздельно объединяются на почве их глубочайшего субстанциального родства, уходят в единый источник бытия, в единый корень жизни. Это слияние «природного» и «духовного» есть признание красоты как сокровенной сути мира. Высоко поднимается духовная жизнедеятельность человека, неразрывно связанная с созерцанием прекрасного. Природа в чистом восприятии романтика-автора и его героя – выступает как «храм красоты».

Пантеистические мотивы гармонии, слияние человека и природы осуществлялись Тургеневым на протяжении всего творчества. Еще зимою 1840 года, как полагают комментаторы полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева (II, I, 537), в незаконченном черновике обращения к Беттине Арним Тургенев признает природу чем-то одушевленным, живым, имеющим абсолютную непреходящую сущность: «Эта тесная связь человеческого духа с природой – не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни: только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (II, I, 436).

Тургенев не знал резких сдвигов в своей идейно-эстетической эволюции: мотивы метафизического одиночества человека и пантеистическое признание всемирной гармонии сосуществовали в произведениях писателя на протяжении многих творческих лет. Однако этико-философское мировоззрение Тургенева не исчерпывается борьбой этих противоположных направлений. Прежде всего Тургенев не мог удовлетвориться пантеистическим решением проблемы соотношения

единичного и общего, идеей растворения личности в духовно-природном, ее поглощения всеобщим. Своим признанием неповторимой духовной ценности, уникальности человеческой личности, располагающей даром внутренней свободы, как своей глубочайшей сущностью, Тургенев, несомненно, выходил за пределы пантеизма, отрицающего божественное бытие вне мира. Этим самым Тургенев сделал шаг в сторону христианского вероучения. Он знал эту потребность в существовании личного Бога: «Только такая молитва и есть настоящая молитва – от лица к лицу. Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному богу – невозможно и немислимо» (XIII, 197). В этом смысле о Тургеневе можно сказать словами нашего современника; «Он един во множественном, бесконечен в конечном, трансцендентен в имманентном» (Кураев А. Пантеизм и монотеизм // Вопросы философии, 1966, № 6,-С.47). В сороковые годы Тургенев резко отрицательно отнесся к религиозному мышлению католического поэта-драматурга, исполненного аскетического презрения к чувственной стороне жизни. В 50-е годы Тургенев в своем творчестве обратился к мотивам христианства. В письме к Е.Е.Ламберт он выражал признание религиозного чувства одним из верных средств познания жизни: «да, земное все прах и тлен – и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру – имеет все и ничего потерять не может, а кто ее не имеет – тот ничего не имеет, - и это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим!. Но я не теряю надежды» (II, IV, 306). Тургенев был «человеком универсально образованным, и – главное - он не был позитивистом, - писал Б.Зайцев. – Он, правда, не был и человеком верующим, но у него было очень сильно развито чувство потустороннего, и свое отсутствие веры он принимал не как знак своего превосходства, а как крест им несомый» (подчеркнуто мною – Г.К.) (Зайцев Б. И.А.Бунин. Жизнь и творчество. Изд-во «Парабола», Берлин, 1934.-С.258).

В духе народных религиозных представлений Тургенев создал образ Христа, как носителя Истины и Красоты. В портретных изображениях Христа в рассказе «Живые мощи», в стихотворениях «Христос», «Милостыня» «постоянным остается выражение абсолютной нормы гармонического бытия». «Лейтмотивом всех портретных характеристик Иисуса в произведениях писателя – чувство гармонического покоя, целесообразности и меры, идея светлого высокого начала, строгость внутренней чистоты, достоинство и мудрость, справедливость и любовь» (Головкин В.М. Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И.С.Тургенева // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994.-С.233-234). В «Дворянском гнезде» религия дана как форма выражения нравственного сознания народа, религиозные переживания – как источник внутренней душевной силы и чистоты. Именно религиозность роднит Лизу Калитину с народом и выделяет из дворянского круга. Восторженная набожность, подчеркивает Тургенев, черта не дворянская. Лиза «по-прежнему шла к

обедне, как на праздник, молилась с наслаждением, с каким-то сдержанным и стыдливым порывом, чему Марья Дмитриевна втайне немало дивилась, да и сама Марфа Тимофеевна, хотя ни в чем не стесняла Лизу, однако старалась умерить ее рвение и не позволяла ей класть лишние земные поклоны: не дворянская, мол, эта замашка». Сам лишенный религиозного таланта, Тургенев высоко оценил связь своей героини с исконно-национальной религиозной культурой русского народа, с православной церковью – именно этим определяется и нравственная чистота и высокое сознание долга. (Курляндская Г. Структура повести и романа И.С.Тургенева 1850-х годов. Тула, 1977.)

Тургенев сомневался в возможностях разума и жаждал веры как несомненного и непосредственного приобщения к истине. Оценка веры, как сверхлогического знания, сближала Тургенева со славянофилами, для которых «верующий знает истину, неверующий же не знает ее или знает ее знанием внешним и несовершенным» (Хомяков). Тургенев убежден в достоверности веры, что подтверждается письмами к Е.Е.Ламберт. Представление Тургенева о религиозной вере народно-православное. Он понимал, что вера не противоречит разуму, но она сама по себе иррациональна. И в этом смысле он разошелся с Э.Кантом, с его учением о разумной вере. Но вместе с тем во многих произведениях Тургенева наблюдается переключки с Кантом, и она касается прежде всего вопроса о свободе воли и вменяемости, о вине и возмездии.

Кант размышляет о том, возможна ли свобода вообще и совместима ли она со всеобщностью естественного закона причинности? Ради спасения свободы он допускает, что явления не суть «вещи в себе», а только представления, которые должны иметь трансцендентное основание. В чувственно воспринимаемом мире все совершается согласно закону необходимости и свобода невозможна. Но существует также свободная умопостижимая причинность, находящаяся вне природного ряда, а потому независимая от закона необходимости: «Такая независимость называется свободой в самом строгом, то есть трансцендентальном смысле» (Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т.3; М. 1964.-С.476).

Кант различает «эмпирический характер», действия которого подчинены природным законам, и «умопостижимый характер», свободный от условий чувственности и потому обладающий способностью «самопроизвольно начинать ряд событий» (там же, с.470). Как эмпирический характер, индивидуум всесторонне обусловлен, подчиняется закону необходимости, но вместе с тем нравственно ответствен за свои действия, потому что одновременно принадлежит «умопостижимому миру» и обладает свободной духовностью.

Русские писатели размышляли над вопросом о свободе разумного существа в мире, в котором все процессы протекают согласно закону необходимости. Для них имело огромное значение кантовское утверждение «свободной причинности» в соединении со всеобщим законом «естественной обусловленности», прозвучавшее впервые в «Критике чистого разума», а

затем повторенное с новым углублением в «Основах метафизики нравственности» и в «Критике практического разума».

Пользуясь правом свободного выбора, человек может отдаваться доброй воле, то есть поступать в соответствии с требованиями разума или сознательно идти на оскорбление закона под воздействием своей чувственной природы. В том и другом случае человек остается нравственно ответственен. Злая воля, как и добрая, предполагает выбор, то есть трансцендентальный акт, а совсем не является только результатом внешних или внутренних обстоятельств.

Российские ученые обратили внимание на то, что Кант не полностью развел эмпирическое и умопостигаемое, природно-чувственное и внеприродно-разумное. Он стремился показать совместимость свободы с природной причинностью (3, 496). Добрая воля, предъявляя к эмпирической действительности требования разума, преобразует ее – так проявляется возвышение эмпирического индивида до трансцендентального субъекта и свобода в этом случае проявляется в условиях его социально-исторического существования как внутренняя духовная активность. Следовательно, в сфере нравственности существует переход из мира явлений в мир «вещей в себе». (Дробницкий О.Г. Теоретические основы этики Канта // Философия Канта и современность.-М.: 1974.-С.114; Ойдерман Т. К характеристике трансцендентального идеализма Канта: Метафизика свободы // Вопросы философии, 1996, № 6). Кант определяет нравственность как должноствоание, обращенное к человеку как «члену умопостигаемого мира» (4, I, с. 291), а не как к существу эмпирического уровня. Говорится о специфичности нравственного мотива, несводимого к естественным побуждениям или чувствам. Как моральное существо человек свободен от своей психической природы, от естественных влечений и потребностей. Кант находит в нем то, что «возвышает человека над самим собой как частью чувственно постигаемого мира» (4, кн. I, с. 413). Задача человека – не искоренение чувственности, а лишь ее ограничение, господство над ней посредством обращения к сознанию без ожидания награды или внутреннего блаженного удовлетворения.

Кантовская идея антагонизма нравственного сознания и естественных влечений имеет непосредственное отношение к этическим взглядам Тургенева и его героев. В «Дворянском гнезде», начиная с XXXVI главы, изображается такая ситуация, когда чистая поэтическая любовь вступает в противоречия с сознанием нравственного долга, требования которого категоричны и безусловны. Глубоко убежденная в нерасторжимости брака («нельзя разлучить то, что бог соединил») Лиза Калитина решительно и сурово разрывает жизненные связи, признав свою любовь к женатому человеку «преступной», а свою мечту о счастье сугубо эгоистической и себя заслуженно наказанной. Вместе с тем разрыв с Лаврецким Лиза переживает драматически. «Внезапный перелом в ее судьбе потряс ее до основания...», она «с трудом и волнением подавляла в душе какие-то горькие, злые, ее самое пугавшие порывы», она «боялась потерять власть над собой, она

чувствовала, что голова у нее тихо кружилась». Эти горькие, злые порывы, эта возможность потерять власть над собой – проявление естественной чувственной природы человека, протест против закона отречения. Сопrotивляясь естественным влечениям. Лиза подчиняет свое поведение законам безусловного долга, велению «чувственно незаинтересованного разума» (Кант). В полной переключке с немецким философом Тургенев возвеличивает свою героиню над всей и ее собственной природой. Лиза успешно решает моральную задачу: она ограничивает чувственность, достигает господства над нею, отдаваясь велению долга. В момент катастрофы она заявляет свою непреклонную волю: «Нам обоим остается исполнить наш долг. Вы, Федор Иванович, должны примириться с вашей женой» В словах и поведении выражается нравственное сознание Лизы, но в отдельных жестах сквозит внутреннее смятение, «но примиритесь, и снова занесла руку на глаза». Этот жест выдает ее волнение, протест естественной природы против идеи религиозного отречения. Через рисунок жестов и портретные детали раскрывается внутренняя драма Лизы: «Лиза подняла голову. Ее усталый, почти погасший взор остановился на нем». «Лиза подняла на него свои глаза. Лицо ее было бледно; слегка раскрытые губы тоже побледнели. Сердце в Лаврецком дрогнуло от жалости и любви». Таким образом, рисунок сложного противоречивого состояния Лизы достигается путем сопоставления слов, подчиненных нравственной воле, и внешнего портрета героини, в котором проявляется жажда жизни, счастья.

Тургенев полагал, что предписания нравственности в некоторых ситуациях противоречат склонности, т.е. естественным влечениям. В духе кантовской морали, выраженной в «Критике практического разума», Тургенев раскрывает жизненную драму Лизы Калитиной и Федора Лаврецкого, антагонизм нравственного сознания и чувственно-природного начала. Моральность определяется не чувством, а чистым практическим разумом, «ибо, согласно разъяснению Канта, всякое чувство относится к чувственности, а побуждение нравственного образа мыслей должно быть свободным от всякого чувственного условия» (т.4, ч.1, с. 412). Не зависящий от всего эмпирического, т.е. наших склонностей, чувств и естественных побуждений, чистый разум становится практическим, т.е. определяет нашу волю.

Моральный закон, сообщаемый чистым разумом, является всеобщим и безусловным, объективно необходимым, имеет значение для каждого разумного существа. «Моральный закон для воли всесовершеннейшего существа есть закон святости, - пишет Кант, - а для воли каждого конечного разумного существа есть закон долга, морального принуждения и определения его поступков уважением к закону и из благоговения перед самим долгом». (т.4, ч.1, с. 408). Именно в аспекте этих представлений Тургенев раскрывает внутреннюю драму своих центральных персонажей. Он показывает, как Лиза старается привести свою волю в соответствие с моральным законом, и потому она с неизбежностью встает на путь отречения. Для нее моральный закон становится законом долга,

нравственной обязанностью, практической принудительностью и потому исполнение долга сопровождается страданием и, как говорит Кант, «чувством неудовольствия». Лиза следует моральному закону не просто, а в борьбе с собою, жертвует своими чувствами, счастьем всей жизни, высокой поэзией любви. Она отдается категорическим и безусловным повелениям нравственного голоса в себе как существо, имеющее чувственные побуждения, т.е. с болью, с внутренним протестом. Именно поэтому Лиза изображается не только в плане торжествующего сознания нравственной необходимости, но и страдающим человеком со всей смутой противоречивых эмоций.

Лиза обладает сознанием своей духовной свободы, и это сознание изображается писателем как способность следовать моральному закону. Исполняя долг, Лиза идет навстречу своему несчастью, но тем самым она сохраняет в своем лице достоинство Человека. Поведение Лизы становится понятным в свете следующего разъяснения Канта: «Это результат уважения не к жизни, а к чему-то совершенно другому, в сравнении и сопоставлении с чем жизнь со всеми ее удовольствиями не имеет никакого значения» (т.4, ч.1, с. 415).

Автора и героиню объединяет сознание долга и спасительность этого сознания. Идея долга была у них следствием признания нравственного закона как всеобщего и обязательного для всех разумных и конечных существ. Принятие Тургеневым идеи долга подтверждается и сентябрьским письмом к Е.Е.Ламберт 1869 г.: «... жизнь в свое удовольствие давно кончилась для меня – и надо теперь приучаться к настоящему жертвованию собой – не к тому, о котором мы так много говорим в молодости и которое представляется нам в образе любви, то есть все-таки наслаждения – а к тому, которое ничего не дает личности, кроме разве чувства нравственного долга, и заметьте – чувства чужого и холодного, без всякой примеси восторженности или увлечения» (II, IV, 133). Призывая к «настоящему жертвованию собой», Тургенев в то же время уверен, что стремление к личному, интимному счастью любви – непреодолимая потребность человеческой личности, поэтому отречение от природного «эгоистического» начала во имя безусловной нравственности приводит ее к внутреннему безразличию, сухому, холодному чувству, лишенному трепета живой жизни, внутреннего удовлетворения. «Высокое достоинство долга не имеет никакого отношения к наслаждению жизнью; у него свой особый закон и свой особый суд...» (т.4, ч.1, с. 416). Чистый практический разум, по Канту, есть «сам чистый моральный закон, поскольку он позволяет нам ощущать возвышенный характер нашего собственного сверхчувственного существования...» (т.4, ч.1, с. 415).

Лиза Калитина показана страдающей по живым естественным отношениям в сцене встречи с Лаврецким в монастырской церкви. Ведь Лиза, как и любой другой человек, относится к категории «конечных разумных существ», имеющих чувственные побуждения, поэтому усилием воли она достигает лишь относительной независимости от естественных

влечений, но не в силах искоренить их окончательно. Ведь она осуществляет свой нравственный долг в борьбе со своей естественной природой и потому не может быть счастливой. На путях отречения она находит лишь то удовлетворение, которое Кант называет «интеллектуальным». Обуздание своих влечений, по Канту, с которым солидаризируется Тургенев, «ведет к удовлетворению, которое нельзя назвать счастьем, так как оно не зависит от примеси какого-либо чувства. Говоря точнее, это и не блаженство, так как оно не заключает в себе полной независимости от склонностей» (т.4, ч.1, с. 415).

Мистическое открывалось Тургеневу не только своей светлой «аполлоновской» стороной, мотивами религиозно-нравственных переживаний праведников, но и «дионисийской» темной стороной.

«Чувство потустороннего» (Б.Зайцев) объясняет внимание Тургенева к «тайным силам», которые изредка пробиваются наружу в виде неукротимой страсти, приходящей вопреки нравственному сознанию. Интерес к «роковым» и «темным» стихиям страсти был постоянным почти на всем протяжении сознательных творческих лет. Еще в «Записках охотника», именно в рассказе «Бежин луг» дана атмосфера загадочного и чудесного в человеческой жизни и связанной с ней природе. С новой силой и новыми акцентами она дана в «Фаусте» и «Призраках». С наибольшей откровенностью эта стихия сверхъестественного выступает в повестях, так и названных «таинственными», в особенности таких, как «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)».

Несмотря на декларацию своего равнодушия «ко всему мистическому», Тургенев в последние годы еще с большей силой загорается жадной религиозных прозрений и вместе с тем крепнет голос скептического раздумья. Однако рациональное решение философского вопроса не устраняет «чувства потустороннего». Оно явно присутствует в произведениях Тургенева в остром ощущении зависимости внешнего и внутреннего мира человека от каких-то недобрых, роковых сил, неподвластных человеческому разумению. Вспомним Якова Аратова из повести «Клара Милич (После смерти)» - чистейшего романтика. Всем своим сердцем он знал, что «существуют в природе и в душе человеческой тайны, которые можно иногда прозреть, но постигнуть – невозможно, верил в присутствие некоторых сил и веяний, иногда благосклонных, но чаще враждебных...» Наделенный особой чуткостью к миру сверхъестественному, «непознаваемому», но «прозреваемому», Аратов переживает любовь к Кларе Милич как болезнь духа, как стихию явно недобрую, порабащающую его волю. Позиция автора сказалась в способах изображения героя-персонажа, в концепции его личности. Двойная мотивировка всех переживаний Аратова выражается в сочетании реалистического воспроизведения их с несомненным романтическим их озарением. Естественная трактовка сложнейших процессов человеческой психики, связанная с всесторонней детерминацией, не остается единственной именно потому, что повествование развивается в двух противоположных направлениях. Рядом с принципом обусловленности

характера и его проявлений торжествует свою победу мощная романтическая тональность, связанная с признанием реальности «тайных сил», в природе и человеке. Эмоция страха, вызываемая острым ощущением таинственного и его агрессивного вторжения в жизнь человека, остается в повести превалирующей, хотя она не снимает «первого» рационального объяснения. Все же таинственное выступает как роковая и недобрая реальность, всецело подчиняющая человека. «Еще очень давно, молодым и счастливым, испытал Тургенев в Куртавнеле мистические, жуткие ощущения – будто сквозь обычный мир давал о себе знать и другой, таинственный и недобрый. Он чудился ему и в звездном небе, и в ночных шорохах, и в снах...» (Зайцев Б. Далекое.-М.: 1991.-С.246).

Можно согласиться с Б.Зайцевым, что «у Тургенева не было чувства всемогущего светлого Бога», что «прорывающееся оттуда нерадостно». Действительно, «с годами чувство присутствия иного мира в нем росло. Но не давало радости». Правда, он жил надеждой обрести веру в религиозный смысл жизни. «Эта надежда не осуществилась. – Он ее потерял к концу жизни, хотя чем ближе приближался к смерти, тем меньше верил в нее, как в абсолютное небытие. Он стал бояться ее как страшного, по своей неведомости, инобытия» (Лаврецкий А. Тургенев и Тютчев // Творческий путь Тургенева. Сб. под ред. Н.Л.Бродского. Петроград, 1923. С.205).

Н.П.ГЕНЕРАЛОВА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТКЛИК Э.РЕНАНА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕСС 1878 г. В ПАРИЖЕ

С приглашением Тургенева на Международный литературный конгресс 1878 г. в Париже связан немаловажный эпизод в биографии писателя.¹ В Полном собрании сочинений и писем Тургенева этот эпизод отражен лишь публикацией небольшой вступительной речи, произнесенной уже маститым писателем 5(17) июня на открытии Конгресса. Эта речь, перепечатанная русскими газетами, вызвала в свое время целую бурю негодования. Критики возражали главным образом против преувеличенного значения, которое придал в своей речи Тургенев влиянию французской литературы на русскую.

«Два столетия тому назад, - говорил Тургенев, - в 1678 г., у нас не было еще своей литературы. Наши книги писались на старославянском языке, и Россия с полным основанием считалась страной полуварварской, относящейся столько же к Европе, сколько и к Азии <...> Без сомнения, тогдашние зрители считали «Мизантропа» только забавником; но мы счастливы, встречая это великое имя <Мольера> уже на заре нашей нарождающейся цивилизации. Сто лет спустя, когда наша литература становится уже жизнеспособной, в 1778 г., автор наших первых действительно самостоятельных комедий, Фонвизин, присутствовал при торжестве Вольтера <...> и описал его в опубликованном письме <...> где проглядывало самое восторженное восхищение перед <...> учителем и

образцом нашей тогдашней литературы, как, впрочем, и всех европейских литератур. Миновало еще столетие. За Мольером последовал у вас Вольтер, за Вольтером – Виктор Гюго. Русская литература наконец существует: она приобрела права гражданства в Европе <...> И вы сами призвали нескольких русских писателей к участию и сотрудничеству в международном литературном конгрессе. Двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам: сто лет назад мы были вашими учениками; теперь вы нас принимаете как своих товарищей и происходит факт необыкновенный и новый в летописях России, - скромный простой писатель, не дипломат и не военный, не имеющий никакого чина по нашей табели о рангах, этой своего рода общественной иерархии, имеет честь говорить перед вами от лица своей страны и приветствовать Париж и Францию, этих зачинателей великих идей и благородных стремлений». (ПСС и П (2), Соч. Т.12. С.333-334).

Конечно, в речи Тургенева были некоторые преувеличения, даже натяжки, но для того, чтобы понять, почему писатель решил принять приглашение участвовать в Конгрессе и чем был вызван его «комплиментик» французам, как он сам выразился в письме к Н.В.Ханыкову от 14 (26) июня 1878 г., необходимо разобраться в том, ради чего был создан Конгресс и каково было положение русской делегации на нем. «Моя коротенькая речь, - иронически писал Тургенев П.В.Анненкову в тот же день, - имела здесь успех поистине неожиданный и незаслуженный. Очень чувствительна Франция и благодарна за всякую крупницу сахара, которую ей кладут в рот».² Ознакомившись с откликами в русской прессе, Тургенев огорченно писал А.В.Топорову 22 июня (4 июля) 1878 г.: «Признаюсь, если б я мог предвидеть тот ливень грязи, которую на меня выпустили мои соотечественники по поводу невиннейшей речи, произнесенной мною, я бы, конечно, не участвовал в этом деле...»

Заслужил ли писатель упреки в недооценке русской литературы и переоценке французского влияния на нее? Был ли он прав, считая сам факт приглашения на Международный литературный конгресс русских литераторов явлением знаменательным и новым «в летописях России»? Прав ли был, наконец, Э.Абу, поддержавший кандидатуру Тургенева на роль вице-президента Конгресса?

Открытие международного литературного конгресса 1878 года было приурочено, с одной стороны, к открытию Всемирной выставки в Париже, а с другой, к празднованию 100-летия со дня смерти Вольтера, широко отмечавшегося во Франции. Чисто формально Конгресс главной своей задачей ставил широкое обсуждение проблемы литературной собственности и соблюдения авторских прав. По замыслу его устроителей, он должен был остаться в памяти потомков как одна из первых попыток учреждения международного литературного сообщества, своеобразного аналога Организации Объединенных Наций, призванного выработать общее для всех стран законодательство в отношении интеллектуальной собственности и способствовать упрочению общественного статуса литератора, защите его от произвола издателей, недобросовестных переводчиков, правительственных

преследований и т.п. Последнее, впрочем, стало предметом острой дискуссии и лишь частично отразилось в протоколах Конгресса, напечатанных отдельной книгой в следующем, 1879 году, в Париже.³

В подробных протоколах Конгресса содержится немало любопытнейших документов, в том числе и выступлений Тургенева, которые остаются неизвестными и никак не отражены в Полном собрании его сочинений и писем.⁴ Тургенев присутствовал на Конгрессе с 11 по 29 июня по новому стилю. Нередко он вел секции и должен был время от времени произносить какие-то реплики. Словом, маленькая речь на открытии, привлекавшая внимание русской публики, была лишь небольшой надводной частью айсберга. Главное же оказалось скрытым от глаз.

Многое в отношении участия Тургенева в работе Конгресса остается неясным. Неизвестно, по чьей настоятельной просьбе писатель отложил свой отъезд в Россию и остался в Париже. Возможно, его попросил об этом кн. Н.А.Орлов, тогдашний посол России во Франции. Во всяком случае, в предварительных документах, которые вошли в упоминавшийся том протоколов, его имя не фигурирует. Очевидно одно, что интересы России должны были быть затронуты в ходе этого Конгресса, и об этом было известно заранее. Автор двух больших отчетов о Конгрессе Л.Полонский: «... нам предстояла роль весьма неблестящая; те несколько русских литераторов, которые собрались в Париже, были уверены, что на конгрессе «нас отделают», что «нам достанется».⁵ Протоколы показывают, что нередко в сложных ситуациях Э.Абу выручал писателя, сдерживая бушевавшие в зале страсти. Именно по его предложению Тургенев был избран председателем одной из секций, председательствовал на общих собраниях и, в конце концов, был избран действительным президентом Конгресса (почетным оставался Виктор Гюго).

Надо признать, что объективно вся энергия Тургенева была направлена на защиту русских интересов и поддержку русской делегации, в составе которой были известный историк и социолог М.М.Ковалевский, писатель П.Д.Боборыкин, корреспондент «Вестника Европы» Л.А.Полонский, корреспондент одесской газеты «Правда» Б.А.Чивилев, В.В.Чуйко и некоторые др. Очевидно, по совету Тургенева приглашения были отосланы в Россию редакторам ведущих журналов и крупнейшим писателям: Л.Н.Толстому, И.А.Гончарову, Ф.М.Достоевскому, А.Н.Островскому, Я.П.Полонскому, которые по разным причинам не приехали. Особо следует отметить участие М.П.Драгоманова, оставившего интересные воспоминания о ходе конгресса и о своем общении с Тургеньевым. Он же, может быть, более определенно, нежели другие участники, объяснил цели этого мероприятия.

Надеясь найти на «свободном Западе» поддержку и сочувствие к угнетенной, с его точки зрения, в России украинской литературе, недавно уволенный киевский профессор напечатал на французском языке посвященную этому вопросу брошюру, явился с набитым брошюрами чемоданом в Париж и отправил в президиум конгресса письмо с просьбой предоставить ему слово. Первым разочарованием Драгоманова была

задержка его чемодана французскими таможенниками, вторым – то, что слово ему так и не было предоставлено. Правда, Тургенев, осторожно критиковавший его брошюру, все же передал ее в архив комитета. Однако критическое отношение Драгоманова к виденному и слышанному было обусловлено не только этими неудачами. Он прекрасно понял «коммерческие виды» конгресса и дал глубокий анализ происходившего на его глазах события.

Вот, например, как он оценивал роль почетного президента Конгресса Виктора Гюго: «Видно было, что с В.Гюго установился на конгрессе такой *modus vivendi*: великий муж был нужен для освящения его именем коммерческих видов конгресса, и ему оказывались божеские почести и предоставлено было право заявления его личных взглядов, но последних никто не думал поддерживать».⁶ А вот что сообщал Тургенев 11 (23) июня 1878 г. Гюставу Флоберу, который, как и большинство французских писателей, не принял участия в работе конгресса: «Друг мой, что за страшная штука эта говорильня! Вот, например, вчера Гюго произносит прекрасную речь, ее восторженно приветствуют, *единогласно* – словно в Учредительном собрании! – принимают решение ее издать – а через пять минут одобряют резолюцию, прямо противоположную речи – и он САМ ЖЕ за нее голосует!!» Этот пассаж остался фактически не прокомментированным в издании. Между тем, здесь-то и была, как говорится, зарыта собака.

Раздражение Тургенева вполне объяснится, если заглянуть в текст речи В.Гюго, которая, хотя и была, по обыкновению, исполнена риторических красот и таких возвышенных понятий, как «цивилизация», «прогресс», «человеческий дух» и т.п., однако содержала в себе нечто совершенно противоречащее как конкретным целям, так и самому духу конгресса. В своей речи Гюго провозглашал не только защиту авторского права, но и право общества, которое было поставлено им впереди права наследников распоряжаться произведениями того или иного выдающегося автора. Понятие «*la domaine publique*» («общественное достояние») становилось выше частных интересов, понятие общенародной собственности – выше частной. В речи Гюго прозвучала даже вовсе не идущая к духу всего конгресса фраза: «Мысль принадлежит всем, таким образом, она не может быть собственностью, таким образом, литературной собственности не существует» (*Congrès*. P.106). Недаром потом, на одном из заседаний Тургенев прямо скажет: «Признаюсь, что до настоящего времени этот огромный вопрос оставался для меня открытым, он стал ясным после выступления В.Гюго: я полностью разделяю его мнение» (*Ibid*. P.222).

Достаточно ознакомиться с протоколами первой секции конгресса, посвященной специально выяснению понятия «литературной собственности», чтобы большинство участников (преимущественно французов), долго дебатировавших вопрос, в какую статью гражданского кодекса занести понятие «литературной собственности» - движимой или недвижимой. Поднимался вопрос и о том, к каким статьям уголовного законодательства следует прибегнуть, чтобы оградить священное «право

собственности», не являющейся, по ядовитому замечанию Э.Абу, «воровством» (*Congrès*. P.23). Это замечание целило, конечно, не только в Прудона, автора известной сентенции «la propriété c'est un vol» (собственность – это кража), но и, несомненно, в известного социалиста Луи Блана, отказавшегося от участия в конгрессе, ссылаясь на несовместимость своих убеждений, от которых он не имел намерения отказываться, с целями мероприятия (*Ibid*. P.376).

По сути дела выводы и резолюции, которые были большинством голосов приняты на конгрессе, будь они внедрены в жизнь, означали для России прекращение общепринятой практики и грозили разорением большей части литераторов, переводчиков, издателей, театральных деятелей, поскольку и журналы, и театральные подмостки были переполнены переводными сочинениями, за которые авторы, разумеется, почти никогда ничего не получали. Тургенев, как и другие участники русской делегации, конечно, не сомневался в том, что формально французы были правы, требуя материальной компенсации за беззастенчивую эксплуатацию их труда в России. Кому, как не Тургеневу, было знать, как бесцеремонно обращаются и французские и русские переводчики с оригинальными художественными текстами, в том числе и его собственными. Но он знал и другое: когда речь шла о таких современных французских писателях, как Э.Золя, А.Доде, Г.Флобер, русские издатели хорошо платили за право печатать их произведения в России. И, конечно, сами писатели не возражали, чтобы часть денег передавалась их переводчикам. Тургенев знал, например, что Э.Золя попросту был спасен с помощью русских публикаций, о чем он с благодарностью помнил до конца жизни. Почему же Тургенев не обратил внимания участников конгресса на эти факты, не привел убедительных примеров нарушения авторских прав за границей, а не только в России? Очевидно, он надеялся, что представители других делегаций поддержат поправки, предложенные русскими участниками конгресса.

Как убежденный «западник» он также понимал, что подобные законы резко сократят долю переводных публикаций в русской печати, а значит ослабят связи между Европой и Россией, чему он, разумеется, способствовать не хотел. «Нельзя, - убеждал Тургенев собравшихся в зале на rue Cadet, - одним росчерком пера изменить ситуацию, сложившуюся в России относительно переводов иностранных авторов» (*Congrès*. P.331). Тургенев и другие русские делегаты предлагали свои поправки к обсуждаемому закону, пытаясь хоть как-то смягчить ситуацию, привлечь на свою сторону другие иностранные делегации, однако понимания не нашли.

Ни апелляция к пониманию особого положения России, ни призывы принять во внимание бедственное положение русских студентов, подрабатывающих переводами, ни прочие аргументы не были услышаны французскими «собратьями по перу». Драгоманов свидетельствует, что на упоминания Тургеневым о бедных русских студентах «один из французов заметил с злобной улыбкой: «не можем же мы отказаться от наших прав,

чтобы способствовать прокормлению расы нигилистов, которую г. Тургенев так удивительно рисует нам в своих превосходных романах».

Напрасно Тургенев и М.Ковалевский пытались отстоять право общества решать вопросы, связанные с публикацией литературного наследия того или иного автора. В одном из выступлений Тургенев даже ссылаясь на «своего друга» Луи Виардо, который обсуждал вопросы «литературной собственности» в статье, написанной еще в 1836 году. Его исторический экскурс был грубо прерван одним из репортеров, заявившим, что точка зрения Луи Виардо уже дебатировалась в свое время в Брюсселе и была полностью отвергнута как попытка «экспроприировать обществом под видом народного достояния законные права наследников» (Ibid. P.224)

Таким образом, среди союзников Тургенева, помимо Виктора Гюго, оказались и отсутствующие на конгрессе Луи Виардо и Луи Блан, и присутствовавший Максим Ковалевский, пытавшийся высказаться относительно традиций «коллективной собственности» в России. Как ни старался Тургенев и другие русские писатели оттянуть решение своей секции, в которой речь шла о переводах (по сути, главным вопросе для русских), какие аргументы ни приводил, вплоть до высказанных им опасений, что русские станут переводить больше немцев и англичан, если французы примут свою жесткую формулировку, ничто не помогло. Так что «крупница сахару», которую положил «в рот» французам Тургенев в своей вступительной речи, не принесла ожидаемого успеха. Наконец, нервы у Тургенева сдали, и он произнес еще одну краткую речь, которая достойна быть повторенной.

В ответ на заявление одного из участников конгресса, что надо «покончить с бандой, имснуемой переводчиками, с этой «филлоксерой литературы», с этими «литературными разбойниками» и без оговорок принять первоначальный проект резолюции, Тургенев попросил слова:

«Г-н Витман наградил несчастных переводчиков остроумными эпитетами, над которыми и я посмеялся первый. Переводчики, о которых я говорил, не являются разбойниками. Они у нас являются, до некоторой степени, первопроходцами цивилизации. Вы скажете: прекрасно, но то, что они привносят туда, они заимствуют здесь у нас. Это справедливо, но до них были предшественники в этом деле. Если бы Петр Великий не был великим разбойником, я бы не выступал сегодня перед вами». (Congrès. P.351). Остроумное выступление Тургенева было встречено смехом и аплодисментами.

Как верно заметил в своих воспоминаниях М.М.Ковалевский, писатель защищал «русскую» точку зрения вопреки своим личным интересам: «Тургенев не только примкнул к этому мнению, но и добровольно принял на себя защипать его на конгрессе, что при тогдашнем настроении французских газет и литературных кружков было своего рода героизмом». ⁸ О том же писал и Л.А.Полонский: «Уже одним своим появлением среди нас, г.Тургенев оказал нам лично большую услугу <...> по всей вероятности, благодаря именно его участию, французы слушали нас терпеливее и не

обрушились на нас с либеральным негодованием за то, что мы дерзнули противоречить абсолютному праву литературной собственности, в видах русского интереса».⁹ Учитывал Тургенев, разумеется, и тот «патриотический» накал, который то и дело давал себя знать посреди дебатов. Восклицания «Да здравствует Франция!» раздавались не раз в зале заседаний, а на заявление одного из представителей Германии, что он любит Францию, последовала незамедлительная реплика: «Тогда верните нам Эльзас!».

Неожиданный отклик на дебаты вокруг вопросов «авторского права» и «литературной собственности» можно обнаружить в философской пьесе Э.Ренана «Источник юности», написанной вскоре после окончания работы Конгресса. Один из персонажей пьесы Троссул, «член общества изящной словесности», как он именуется в списке действующих лиц, является к главному герою Просперо с любопытным предложением. Отводя Просперо в сторону, он говорит: «Общество писателей, к которому и я имею честь принадлежать, изготовляет проект закона, долженствующего обеспечить за гениальным человеком вечную собственность его идей. Это единственное средство, чтобы гениальные люди были так же богаты, как и буржуа и чтимы, как и они. Мы заметили, что гении с постыдной беззаботностью относятся обыкновенно к своему благу. Вот вам, например, Пророки. Если бы они только захотели объявить своей собственностью свои труды, представьте вы себе только, какое бы это состояние дало их наследникам! Но мы думаем, что дело не в том только, чтобы сохранить за писателями право на копии с их произведений, надо, чтобы везде где только их творения пересказывают, читают или поют, они получали бы известный процент <...> Мы вырабатываем равным образом закон, чтобы обеспечить право собственности на изобретения, на идеи. Какой капитал представляло бы сейчас изобретение прялки, веретена? Ведь, ваш эликсир, учитель, в состоянии со временем дать целые миллиарды».¹⁰

На заманчивое предложение вступить в это общество, Просперо отвечает: «А! Значит ваше общество имеет целью покровительствовать правам тех, кто из своей мысли чеканит деньги? Я не принадлежу к такой породе и не пожелаю ей ничего хорошего. Истинный мыслитель должен желать, чтобы тех, кто из-за денежных выгод избрал ремесло писателя, смущала возможность умереть с голоду. Притязание ввести в распределение благ этого мира слишком много справедливости – наивысшее заблуждение, какое только может быть».¹¹ Трудно представить, чтобы автор этих строк не читал протоколы Международного конгресса, в котором он, как и многие другие, не принимал участия, или не слышал рассказы о нем от его действительного председателя Тургенева.

Закрывая работу конгресса, Э.Абу провозгласил: «Каков бы ни был исход наших дебатов, я не теряю надежды, что однажды скажут, что в этом братском доме Великого Востока, где никогда не делалось ничего, кроме добра, в один июньский день 1878 года было основано нечто, что когда-

нибудь будет названо великой интернациональной семьей работников духа» («la grande famille internationale des travailleurs de l'esprit») (*Congrès*. P.368).

Тургенев, которому Абу передал слово, был более краток и менее патетичен. «В качестве президента, - сказал он, - я должен закрыть этот Конгресс. Я хотел бы сказать вам несколько слов и не могу этого сделать, во-первых, потому, что слишком взволнован, и, во-вторых, потому, что говорю с трудом, особенно в известные моменты» (*Ibid*). Несмотря на столь скомканную заключительную речь, Э.Абу сердечно поблагодарил президента за проявленную доброжелательность, чем вызвал в зале аплодисменты. Несомненно, он оценил усилия Тургенева, который, очевидно, поделился своими впечатлениями с Э.Ренаном, ведь за несколько месяцев до конгресса Тургенев принял живое участие в обсуждении пьесы Ренана «Калибан», и по его совету автор дописал к пьесе целый пятый акт. Но это уже тема для другого сообщения.

Примечания

1. Этому эпизоду посвящена содержательная статья П.Уоддингтона: Waddington Patrick. I.S.Turgenev and the International Literary Congress of 1878//New Zealand Slavonic Journal. 1983. P.37-70.
2. Подробнее см. комментарии Н.Ф.Будановой: ПСС и П (2). Соч. Т.12. С.670-672.
3. Этот солидный том сохранился в личной библиотеке А.Н.Островского, находящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, под шифром 92 ^{9/4}. На первой странице надпись: «Offert à notre Collègue M.Alexandre Ostrovski à Moscou. Le Délégué Prés. du Comité Immanuel Gonzalès» («В дар нашему дорогому коллеге г. Александру Островскому в Москве. Делегат Президиума комитета Эммануэль Гонзалес»). Книга вышла под грифом «La Société des Gens des Lettres de France. Congrès Littéraire international de Paris.1878. Présidence de Victor Hugo.Comptes rendus in extenso et documents. Paris. 1879. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Congrès* с указанием страницы.
4. На существование этой книги обратил мое внимание покойный Ф.Я.Прийма, советовавший включить протоколы выступлений Тургенева на Конгрессе в корпус Сочинений. Заметим, что выступления на Конгрессе Виктора Гюго полностью включены в его собрание сочинений.
5. Полонский Л. Литературный конгресс в Париже. Письма в редакцию // Вестн. Евр. 1878. № 8. Т. IV. С. 681.
6. Драгоманов М.П. Воспоминания о знакомстве с И.С.Тургеневым // И.С.Тургенев в восп. революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М.К.Клеман. М.;Л. 1936. С.165.
7. Там же. С.172.
8. Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С.Тургеневе // Тургенев в восп. совр. Т.2. С. 134.
9. Полонский Л. Литературный конгресс в Париже. // Вестн. Евр. 1878. № 8. Т.IV.С. 681.
10. Ренан Эрнест. Источники юности. М. 1909. С. 58-59.
11. Там же. С. 59.

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА

Тургенев, безусловно, не принадлежал к числу глубоко религиозных натур. Но, как верно указывает А.В.Чернов, христианское мироощущение к девятнадцатому веку «оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже «работать» и на подсознательном уровне. Христианские мотивы, их комбинации, переходят на уровень архетипов, то есть наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве».¹

Вспомним, как в романе «Рудин» описывается кружок Покорского, те чувства и переживания, которые объединяли его участников. В личности основателя кружка несомненны какие-то очень важные черты христианского идеала: «Это была высокая, чистая душа... Его все любили, он привлекал к себе сердца...»² Покорский, который с огромной силой воздействует на сердца окружающих, чем-то предвещает «положительно прекрасного человека», образ которого затем будет волновать Достоевского. Очень характерны те чувства, которые испытывает участник кружка: «... попав в кружок Покорского, я ... совсем переродился: смирился, расспрашивал, учился, радовался, благоговел – одним словом, точно в храм какой вступил» (6, 299). Характерны в этом рассказе такие слова, как «смирился», «радовался», «благоговел», «в храм вступил». Ассоциации возникают именно христианские. И то же самое происходит, когда описываются речи, звучащие в кружке Покорского: «Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы наконец схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконец завеса! ... стройный порядок водворялся во всем, что мы знали, все разбросанное вдруг соединялось, складывалось, выросло перед нами, точно здание, все светлело, дух веял всюду... Ничего не осталось бессмысленным, случайным; во всем высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значение ясное и, в то же время таинственное, каждое явление жизни звучало аккордом, и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными к чему-то великому...» (6, 298). В кружке Покорского рассуждали всего лишь о философии, искусстве и науке, но воспринималось все это во многом на религиозном уровне. Об этом свидетельствует сам стиль повествования: «все светлело, дух веял всюду», «таинственное», «священным ужасом благоговения», «вечной истины» и т.д. Ученики Покорского ощущают себя как люди верующие, как люди, входящие в храм. И такой стиль повествования проявляется часто. Когда читаешь страницы тургеневских романов, отчетливо ощущаешь христианские корни русской литературы. Герои Тургенева стремятся служить науке, искусству, красоте, народу. Но в любом случае это становится для них чем-то подобным религиозной вере. Думается, именно

это придает такое значение, такую масштабность их идейным исканиям. Мы еще вернемся к вопросу о том, какие последствия влечет за собой подмена религиозного идеала светским. Но пока мы хотим лишь подчеркнуть, что в основе содержания тургеневских романов проступают христианские архетипы.

Характерно, например, как в романе «Дворянское гнездо», может быть, помимо воли автора, проступает идея человеческой греховности, являющаяся одной из важнейших в христианстве. Лаврецкий – чрезвычайно привлекательный человек. Но как часто писатель подчеркивает в своем герое греховные мысли, жестокие наклонности, таящиеся где-то в самых глубинах его души. Даже мотив возможного преступления звучит в романе Тургенева. Узнав об измене жены, Лаврецкий ощущает в себе жестокие порывы: «Он вспомнил выражение ее лица, странный блеск ее глаз и краску на щеках, - и он поднялся со стула, он хотел пойти, сказать им: «Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик», - да и убить их обоих» (7, 176). Он способен сдержать в себе чувство гнева, но в дальнейшем желание смерти Варвары Павловны в нем сохраняется. Подобная ситуация, когда речь идет о мысленном желании смерти того человека, который мешал чужому счастью, привлечет затем самое пристальное внимание Достоевского. Но этическую и психологическую проблему почувствовал здесь уже Тургенев. Вспомним сцену, когда Лаврецкий встречается с женой вскоре после известия о ее мнимой смерти: «Я сумею покориться, - возразила Варвара Павловна и склонила голову. – Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если б узнала, что вы даже обрадовались известию о моей смерти», - кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежащий на столе, забытый Лаврецким номер журнала.

Федор Иванович дрогнул: фельетон был отмечен карандашом» (7, 250-251). Кто знает, если бы рядом с Лаврецким оказались Смердяков или Федька Каторжный, то, может быть, и здесь они уловили бы идущие из глубины души импульсы зла и восприняли их как негласный приказ совершить преступление.

Все это, разумеется, совершенно по-разному осмысливается Тургеневым и Достоевским. Тургенев лишь догадывается о тех безднах, которые таятся в душе человека, но на переднем плане для него все же были быт, уклад, устойчивые формы русской жизни. Достоевский, напротив, предчувствовал момент, когда все это может рухнуть, и он страшился того хаоса, который готов был вырваться наружу. Но переключка между писателями была. Пусть не в той мере, как Достоевский, Тургенев все же способен использовать то знание о человеке, которое несло с собой христианство. Возможность проникновения зла в душу своего героя Тургенев отмечает вовсе не случайно. Он показывает, что его герой сам весьма отчетливо сознает греховность некоторых своих мыслей и желаний: «Настали трудные дни для Федора Ивановича. Он находился в постоянной лихорадке. Каждое утро отправлялся он на почту, с волнением распечатывал письма, журналы – и

нигде не находил ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть роковой слух. Иногда он сам себе становился гадо: «Что это я, - думал он, жду, как ворон крови, верной вести о смерти жены!» (7, 228). Человек с нетерпением ждет смерти одного из своих близких. Этот мотив, как известно, ляжет в основу сюжета «Братьев Карамазовых». Но и в «Дворянском гнезде» он играет существенную роль и подчеркивается не один раз. Вспомним, что смерть своего отца Лаврецкий тоже встречает с чувством радостного освобождения.: «Глафира Петровна <...> остановилась, посмотрела братцу в лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тут же находившийся сын тоже ничего не сказал, оперся на перила балкона и долго глядел в сад, весь благовонный и зеленый, весь блестящий в лучах золотого весеннего солнца. Ему было двадцать три года; как страшно, как незаметно скоро пронеслись эти двадцать три года!.. Жизнь открывалась перед ним» (7, 165). Жизнь открывается перед Лаврецким после смерти больного отца. В этом, несомненно, есть что-то греховное. Тургенев дает это почувствовать, несмотря на всю поэтичность строк, которые должны передать радостное ожидание счастья. Но христианский архетип сохраняется в глубинах художественного текста. И мы ощущаем неизбежность наказания для тургеневского героя.

Какие-то греховные чувства и порывы писатель отмечает даже в Лизе Калитиной: «Поделом» - говорила она самой себе, с трудом и волнением подавляя в душе какие-то горькие, злые, ее самое пугающие порывы» (7, 257). Почему Тургенев обо всем этом пишет, почему он так тщательно фиксирует малейшие зародыши зла в душах Лаврецкого или Лизы? С просветительскими представлениями о человеке это не сочетается. Там все очень поверхностно. Но Тургенев использует нравственный опыт христианства, где имеются совсем иные глубины. Ведь именно ощущение греха позволяет понять порыв человека к святости. Злые или греховные мысли могут быть совершенно незначительны сами по себе. Но сознание христианина как бы наводит на них увеличительное стекло, придает им огромное значение и старается искоренить их в момент зарождения.

Христианский архетип очень отчетливо проявляется и в таком романе Тургенева, как «Накануне». Весьма характерно, как, например, изображается Елена Стахова. Описывая детство своей героини, писатель подробно рассказывает о ее дружбе с нищенкой Катей: «Елена возвращалась домой и долго думала потом о нищих, о божьей воле; думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков» (8, 34). Здесь не только пример того, как на обычные полудетские фантазии и мечты накладываются житейные сюжеты, житейные образы, несомненно, хорошо известные Елене. Здесь еще и очень тонко схвачен писателем зародыш того странного, может быть, болезненного стремления, которое побуждает людей к отказу от своего привилегированного положения, которое побуждало к страданию, к унижению и всему тому, что никак не понятно просветительскому рассудку, но что находит свое наиболее адекватное выражение в религиозном чувстве.

Но тут встает иная проблема. Если духовные порывы Елены имеют религиозную основу, то Бога она явно утратила. Это, конечно, спорное утверждение, так как писатель не раз упоминает, что Елена Стахова молится, ходит в церковь. Но чувствуется, что внутренняя жизнь Елены, ее духовные искания совершаются вне сферы ее религиозных представлений. Она размышляет: «О, если б кто-нибудь мне сказал: вот что ты должна делать! Быть доброю – этого мало; делать добро ... да; это главное в жизни. Но как делать добро?» (8, 80). Вообще-то в православии можно найти очень подробный ответ на этот вопрос. Но Елена даже не пытается обратиться за советом к священнику, не пытается найти ответ в Евангелии. Вера в Бога никак не связана с ее духовными исканиями. Она ищет и находит другой идеал. Достоевский в своих романах показал, к каким страшным последствиям может привести эта подмена. Тургенев так не думал. Теоретически для него не имело особого значения, чему именно собираются служить его герои: науке, Богу, освободительному движению в Болгарии и т.п. Главное, по его мнению, заключалось в том, чтобы человек был способен «надломить упорный эгоизм своей личности» (6, 267) и весь отдаться «своему делу», «своей мечте» (8, 83). Он даже полемичен по отношению к Достоевскому, так как на определенный миг ему удается достичь той удивительной гармонии, когда его герои, с одной стороны, стремятся к счастью, а с другой – одухотворены высоким идеалом, и этот идеал отнюдь не является религиозным (разумеется, что речь в данном случае не идет о романе «Дворянское гнездо»). Но одновременно Тургенева что-то настораживает. Интуитивно он чувствует, что те идеалы, которые вдохновляют его героев, не очень надежны, что они не препятствуют проникновению зла в человеческую душу. В любом герое Тургенева, кроме глубоко верующей Лизы, есть тенденция к злу. Уместно вспомнить тонкое замечание В.М.Марковича, который, анализируя характер Елены Стаховой, говорит о «загадке ее безлюбного, в сущности, даже недоброго стремления к добру».³ В еще более заостренной форме об этом пишет М.М.Дунаев, указывая на «опасность, какую несут в себе подобные самоотверженные деятели».⁴

Елена сама понимает, что ей не хватает человеческого тепла и внимания к окружающим. И она вполне справедливо связывает это со своим равнодушием к Богу: «Я мало молюсь; надо молиться...» (8, 79-80). Вспомним, что совершенно по-другому описывалась Тургеневым Лиза Калитина: «Вся проникнута чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного бога восторженно, робко, нежно» (6, 133). Нельзя не видеть, что здесь на художественном уровне у Тургенева возникает переключка с заветной идеей Достоевского, что любовь к людям невозможна без веры в Бога. Тургенев не разделял воззрений Достоевского. Но, постигая человека как художник, он во многом переключается с ним. И в его изображении получается так, что у Елены, доброй от природы, но равнодушной к Богу, любовь к дальним (не случайно она отправляется

освобождать Болгарию) совмещается с величайшей холодностью к ближним. И только глубоко религиозная Лиза Калитина искренне любит всех. Думается, что здесь проявляется не только интуитивное проникновение великого писателя в природу христианского чувства, но и вполне осознанные представления Тургенева. Об этом справедливо пишет Г.Б.Курляндская: «Связь Тургенева с славянофилами в «Дворянском гнезде» сказалась в идеализации религиозных настроений народа. Религия дана как форма выражения нравственного сознания народа, религиозные переживания – как источник внутренней душевной силы и чистоты. Именно религиозность роднит Лизу с народом и выделяет из дворянского круга...»⁵

Правда, у Тургенева есть герои, которые не принадлежат к людям верующим и при этом все же отличаются исключительной высотой своего нравственного облика. Но, если вдуматься в некоторые особенности их внутреннего мира, опять же можно наблюдать какую-то перекличку открытий Тургенева с христианской концепцией личности.

Очень привлекателен, например, Берсенеv. Он убежден, что «поставить себя номером вторым – все назначение нашей жизни» (8, 14). И он не только говорит о своих принципах. Он способен претворять их в жизнь. Берсенеv любит Елену, но, когда появляется Инсаров, он по собственной инициативе уступает ему первенство. Он ухаживает за своим соперником, когда тот серьезно болен. Он постоянно выступает посредником между Еленой и Инсаровым. Вместе с тем Тургенев тонко ощущает ту грань, которая существует между естественным добром и христианской любовью к людям. Эту грань, на наш взгляд, хорошо почувствовал Добролюбов. Вспомним, что он пишет о тургеневском герое: «И Берсенеv, добрый, самоотверженный Берсенеv, так искренно и радушно ходивший за больным Инсаровым, так великодушно служивший посредником между ним, своим соперником, и Еленой, - Берсенеv, это золотое сердце, как выразился Инсаров, - не может удержаться от ядовитых размышлений, убедившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены. «Пусть их! – говорит он: - Не даром мне говорил отец: мы с тобой, брат, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, мы – труженики, труженики и труженики. Надевай же свой кожаный фартук, труженик, да становись за свой рабочий станок, в своей темной мастерской! А солнце пусть другим сияет. И в нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!» Каким адом зависти и отчаяния веют эти несправедливые поцрски, - неизвестно кому и за что!»⁶ Может показаться, что Добролюбов слишком строго судит о переживаниях Берсенева, слишком резко о них отзывается: «ядовитые размышления», «ад зависти и отчаяния», «несправедливые попреки». Но не следует забывать, что Добролюбов родился в семье священника, что он получил там соответствующее православное воспитание, что в ранней юности он был очень верующим человеком. Добролюбов невольно начинает судить о человеке с христианской точки зрения и очень остро реагирует на то, как в душе доброго, благородного Берсенева вдруг обнаруживаются малейшие зародыши зла. Но критик мог почувствовать это лишь в том

случае, если писатель сам создавал границы естественного добра в душе человека.

Правда, у Тургенева есть еще один герой, который, не будучи верующим, способен вести себя как идеальный христианин. Это Федор Лаврецкий. Когда читаешь о судьбе, о нравственных исканиях этого тургеневского героя, то может сложиться впечатление, что формальный, отвлеченный идеалистически понятый долг с неменьшей силой способен побудить человека к добру, чем самая горячая вера. Но, размышляя о духовной эволюции Лаврецкого, нельзя не отметить одно очень важное обстоятельство, которое придает ей особую психологическую достоверность и убедительность. Вспомним сцену посещения Лаврецким церкви: «Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сводов – все говорило его сердцу. Давно не был он в церкви, давно не обращался к богу; он и теперь не произносил никаких молитвенных слов, – он без слов даже не молился, – но хотя на мгновение если не телом, то всем помыслом своим повернулся ниц и принял смиренно к земле» (7, 227). Писатель здесь изображает Лаврецкого как человека очень близкого к тому, чтобы принять веру своего народа, как человека почти верующего. Уместно в связи с этим вспомнить, что пишет А.М.Любомудров в статье «О православии и церковности в русской литературе». Исследователь возражает против того, чтобы христианскими считались все произведения девятнадцатого века и выдвигает свои, достаточно строгие критерии: «Православным произведением может считаться такое, художественная идея которого включает в себя необходимость воцерковления для спасения <...> Только если в художественном мире главными ценностями остаются Бог и спасение, понимаемое как спасение в Церкви, можно говорить о православности творчества писателя. При этом явления действительности воссоздаются и оцениваются с точки зрения православия, глазами православного христианина». ⁷ Критерии устанавливаются, как мы видим, весьма строгие. Но им почти в полной мере соответствует роман «Дворянское гнездо». Да, конечно, писатель не раз заявлял о своем атеизме. Но он был рожден и воспитан как православный. Он понимал значение веры и стремился обрести ее: «Имеющий веру – имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет, тот ничего не имеет, – это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я не теряю надежды» (II, 4, 306). Этот порыв, объединенный с даром художника проникать в глубинную суть явлений, позволил Тургеневу, пусть не в полной мере, передать в великом романе духовный мир православия.

Примечания

1. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе 19 века//Евангельский текст в русской литературе 18-19 веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994.С.152.

2. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем: В 28 т. Т.6.-М.; Л.: «Наука», 1963.- С.296.
В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы, ссылки на письма приводятся с пометой «П».
3. Маркович В.М. Реализм русской литературы 60-х годов 19 века. Л., 1982.- С.136-137.
4. Дунаев М.М. Православие и русская литература.-М.:«Христианская литература», 1997.- С.67.
5. Курляндская Г.Б. Структура повести и романа И.С.Тургенева 1850-х годов.- Тула, 1977.- С.198.
6. Добролюбов Н.А. Полное собр. соч.: В 9 т. Т.2. С.222.
7. Любомудров А.М. О православии и церковности в художественной литературе//Русская литература. 2001. № 1. С.117.

О.Б.УЛЫБИНА

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

... Человеческая земная жизнь имеет свои сокровенные огни, о которых нерелигиозный человек ничего не знает, но по которым религиозный человек правит свой путь...
Эти сокровенные огни даются каждому человеку в особицу.

И.А.Ильин.

Духовная жизнь русского общества, при всей выраженной ее прагматичности и скептицизме, все же остается пронизанной верой. Этой искренней верой, на наш взгляд, пронизаны многие произведения Тургенева, в которых он воплотил жизнь человеческой души. Причем, художник не прошел мимо души русского человека. В его творчестве ярко отразились искания веры, тоска о высшем смысле жизни – «мятущееся беспокойство русской души и ее большая совесть». Цель Тургенева – не презрение к обыкновенному человеку, а пробуждение его чувств и возвышение души.

Характерно, что такие этические понятия, как «совесть», «милосердие», «сострадание» пришли с христианством и обрели художественную плоть в русской классической литературе. Не случайно, определяя смысл жизни и находясь в вечном мучительном поиске, Л.Толстой писал: «... Смысла в жизни нет... Нечего и искать. Весь смысл в религии, в вере в Бога...».¹ Многие русские писатели приводили своих героев именно к этому постулату, к этой вечной истине. Не исключением в этом смысле был и Тургенев. Как и многие русские мыслители XIX века, он считал православие одной из основ духовного возрождения России. Устами одного из своих героев – Павла Петровича Кирсанова – он утверждает мысль о православии русского народа, о том, что «... он свято чтит предания старины, он – патриархальный, он не может жить без веры...»²

И действительно, русский человек искренно «живет для души, Бога помнит» (Л.Толстой). В народной вере Тургенев обнаруживает потенциал

нравственного героизма, недаром Лукерья в рассказе «Живые мощи» - один из самых «пронзительных» и художественных его образов – вспоминает о святых подвигах и Жанне Д'Арк, о которой «что-то слышала или читала». Основу несокрушимой силы Лукерьи автор видит в религиозном чувстве, которое спасает ее от отчаяния и безысходности. Именно в этом небольшом пьедестале Тургенев показал красоту и величие народного христианства.

Д.С.Мережковский писал о Чехове, что он «прошел мимо Христа, нарочно не смотря в ту сторону, где Христос».³ Но Тургенев не прошел «мимо Христа». Образ Христа запечатлел он в сне Лукерьи. Надо долго терпеть, мучиться, страдать – и смиряться, чтобы вот так, как Лукерья, увидеть Христа во сне, идущего прямо к ней по полю. Именно в сне Лукерьи Тургенев показывает непосредственную связь человека с Богом, когда личное начало растворяется в некоем всеобщем. И оказывается, что Лукерья, про которую в народе говорили: «Богом убитая», - превращается постепенно в Лукерью, «богом спасенную», ибо безропотностью и смирением спасла она душу свою. Это, пожалуй, единственный русский писатель, запечатлевший «явление Христа народу»: «... Глядь – по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько – только не Вася, а сам Христос...».⁴ Это один из тех образов, пробовать истолковывать которые – значит, снижать их; на них, как выражается сам Тургенев, «можно только указать – и пройти мимо», - писал Д.Андреев.⁵

В «Живых мощах» «светится луч христианского восприятия жизни», ибо Христос в сне Лукерьи – символ веры, воплощение самых светлых начал в человеческой личности. И кто знает, может быть, одним из самых высших в духовном осмыслении женских образов, созданных русскими писателями, является именно Лукерья, которая своим внутренним видением «узрела» самого Христа, явившегося к ней в вещем сне. В ней – и черты Лизы Калитиной, смиренно принявшей свой жребий и ставшей монахиней, и черты героини «Странной истории», отправившейся странствовать вместе с юродивым. В рассказе «Странная история» главная героиня – Софи – говорит о том, что всякий свет, «солнечный свет» - от Бога. Этот свет сиял на ликах лучших тургеневских героинь. «Начало веры» Софи видит в «самоотвержении» и «уничижении», которые она понимает в христианском смысле. А как известно, юродивый отрекается от земного блаженства во имя славы небесного. Смысл юродства – в умерщвлении собственного духа, посярпании собственного разума и познании божественной мудрости.

Высшую духовность Тургенев всегда видел в христианском смирении и терпении. Гордость и тщеславие уничтожают возможность раскрыть себя, запирают личность в рамки узкого «я, отрезанного от всех и вся. В финальной сцене «Отцов и детей» автор приводит читателя к мысли, что не Бог отвергает человека, но человек отторгает от себя Бога. Поэтому выше Базарова «сама природа, которую он отвергает, выше Базарова те слезы, которые льются на его могиле, выше Базарова сама жизнь».⁶ Тургенев хорошо ощущает ту глубину отчаяния, в которую погружает человека неверие и господство атеистической морали в обществе. Вера в

осмысленность бытия, в духовное воскресение приобретает в финале «Отцов и детей» мажорное звучание. Здесь Тургенев «вплотную подходит к религиозной теме». ⁷ «Вечное примирение» и «жизнь бесконечная» - не есть это выражение высшего духовного начала, обуславливающего бесконечность жизни?

Природа во многих произведениях Тургенева является неотъемлемой частью душевного мира человека, она – соучастник его сокровенной духовной жизни. Для многих его героев природа – «храм», а не «мастерская», и человек в ней не может быть «работником», как считал Базаров. Тургенев всегда в поисках истины мучился вопросом о человеке и его судьбе.

Несмотря на трагичность его мироощущения и увлечение философией Шопенгауэра, «христианское начало» все же пронизывает многие его произведения. И хотя он не был философом в точном смысле этого слова, но был серьезным и глубоким мыслителем, жившим напряженными и мучительными поисками истины.

«Бессмертная красота кругом и ничтожество всего земного, но в самой ничтожности что-то глубоко грустное – и примиряющее, и подымающее душу», ⁸ - в этих словах уже выражено смирение перед высшими и непостижимыми силами природы. Тургенев, глубоко чувствуя «сокровенные огни» человеческой земной жизни, понимал, что добро, милосердие и любовь – основа не только всей человеческой жизни, но и всего мира, созданного Богом. Не об этом ли написана еще одна тургеневская повесть – «После смерти» - где герой, ощутив силу любви, которая сильнее смерти, воскликнет: «Смерть, где жало твое?» Вера в высшую жизнь души, истинная любовь избавляют от неизбежности смерти и наполняют абсолютным содержанием жизнь каждого человека. И хотя «Смерть и Время царят на земле», все-таки выше их любовь, которая выше смерти. Любовь – в высшем, духовном значении этого слова. «Бог есть любовь, любовь есть Бог» - сказано в Евангелии. Истинная любовь – «луч небесный», входящий в душу человека и освещающий ее светом и теплом.

Спорной и не совсем правомерной является, на наш взгляд, мысль о том, что Тургенев «лишь издали приближается к православной церковности». ⁹ Но, хочется сказать, если бы художник действительно не имел ее в себе, то как мог проникнуть он в духовный мир таких религиозных героинь, как Лиза Калитина, Софи из «Странной истории», Лукерья («Живые мощи»). И хотя Тургенев не был «самым религиозным» из всех русских писателей, но вопросы веры, Божьего суда, вечного блаженства не могли не найти отражения в его творчестве. Они мучили его на протяжении всей жизни, хотя он, как и всякий человек, не мог найти им разрешения. Гениально схвачена эта мысль у Мерзжковского: «... Тургенев молчит и молча подходит ко Христу. И далее он подчеркивает «религиозное отношение Тургенева ко всемирной культуре, которого нет ни у Толстого, ни у Достоевского». ¹⁰ Будучи писателем-реалистом и тончайшим художником, Тургенев писал не только о познаваемых, но и о непознаваемых вопросах человеческой жизни. Ему было отнюдь не чуждо религиозное представление

о человеке. Печать глубокого религиозного понимания лежит на многих его творениях. Вера в свет, красоту жизни, в человека, в духовное просветление его – и выход из тьмы – главное в его творчестве. Как глубокий мыслитель, он понимал, что спасение человека – в религии, в вере в Бога. Истоки же тургеневской веры – в христианском смирении и терпении перед непостижимостью жизни, законы которой знать человеку не дано, но которые он может «лишь смутно чувствовать».

Примечания

1. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. Круг чтения.-М., 1998.-С.261.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т.8. М. Л., 1964. С.243.
3. Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники.-М., 1995.-С.273.
4. Тургенев И.С. Соч. Т.4. С.362.
5. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории.-М., 1991. С.193.
6. Страхов Н.Н. Литературная критика. М., 1984. С.208.
7. Зеньковский В.В. Мирозерцание И.С.Тургенева//Русские мыслители и Европа. М., 1997.-С.288.
8. Тургенев И.С. Из письма к Е.Ламберт от 28/XII-1857г. П. Т.Х. С.258.
9. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С.297.
10. Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С.478.

М.А.ШИНКОВ

МИФ О «РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Трудно выявить генезис устойчивого сочетания «роковая женщина». Пришло ли это определение в жизнь из литературы или наоборот зародилось в повседневном обиходе, затем было использовано в художественной прозе. В настоящее время этот термин можно часто встретить в литературоведческих и психологических исследованиях. В последние годы появился ряд работ по типологии женских характеров, в которых проводятся оригинальные исследования по данному вопросу, как в творчестве отдельных писателей, так и в идейно-философских направлениях русской литературы. Так, Н.Старыгина при анализе характеров героинь антинигилистической литературы выделяет образы материалисток-нигилисток, противопоставляя их православным христианкам. Но тип «роковой женщины» остается до сих пор дискуссионным и не до конца исследованным. Мы ни в коей мере не намереваемся в небольшой статье сказать последнее слово в этом сложном и многогранном аспекте, актуальном не только для отечественной, но и для мировой литературы, но всего лишь пытаемся найти возможный путь решения проблемы, хотя и с несколько неожиданной позиции.

Безнравственность как состояния духа предполагает сознательное игнорирование основополагающих нравственных начал. Эгоистическому

желанию придается самодавлеющее значение в системе доминантных приоритетов личности. Безнравственность многогранна: она может проявляться в корысти, властолюбии, зависти и иных резко отрицательных деструктивных по отношению к окружающему миру стремлениях. Сама по себе безнравственность не является определяющей в раскрытии вышеозначенной системы образов. Как правило «роковая женщина» представляется нам таковой через повышенную чувственность, сочетающуюся с воинствующей бездуховностью. Но когда мы обращаемся к сопоставлению конкретных образов в творчестве русских писателей 19 века, то получаем вывод о недостаточности и неправомочности доминантности данного признака для исследуемого понятия. Так, Варвара Павловна (И.С.Тургенев. «Дворянское гнездо»), в полной мере обладая вышеперечисленными качествами, никак не может быть названа «роковой». Чувственное влечение, которое испытывал к своей будущей супруге Лаврецкий, никогда не сочеталось у него с духовным рабством. Страсть к господству, к полному подчинению воли мужчины становится определяющим фактором в «классической» характеристике «роковой женщины». Полковник Бахтинский (Куприн. «Гранатовый браслет») дает яркую характеристику такой натуры: «... темперамент, власть, презрение к людям, страсть к разнообразию...».¹ При этом самим им («роковым женщинам») совершенно не свойственны душевные страдания, угрызения совести, недовольство собой. Эти героини часто не могут похвастаться чисто женской привлекательностью, но их острый, сухой, расчетливый ум, сила воли и настойчивое желаний сделать мужчину безвольным рабом дают им роковую власть. «В одном полку нашей дивизии... была жена полкового командира. Рожа <...> преестественная. Костлявая, рыжая, длинная, ротастая... Штукатурка с нее так и сыпалась, как со старого московского дома. Вдобавок ... морфинистка».¹ Но эта внешне непривлекательная особа полностью подчинила себе и довела до гибели юного прапорщика. И.С.Тургенев описывает Полозову: «И не то, чтобы она была отъявленная красавица. В ней даже довольно явственно сказывались следы ее плебейского происхождения. Лоб у ней был низкий, нос несколько мясистый и вздернутый; ни тонкостью кожи, ни изяществом рук и ног она похвалиться не могла...»,² но Санин, душа которого была «наполнена Джеммой», уезжает вслед за Марьей Николаевной, даже не объяснившись с невестой. Валериян Антонович Лаврухин (А.В.Амфиитеатров. «Казнь») так воспринимает Веру Михайловну: «... оригинальная девушка, не особенно красивая, с холодными руками и тусклым взором».³

У всех этих женщин в характере есть одна общая черта: настойчивое желание сделать мужчину безвольной игрушкой своего самолюбия. Мария Николаевна Полозова заключает пари с мужем на то, что соблазнит Санина и расстроит его женитьбу. Броситься под поезд публично приказывает своему юному поклоннику героиня повести Куприна. Лаврухин («Казнь») по приказанию Веры Михайловны (а она вознамерилась упрочить свое социальное положение, выйдя за него замуж, после «смерти» его супруги)

убивает жену и подтасовывает улики против невиновного человека. Герои, впавшие в подобное рабство, обычно дорого платят за него: разбито личное счастье Санина, спивается и гибнет прапорщик, лишившийся обеих рук, в буйном помешательстве умирает Лаврухин. Целью такого типа женщин можно назвать утонченное наслаждение нравственными страданиями жертвы. Так, прапорщик, бросаясь по приказу полковницы под поезд, исполняет волю своей «госпожи», не просто безропотно, но даже охотно, с расчетом лишиться себя жизни. Только случайность мешает совершиться самоубийству. Лаврухин, несмотря на полную зависимость от Веры Михайловны, не может избавиться от угрызений совести, доводящих его до гибели.

Объектами психологических экспериментов «роковых» женщин становятся по большей части люди юные и всегда слабохарактерные. Молоды и восторженны купринский прапорщик и тургеневский Санин; Лаврухин сам себе кается в малодушии и слабохарактерности, которые ему сильно мешали и до встречи с Верой Михайловной. Несомненно, что подсознательное влечение к личности куда более сильной, способной повелевать, явилось причиной их полного подчинения до забвения инстинкта самосохранения, но этих людей нельзя назвать мелкими или пустыми. В отличие от Паншина или Ситникова Санин способен любить, страдать, тонко чувствовать жизнь. Главным несчастьем юного прапорщика («Гранатовый браслет») было то, что первая женщина, встреченная им, оказалась холодной развратницей. Следовательно, определяющая черта подобного типа мужчин - тонкая душевная восприимчивость при слабой воле.

На первый взгляд, именно трагические последствия и должны служить критерием определения женщины как «роковой». Но данное обстоятельство заставило бы признать «роковой женщиной» и Аннушку, героиню «Мастера и Маргариты», пролившую подсолнечное масло на рельсы. Следовательно, этот аргумент не может быть признан решающим.

Княгиня Вера у Куприна, Фенечка и графиня Р. у Тургенева, Дуня Раскольникова у Достоевского, Одинцова влияют на влюбленных в них не менее губительно: Свидригайлов и Желтков кончают жизнь самоубийством; Базаров, находясь в состоянии полного душевного разлада, допускает необъяснимо грубую профессиональную ошибку, ставшую причиной его смерти; Павел Петрович Кирилов «благодаря» графине Р. хоронит себя в деревне, а из-за Фенечки покидает Россию. Но не смотря на идентичность внутренней коллизии различие между характерами героинь разительны: полковница у Куприна, Полозова у Тургенева, Вера Михайловна у Амфитеатрова целью своею ставят и считают высшим наслаждением игру чужими судьбами. Дуня Раскольникова, Одинцова, княгиня Вера, и тем более Фенечка чужды нравственному садизму и нарциссическому самолюбанию. Более того, некоторые из них, как, например, Фенечка, даже не догадываются, что способны вызывать к себе такие глубокие чувства мужчин.

Следовательно, чтобы объяснить данный феномен, недостаточно исходить только из особенностей внутреннего мира женских образов, а необходимо обратить внимание на духовный облик мужчин, которые становятся жертвами всепоглощающей страсти.

Слабоволие и чувствительность никак не свойственны мужчинам, гибнущим от любви к далеко не безнравственным женщинам. Ни Базарова, ни Желткова, ни Павла Петровича, ни Свидригайлова нельзя отнести к людям слабовольным, но они неожиданно для себя оказываются под влиянием всепоглощающего чувства, к которому, зачастую, как это случается со Свидригайловым и Желтковым, им не давали ни малейшего повода. Обольщение и порабощение, столь характерные для ситуации Санина и Лаврухина, в данном случае не играют никакой роли. Наиболее ярко внутреннюю суть такой всепоглощающей любви определяет Желтков в своем последнем письме Вере Николаевне: «Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – для меня вся жизнь заключается только в Вас». ¹ Базаров, видящей в любви исключительно естественно-физиологическую сторону жизни человека, вынужден признать, что не может жить без Одиной. Он пытается продолжать заниматься любимым делом, но сам характер ошибки, допущенной при вскрытии и стоившей ему жизни, показывает насколько Базаров стал невнимателен к науке.

В подобных случаях мы имеем дело с принципиально иным феноменом, чем при анализе отношений слабовольных мечтателей и «роковых женщин». Мужчина сам определяет для себя идеал высшей женственности, при этом он стремится к господству. Это подсознательное сильнейшее желание зачастую не осознается им самим. Часто наступит острый конфликт между логически выработанной системой жизненных норм и оценок и всепоглощающим духовным желанием достижения и постижения идеала. Свидригайлов – утонченный развратник, холодный циник, смеющийся над «шиллеровщиной» в убеждениях Раскольникова, молит Дуню не о физической близости, которой, по его же словам, без труда мог бы добиться, но о любви. Бурный роман с графиней Р. не пресытил блестящего офицера Павла Петровича Кирсанова, а еще более привязал его к женщине, душа которой навсегда осталась для него загадкой, сфинксом. Некоторое незначительное внешнее сходство Фенечки с графиней превращает Павла Петровича в ее преданного рыцаря.

Несомненно само стремление героя к чему-то, выходящему за рамки повседневной рутины, делает подобную ситуацию благодатным полем для писательского исследования. Но полное растворение в любви как у Базарова или у Павла Петровича Кирсанова не есть, по мнению Тургенева, наивысшая форма совершенствования человеческой личности. Базаров гибнет физически, но Лаврецкий, умерев для личного счастья, сумел сохранить себя для общественной деятельности. Можно выделить ту черту, которая резко отличает Базарова от Лаврецкого. Лаврецкий не относится ни к нравственным рабам, ни к романтическим мечтателям. Он – прежде всего

человек долга, убеждение в необходимости общественного служения – его внутренняя потребность. Базаров, провозглашая вульгарный материализм как единственно возможное философское основание человеческой жизни, не может смириться ни с неизбежностью окончательного исчезновения личности, ни с отсутствием эстетического идеала. Он внутренне находится в напряженном поиске некоей совершенной красоты, которую стремится познать до самой глубинной сути, и это роднит его с Павлом Петровичем Кирсановым. Ядовитые выпады против «аристократишки», раскисшего от неразделенной любви, как и логические доказательства материалистической основы отношений мужчины и женщины не спасают Базарова от всепоглощающей страсти. Познание высшего романтического идеала, «образа высшей женственности», представляется ключом к высшему духовному наслаждению и равновесию. Осознание же невозможности достижения этого безраздельного духовного обладания перечеркивает жизнь героев, приводит к духовной, а часто и к физической смерти. Напротив, Лаврецкий, пережив глубочайшую личную трагедию, способен умереть для счастья личного и воскреснуть для блага общественного. Он не только выполняет свой долг, но искренно желает счастья юности, идущей на смену. Такие герои, как Лаврецкий, не замыкаются в поисках «романтического идеала». Они способны примириться с тяжелейшей личной потерей и продолжать активную созидательную деятельность, что оказывается не по силам ни Санину, ни Базарову.

Возьмем на себя смелость сделать вывод, что «роковой» женщина становится исключительно под влиянием отношения к ней мужчины. Именно мужчина заставляет проявляться чертам характера, делающим женщину «роковой». Именно мужчина способен создать для себя внутренний «идеал высшей женственности» и «найти» этот идеал в **любой** женщине. Поэтому, с нашей точки зрения, ключ к пониманию образа «роковой женщины» лежит в образе героя.

В русской классической литературе 19 века выделяются два типа мужчин, которые укладываются в данную классификацию:

а) слабовольные, но способные тонко чувствовать, пробуждают черты «роковой женщины» у натур холодных, расчетливых и деспотичных. Сами они становятся легкой добычей таких женщин. Подобный тип героев можно назвать нравственными рабами.

б) мужчины, которые сами создают для себя сверхчувственный идеал «совершенной» женщины и стремятся обладать им без остатка. Их справедливо было бы назвать романтическими мечтателями.

Примечания

1. Куприн А.И. Повести и рассказы. - М.: «Наследие», 1992. – С. 84, с. 97.
2. Тургенев И.С. ПСС. Т.8. - М.: «Наука», 1981. – С. 344.
3. Амфитеатров А.В. Мертвые боги. - М.: «Современник», 1991. – С.131.

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ 10-Х – 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА О МЕСТЕ И.С.ТУРГЕНЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пусть критики расходятся во мнении, -
художник остается верен себе.

Художник не стремится что-либо доказать.
Доказать можно даже неоспоримые вещи.

О.Уайльд (Из Предисловия к
«Портрету Дориана Грея»)

В своей статье 1896 года Генри Джеймс заметил: «Пожалуй, вряд ли найдется другой иноземный писатель, который столь же естественно, как Тургенев, занял бы должное место в «Библиотеке для английских писателей» (имелась в виду «Библиотека лучших образцов мировой литературы»).¹ Однако отношение к нашему земляку в Англии начала века было отнюдь не таким однозначным. Безусловная репутация первого русского писателя, каковой Тургенев обладал в 70-е – 80-е годы XIX века, была поколеблена явным и все возрастающим интересом к творчеству его великих современников – Толстого и Достоевского. Хотя энциклопедия «Британика» в 1899 г. еще не посвятила отдельных статей ни тому, ни другому (а Тургенев удостоился этой чести), англичане к этому времени имели возможность познакомиться с переводами их произведений.²

В 10-е – 20-е годы в среде британских литературных критиков обозначилась тенденция возвеличивания знаменитых современников Тургенева за счет принижения роли прежнего кумира.³ Особенно резко это вывилось в работах Мориса Беринга – в его статье 1909 г. «Тургенев и Толстой» и в книге «Веки русской литературы», в которую помимо этого материала он включил также и главу под названием «Место Тургенева». ⁴ М.Беринг не был профессиональным исследователем литературы, но оказался, по мнению А.Елистратовой, «одним из лучших английских знатоков России». ⁵

Не без влияния работ Э.Омана и А.Брюкнера, написанных ранее, на которые он прямо ссылается, М.Беринг фактически лишает Тургенева значительной роли в истории литературы, хотя и признает за ним ряд достоинств. ⁶ Беринг заявляет, что хотя Тургенев и был великим художником, он не достиг абсолютной истины в изображении человека, так как «его видение слабее и уже, нежели у Толстого, а понимание жизни холодно и поверхностно в сравнении с Достоевским. Его характеры похожи на карикатуры рядом с толстовскими и выглядят искусственными на фоне характеров Достоевского». ⁷ У Беринга возникли сомнения в правдивости картин, созданных Тургеневым, он отказывал ему в жизнеспособности. Признавая мастерство Тургенева как поэта в прозе, Беринг заявлял, что его герои принадлежат книжному миру, и даже самый яркий из них, Базаров, в сравнении с нигилистами Достоевского, далек от реальной жизни. По

мнению Беринга, Тургенев, при всех его достоинствах, не может быть назван великим представителем России, в отличие от двух его соотечественников. Уточняя свою позицию в главе «Место Тургенева» (глава была написана в ответ на реакцию рассерженных почитателей Тургенева, недовольных статьей «Тургенев и Толстой»), Беринг еще раз утверждает, что Толстому и Достоевскому удалось лучше отразить определенную эпоху в истории России. Позднее в книге «Очерки по истории русской литературы» Беринг несколько смягчил свои удары и даже признал, что «Отцы и дети» - шедевр, а их автор займет место классика в мировой культуре благодаря своему поэтическому дару, но все-таки не такое значительное, как два его знаменитых соперника.

Морис Беринг пытался убедить английских читателей в том, что он выражал русскую точку зрения на Тургенева и его современное положение в мировой литературе. Частично он был прав, ибо в русской критике интерес к творчеству Тургенева в первые десятилетия нашего века был не таким объемным, как интерес к творчеству других русских писателей.⁸ Но это отнюдь не говорило об однозначности отношения к автору «Отцов и детей» в России и о том, что репутация его катастрофически пошатнулась. Напротив, начиная с 90-х г.г. до середины 20-х о Тургеневе было написано немало разноплановых статей, в которых его произведения рассматривались в социально-психологическом ключе. Усилилось внимание к философскому содержанию его прозы и к собственно эстетическому началу его творчества. Все чаще авторы этих статей вспоминали об объективном характере писательской манеры Тургенева, об общечеловеческом, общекультурном значении всей его деятельности. Можно сказать, что русское тургеневедение выходило к более глубокому постижению творческих тайн писателя. Фактически за три десятилетия были намечены все те линии, которые будут прочерчены лишь после того, как исчерпает и дискредитирует себя тот самый «вульгарный социологизм», который прочно утвердился в советском литературоведении во второй половине 20-х годов.⁹

Конечно, Морис Беринг не был блестящим знатоком русской литературы и ее глубоким исследователем, да и выразителем некой единой «английской» точки зрения на Тургенева он тоже не был, и можно было бы не принимать его рассуждения в расчет, если бы они не оказались достаточно типичными для британской критики тех лет.

В 1912 году в журнале «Русское обозрение» (печатном органе Ливерпульского университета) была помещена статья Невилла Форбиса «Тургенев». В целом она отличалась весьма доброжелательным тоном, но ее автор не преминул заметить, что романы Тургенева не так глубоки и универсальны, как романы его великих соотечественников, что сам он не такой тонкий психолог, как Достоевский, не такой потрясающий реалист, как Толстой, хотя безусловно остается непревзойденным мастером слова.¹⁰ Через четыре года Чарльз Сароли в одной из глав своего историко-литературного труда «Европейский долг России» отказывал Тургеневу в достоинствах, которыми обладали другие русские писатели – в глубинной

трагедийности Достоевского, в эпическом величии Толстого, в особом вдохновении Гоголя, и в целом – в способности понять Россию. Правда, Сароли увидел в Тургеневе талант хорошего наблюдателя и психолога, а как художника возвысил его над всеми литературными соперниками.¹¹

Весьма резко высказал свое суждение о творчестве И.С.Тургенева в 1920 году А.Клаттон-Брок, в свое время известнейший в Англии литературный критик. Он воспринял автора «Отцов и детей» как писателя искусственного, старомодного, не способного создать индивидуализированный характер. Философская концепция Тургенева казалась английскому исследователю слишком мрачной, а потому несвоевременной. Он упрекал писателя в том, что тот лишил человека ответственности за свою судьбу. Однако, называя романы Тургенева «изысканно пустыми», Каттон-Брок все-таки понимал, как прекрасна поэтическая основа тургеневской прозы.¹² Рецензент первой объемной биографии Тургенева, изданной в Англии в 1926 году (ее автор – американский исследователь А.Ярмолинский), предположил, что писатель не видел тех потенциальных благородных возможностей человека, которые были открыты вниманию Толстого, Достоевского, Чехова.¹³ Е.Карр в своей статье о сложных взаимоотношениях Тургенева и Толстого между прочим вспомнил, что Толстой уснул над «Отцами и детьми», при этом критик сделал весьма рискованный вывод: якобы последующие поколения подтвердили толстовскую оценку тургеневского творчества как «усыпляющего».¹⁴

Никто из писавших о Тургеневе не отрицал, что он совершенный художник, поэт в прозе, великолепный стилист. Более того, все считали, что в этом он превзошел своих гениальных соперников. Однако уважительное отношение к эстетическому чутью автора «Записок охотника» и «Лизы» (под этим названием появился в Англии роман «Дворянское гнездо» в переводе В.Рольстона) не могло перевесить в сознании литературных критиков преклонение перед проблемной глубиной произведений Достоевского и Толстого, перед основательностью их реализма – таков, во всяком случае, был наиболее типичный расклад ценностей, когда речь шла о сопоставлении трех великих писателей. Если снова вспомнить М.Беринга, то получалось, что Толстой и Достоевский – опора храма, а Тургенев – нечто вроде священного места внутри него. Д.Мирский в своей книге «История русской литературы» (1927г.), характеризуя общее отношение англичан к Тургеневу, заявил, что для некоторых викторианцев он по-прежнему остается первым и единственно русским писателем, но большинство любителей российской словесности предпочитает «более острые блюда».¹⁵

Примечательно, что и самые верные почитатели таланта Тургенева, защищая его от нападков критиков, объективно понимали, что их кумир потерял свою былую славу. Общеизвестно, что Джон Голсуорси любил Тургенева, испытал на себе его влияние, был верен этой привязанности до конца жизни. К Тургеневу и его героям апеллировал английский писатель в статьях о литературе и писательском мастерстве.¹⁶ Русский писатель для

Голсуорси – эталон совершенства, пример для подражания, истинный классик.¹⁷ Голсуорси, в отличие от многих своих соотечественников, не противопоставляет поэтический дар Тургенева его реализму: «Реалист ли Тургенев? Он самый большой поэт, когда-либо писавший прозой, и никто не умел так ощутимо показать нам живые лица и события...».¹⁸ Однако в 1924 г. в статье «Силуэты шести писателей» он с горечью замечал, что после активного знакомства англичан с произведениями Достоевского отношение к Тургеневу изменилось: он утратил былое влияние в этой стране. А еще раньше в письме к Эдв.Гарнету (24 апр. 1910 г.), комментируя книгу Беринга, Голсуорси писал: «Интересно то, что он [Беринг] говорит о русской оценке творчества Тургенева, но это, безусловно, мода, хотя я согласен с тем, что Толстой и Достоевский достигают такого уровня, на который Тургенев даже не посягает».¹⁹

Любопытно проследить эволюцию отношения к Тургеневу другого его почитателя – Арнольда Беннета.²⁰ Еще в 1899 году в статье, написанной по случаю выхода в свет пятнадцатитомного издания романов Тургенева в переводе К.Гарнет, Беннет утверждал, что этот писатель завоевывает в Европе внимание литераторов, а не читающей публики (Генри Джеймс, как известно, заметил, что Тургенев «романист для романистов», сделав акцент на том, что он «романист из романистов»). Уже тогда Беннет понимал, что Толстой занимает более важное место в читательском сознании англичан, но все-таки Тургенев для него лично оставался мастером высшего класса, непревзойденным писателем. В 1910 году Беннет вступил в открытую переписку с Берингом. В статье «Тургенев и Достоевский» он очень высоко оценивал художественное мастерство Тургенева: Он (Достоевский) был всем чем угодно, но ему не было дано сотворить спокойную, изысканную в своей мягкости красоту «Дворянского гнезда» и «Накануне».²¹ Впрочем, судя по вопросу, заданному в конце статьи, Беннет не очень хорошо был знаком к тому времени с творчеством Достоевского. Через 17 лет положение изменилось и появилась еще одна статья английского писателя – «Двенадцать лучших романов». В ней произведения Тургенева занимали седьмое-десятое место после романов Достоевского и Толстого. Теперь Беннет прямо писал: «Он (Тургенев) не воздействует на меня так сильно, как Достоевский и Толстой, но он, безусловно, более совершенный художник, чем оба его современника».²²

Конечно, в первые два десятилетия XX века в Англии были написаны статьи и книги, в которых Тургенев воспринимался как автор серьезных проблемных произведений, классик русской литературы, вне зависимости от того места, которое занимали в ней его именитые соотечественники (о некоторых из таких исследователей речь пойдет дальше), но тенденции опрокидывания прежнего кумира с пьедестала давала себя знать, и не только в Англии. Чем же объясняется некоторый спад интереса к Тургеневу в Европе и, в частности, в Великобритании? Но прежде всего вспомним, что обеспечило Тургеневу славу в этой стране в конце прошлого века, не

безусловную, отнюдь не однозначную на всех этапах, но до 90- г.г. явную, прочную.

Не с Тургенева началось знакомство британской читающей публики с русской литературой, ибо не он первым был переведен на английский язык.²³ Не могли сыграть существенную роль в привлечении к нему внимания и недолговременные его визиты в Великобританию (в общей сложности их было 12 за 35 лет).²⁴ Они, конечно, способствовали сближению русского писателя с английской литературной элитой, но глобально обеспечить читательский интерес к его творчеству вряд ли могли.

Важным фактором, обеспечившим Тургеневу пристальное внимание англичан в 50-е – 60-е г.г. XIX в., был интерес к малознакомой стране, интерес прежде всего политический, связанный первоначально с Крымской войной, а затем с общественным движением в самой России.²⁵ Общепринятым и традиционным стало рассуждение о том, что западных писателей, критиков и простых читателей привлекала в русской литературе нравственная проблематика: они видели в ней оплот общечеловеческих ценностей, противостояние натуралистическим тенденциям и декадентским настроениям западной культуры рубежа веков. С этим спорить трудно, но в случае с Тургеневым притягательным для англичан был и другой аспект его творчества – собственно русское, национальное содержание его прозы, прежде всего «Записок охотника» и романов. Этот момент хорошо объяснил Беннет в 1899 г.: «В романах Тургенева – неординарная нравственная основа. В них приглушено, но очень точно выражены потаенные национальные желания».²⁶ Тот факт, что Тургенев отразил наиболее важные тенденции своей эпохи, на первоначальном этапе знакомства англичан с русской литературой, был исключительно важен.

Для английских писателей с самого начала одним из основных достоинств Тургенева был его талант художника, «гения меры», великолепного стилиста (это понимали даже те, кто читал его только в переводах). Гармоничная «симметрия» его прозы, специфика его психологизма, который предполагал отсутствие многословия, строгий отбор материала, – вот что завораживало британских мастеров слова. Объяснение тургеневского текста они видели в том, что Генри Джеймс назвал «умением облекать высокой поэзией простейшие факты жизни» (хотя не многие улавливали глубинный философский смысл этой характеристики).

Парадокс заключается в том, что те качества, которые обеспечивали Тургеневу первоначальный успех в Англии, впоследствии стали основной причиной охлаждения к нему и читателей и критики. Тот же Беннет отразил характерное для англичан отношение к автору «Записок охотника»: «Толстой говорит с человечеством, Тургенев – с Россией»,²⁷ а последнее Западу менее интересно. Кроме того, Беннет видел в Тургеневе – столь характерные для русского и совершенно непонятные западному человеку – нерешительность, неспособность к активному действию, склонность к меланхолии. «Полное отречение, – писал он, – мы способны понять, открытый протест мы можем

оправдать, но нечто промежуточное, печально тревожное, нас не трогает и озадачивает».^{27-а}

Французский литературовед Э.Оман честно признавался: «Очень трудно и даже невозможно для нашего брата, западноевропейца, вникнуть в настоящий смысл сочинений Тургенева. Возьмем, например, «Ночь» или «Отцы и дети»²⁸. Казалось бы, не согласиться с этим невозможно. Конечно, конкретно-социальное содержание романов Тургенева, национальная специфика российской жизни, нашедшая в них отражение, оставались тайной для западного читателя. Но в то же время в Англии 10-х – 20-х г.г. сложилась такая духовная атмосфера, которая была во многом созвучна настроениям, тонко уловленным автором «Рудина» или «Нови». Предвоенные, военные, послевоенные годы были, как известно, тяжелыми для всей Европы: они породили «потерянное поколение» с его отчаянием, утратой веры в какие бы то ни было идеалы, с болезненным ощущением своей ненужности. В Англии, катастрофически терявшей свою былую славу сильной политической державы, этот кризис ощущался как крах всех традиций. Наиболее остро переживала его интеллигенция, интеллектуальная элита. Для Джона Голсуорси, автора «Современной комедии», символом британской жизни тех лет стал туман. Бернард Шоу назвал Англию, да и всю «культурную и праздную Европу» предвоенного периода «домом, где разбиваются сердца». Беспощадными, пустыми и бесполезными представлялись ему речи его все понимающих, умных героев, которые своей стране были не нужны и помочь ей ничем не могли. У Шоу возникла потребность в русских аналогиях, но не в тургеневских, а в чеховских (недаром он дал своей знаменитой пьесе, в основном законченной перед войной, подзаголовок «Фантазия в русском стиле на английские темы»²⁹).

Между прочим, позднее, в 1937 г., один из английских критиков увидит в «Рудине» тему, близкую английской литературе 20-х – 30-х годов, и героя, понятного ей, - не затребованного этим обществом³⁰.

«Пустынное» существование молодого поколения в «Современной комедии» Голсуорси, отчуждение от мира тонко чувствующего талантливого художника в «Смерти героя» Олдингтона, превращающаяся в «шутовской хоровод» интеллектуальная элита в романах Хаксли – все это Англия начала века. Российский «дым» - лондонский туман... Узнавания не произошло.

Думается, что основной причиной этого было отстранение англичан от специфически российского исторического материала, их неспособность проникнуть в глубинное содержание тургеневских романов. Многим Тургенев казался старомодным, неактуальным только потому, что он отразил ушедшую в прошлое эпоху. Некоторые исследователи и не пытались преодолеть схоластическую традицию восприятия романов Тургенева как чисто исторических³¹.

Едва ли не единственным исследователем, попытавшимся более тонко проанализировать социально-политическое содержание этих романов был Эдв. Гарнет, выпустивший в 1917 году первую английскую книгу о Тургеневе. Он составил эту книгу из предисловий к переводам, сделанным

его женой К.Гарнет в 90-х г.г., кое-что добавив и скорректировав, и предпослал ей вступительную статью, которая явилась реакцией на точку зрения М.Беринга и другие неприязненные суждения о русском писателе. Основным достоинством Тургенева Гарнет считал умение гениально отразить ведущие тенденции определенной эпохи, пропустить их через индивидуальное восприятие своих героев, освещенное поэтическим видением. Английский критик делает акцент на теме России в романах и утверждает, что Россию писатель видел такой, какой она и была в реалии, и показал ее более объективно, чем другие. Гарнет полагал, что тургеневские романы не только не потеряли своей актуальности, но даже оказались пророческими. Конечно, и он понимал, что для англичанина - его современника – русские тенденции, интересовавшие Тургенева, есть нечто незнакомое и неясное, но он пытался пробиться сквозь это непонимание, объясняя читателям общефилософский, общечеловеческий смысл тургеневских произведений³².

Но книга Эдв. Гарнета была одним из немногих исключений. Как правило, неразрывность социального и философского начал в романах И.С.Тургенева мешала европейскому читателю понять, что их философская концепция вполне органично вписывалась в духовную атмосферу XX века и, в частности, в настроения 10-х – 20-х г.г. Английский критик Ричард Кёрл в 1910 г. замечал, что из трех знаменитых русских писателей один Тургенев остается без каких бы то ни было иллюзий³³. Этот, пусть несколько упрощенный, вывод в основе своей справедлив. Мир без иллюзий – это ощущение жизни, характерное для послевоенной Европы. Оно породило бесцельные, хаотические «одиссеи» героев западноевропейской литературы 10-х – 20-х г.г., мотивы одиночества, отчуждения, отчаяния.

Что же еще, помимо однозначного понимания проблематики произведений Тургенева, отстранило нашего писателя от западноевропейской культуры этого времени? Конкретнее – от британской культуры? Вернемся к статье Беннета 1899 г. Английский писатель утверждал, что Тургенев слишком совершенный художник для нового времени, слишком рафинированный, сдержанный, не способный «насиловать душу». Современная публика требовала потрясений, ей была чужда мягкая, ненавязчивая деликатность поэта. Примечателен тот факт, что Тургеневым особенно восхищались писатели, обладавшие тонким эстетическим чутьем, писатели, для которых красота становилась критерием истины: О.Уайльд, Дж.Конрад, Дж.Мур, В.Вульф – сторонники эстетской, неоромантической, импрессионистической концепции искусства. Между прочим, и классический реалист Дж. Голсуорси именно в красоте видел нравственное спасение. Независимо от нюансов и отличий, все эти писатели в чем-то были едины.

Именно в исключительной рафинированности, изысканности, гармоничности тургеневской прозы большинство английских литераторов видело причину неуспеха Тургенева у читательской публики в начале века. Наиболее точно эту идею выразил Голсуорси в 1924 г.: «Для новой эпохи Тургенев слишком уравновешен и поэтичен»³⁴.

Думается, что это справедливо. Начало XX века – разорванное, истерзанное отрицательными эмоциями время. Кризис веры, ощущение, что «все боги умерли», разрыв с прошлыми традициями – наиболее характерные для него настроения. Если имажинисты и пытались найти убежище от социального кризиса в сфере чистого искусства, в поисках новых ритмов и созвучий, то это все равно не избавило их «от горького сознания безвозвратности утраты некогда существовавшей гармонии между человеком и миром. Мысль о гибели красоты, утраты великих духовных ценностей пронизывает многие произведения имажинистов»³⁵. В духовной атмосфере 10-х – 20-х годов царил дисгармония, суть которой наиболее адекватно выразили модернисты и близкие к модернизму писатели. Экспериментальный роман Дж. Джойса «Улисс», поэзия Т.С.Элиота, романы И.Во и О.Хаксли отразили мир отчужденного сознания, бессильного интеллекта, мир утраченного «я» и ушедшей из-под ног почвы, мир «бесплодной земли» и «полых людей», мир «разрушения и упадка», заверченного в «шутовском хороводе». Не осталось ничего устойчивого, а потому симметрия, гармония и мера оказывались явно неактуальными средствами художественного воплощения действительности, как и все традиционные жанровые структуры.

Содержание тургеневских романов не должно было восприниматься англичанами как нечто абсолютно чуждое, хотя полного его понимания все же не произошло. Явное отстранение возникло, очевидно, на уровне формы. Западному читателю ближе были «неправильные» романы Достоевского, ему более понятной представлялась повествовательная манера Толстого, из которой, по существу, и родился джойсовский «поток сознания»³⁶. Если говорить все-таки о нравственно-философском содержании прозы трех великих русских писателей, то здесь, очевидно, работа мысли шла в обратном направлении, от противного: в литературном наследии Достоевского и Толстого европейцы обнаруживали устойчивые нравственные абсолюты, которых Западу в этот период так не хватало. В тургеневской прозе их нащупать было гораздо сложнее, да и простое сочетание пессимистической, фаталистической концепции мира с подтекстовой формой изложения мысли представлялось западному читателю трудно постижимой загадкой. Голос Тургенева звучал так мягко и корректно, что был почти не слышен в мире разорванных повествований, смещенных и совмещенных временных пластов, пестрого многоголосия, в котором никто никого не воспринимал и не понимал, в мире спародированных традиций и гротесковых буффонад. Тургеневское тихое слово было по-настоящему уловлено особо чуткими ценителями красоты.

Джордж Мур в 1919 году в пору увлечения эстетством объяснял прохладное отношение англичан к Тургеневу «благородной простотой стиля». Сравнивая двух великих русских писателей, Тургенева и Толстого, Мур отмечал, что к Толстому читателей притягивает откровенно морализаторский характер его произведений, а, по твердому убеждению английского писателя, художник не должен быть прямолинейным

проводником, его путь к читателю лежит не через проповедь, не через пропаганду тех или иных идей, а через прекрасное, через самую красоту. Он понимал, что публика не признаёт чистых вод, так как не видит в них глубины. Следует заметить, что оценка толстовского творчества в статье Мура была несправедливой, вполне возможно, что и Тургенева он не очень основательно освоил, но писательская интуиция помогла ему в главном: он постиг суть тургеневского психологизма, тайну его мастерства и, одновременно, причину того непонимания, которое сопровождало писателя как на родине, так и за ее рубежами. Для Джорджа Мура И.С.Тургенев был прежде всего поэтом – недаром он ассоциировал его судьбу с судьбой Поля Верлена – и, подобно нашему А.Блоку, английский писатель чувствовал, что поэту дано передать «бури и тревоги своего времени» совершенно особенным, опосредствованным путем. Поэта, утверждал Мур, по-настоящему поймут через 100 лет, когда забудут морализатора и проповедника³⁷.

А ведь в свое время и Генри Джеймс в упомянутой выше статье писал о том, что знакомство с Толстым, «безбрежным морем жизни», было для западных читателей потрясением, но тургеневское «умение облекать высокую поэзией простейшие факты жизни» было даром высокого порядка, обеспечивающим его обладателю самое значительное место в мировой литературе.

В нашем литературоведении сложилась традиция восприятия эстетизма как литературного явления, отрицающего нравственное содержание искусства. Это получилось по той простой причине, что неверно были истолкованы и прокомментированы высказывания самих эстетов о бесполезности искусства, о несовместимости красоты и реальной жизни. (Приблизительно то же произошло и с терминами «символизм» и «декадентство»). Эстеты саму способность воспринимать и чувствовать прекрасное рассматривали как глубоко нравственное начало. Когда О.Уайльд в 1887 г. в статье о романе «Униженные и оскорбленные», сравнивая трех великих русских писателей, подчеркнул, что Тургенев – совершенный художник, думаю, что для него это было высшей похвалой, хотя затем он отметил широту видения Толстого и глубину психологизма Достоевского³⁸.

Возможно, это парадоксальная мысль, но Тургенева более тонко восприняли писатели, стремившиеся уйти от подчинения искусства законам реализма. Именно эти писатели поняли, точнее, угадали тайну его мастерства, его нравственности и глубины. Одним из таких ценителей тургеневского творчества оказался Джозеф Конрад. В письме Эдв. Гарнету в 1917 г. английский писатель заметил, что составляющие таланта Тургенева слишком изысканны, чтобы нравиться публике. Он имел в виду «абсолютное здравомыслие и глубокую чувствительность, ясное зрение и удивительную отзывчивость, острую пронизательность и неизменное благородство мысли, способность к тонкому восприятию бытия и безошибочное чутье к тому, что наиболее существенно и важно в жизни мужчины и женщины, ясный ум, доброе сердце, сочувствие к человеку»³⁹.

В.Вульф в 1927 г. в рецензии на книгу А.Ярмолинского (фактически это была не рецензия, а небольшая статья о Тургеневе, отразившая отношение самой В.Вульф к русскому писателю) сетовала на то, что из всех великих писателей к Тургеневу в Англии отнеслись наиболее несправедливо. Она, как и Дж.Мур, увидела в тургеневской ясности глубину, в лаконичном тексте – целый мир. «Суггестивное искусство» Тургенева было, по мнению Вульф, свободно от всякого догматизма и поражало своей всеохватностью и беспристрастностью. Английская писательница не только гениально уловила специфику проблематики произведений Тургенева, синтетический характер этой проблематики, но и тайные свойства его поэтики⁴⁰. Неудивительно, что через несколько лет (в 1933г.) В.Вульф в своем дневнике будет писать о подтексте у Тургенева и о том, что, прочитав его произведения, она хотела бы обсудить проблемы формы⁴¹. В написанной в том же году статье о романах Тургенева она снова обратит внимание на объективный характер его творчества, на совмещение конкретно-исторического пласта с вечными проблемами в его произведениях, на своеобразие его манеры (в частности, на роль детали, на эмоциональную, а не событийную цельность повествования, на синтез иронии и лирического начала, гармонию поэтического и обыденного)⁴².

Собственно эстетический, а не социально-исторический интерес к Тургеневу позволял точнее определить значение его творческого наследия. Примечательно, что в самой России стремление увидеть в романах Тургенева конкретно-социальное, конкретно-историческое содержание прежде всего – особенно на первых порах (одним из немногих исключений тогда была статья Н.Страхова) – мешало проникновению в глубинный, психолого-философский, нравственный смысл его произведений.

Конечно, к 10-м – 20-м г.г. нашего века о Тургеневе в России было сказано немало справедливого и проникновенного, но, пожалуй, точнее всех суть тургеневского гуманизма объяснил К.Бальмонт. Возможно, его высказывание излишне мелодраматично и, безусловно, несправедливо по отношению к Толстому и Достоевскому, однако оно, на мой взгляд, интересно именно в контексте того спора о трех колоссах русской литературы, с которого начинался наш разговор. Итак, русский поэт-символлист писал следующее: «Считая точно установленными границы человеческого познания, Тургенев был умственно слишком честен, чтобы найти для себя религиозно-философское успокоение в таких сомнительного достоинства умозрительных находках, как демонические христианские порывы Достоевского или пресное поддельно буддийское христианство Толстого. Но религиозно-философский агностицизм, его глубоко грустное и великое «не знаю», быть может, так же ценны в очах Всезрящего, как молитва молящегося и исступленность боговдохновенного. И если быть кротким, быть добрым, быть прямодушно-честным, прощать обиды, быть благородным и щедрым и любящим, и свято лелеять свое однажды выбранное дело и, главное, любить, любить, любить, даже когда тебя не любят, даже когда топчут твое сердце, - если все это означает быть

христианином, - Тургенев христианином был, и неизменно больше чем два его великих сверстника, только что названные»⁴³.

Примечания

1. Генри Джеймс. Иван Тургенев // Генри Джеймс. Женский портрет. М., Наука, 1964. С. 52.
2. Об истории переводов произведений русских писателей, об истории восприятия творчества русских писателей, в частности Тургенева, в Англии см.:
 - E.Osborne. Russian literature and translations // Bookman, Vol. LXXXIII, Dec. 1932.
 - Turgenev in England and America // Ollinois Studies in Language and Literature. 1941. Vol. 27, 2
 - Turgenev in English. A Checklist of works by and about him. NY, 1962.
 - M.Line. A bibliography of Russian literature in English translation to 1900. 1900. L., 1963.
 - Turgenev. A bibliography of books: 1843-1982, by and about I. Turgenev. The University of Calgary Press, 1985.
 - P.Waddington. A bibliography of writings by and about Turgenev published in Great Britain up to 1900. Wellington, 1985.
 - Ivan Turgenev and Britain. Ed. P. Waddington. Oxford, 1995.
3. О дискуссии, возникшей вокруг имен Тургенева, Толстого, Достоевского писала Д.Жантиева в своих статьях: Эстетические взгляды английских писателей к. XIX – н. XX в.в. и русская литература. // К истории литературных связей XIX века. М., 1962; Английское литературоведение 50-х – 60-х годов о Тургеневе, Толстом, Достоевском. // Русская литература и ее зарубежные критики. М., 1974. Автор данной работы частично обращается к тому же материалу, но расходится с исследователем в интерпретации отдельных его аспектов, в частности, в оценке эстетской точки зрения на творчество Тургенева.
4. M.Baring. Tolstoy and Turgenev. // Quarterly Review, July. 1909. M.Baring. Landmarks in Russian literature. L., 1910. (На русский язык книга переведена в 1913 г.).
5. А.Елистратова. Русские классики в Англии. // Интернациональная лит-ра. 1942. № II. С. 120.
6. В библиографию к своей статье М.Беринг включает книгу Э.Омана на французском языке и книгу А.Брюкнера – в переводе на английский язык: E.Naumant. Ivan Tourguénief: la Vie et l’Oeuvre. Paris, 1906; A Bruckner. A literary history of Russia. L., 1906.

И тот и другой, действительно, писали о потере Тургеневым авторитета на Западе в связи с усилением внимания к творчеству Толстого и Достоевского. Брюкнер, например, заявлял, что творчество Тургенева ограничено во времени, что ему не хватает эпического таланта, что произведения его не побуждают к глубокой мысли.
7. M.Baring. Landmarks ... Q.v. P. 99.
8. П.Сакулин в докладе, прочитанном в РАНИОН в декабре 1927 года, отметил, что к этому времени Тургенев занял 6-е место по степени изучаемости после Пушкина, Толстого, Достоевского, Гоголя и Гончарова. (П.Сакулин. К итогам русского литературоведения за 10 лет. // Литература и марксизм. 1923, № 1, С. 121-138).
9. В предисловии к сборнику «О Тургеневе», изданному в 1918г., П.Перцев отметил, что с начала 90-х г.г. в тургенеvedении осуществился переход от

- злободневных и частных суждений к спокойной и обобщающей оценке писателя. (О Тургеневе. Русская и иностранная критика. М., 1918).
10. H. Forbes. Turgenev. // Russian Review. Vol. 1. 3. London, 1912.
 11. Ch. Sarolea. The great Russian triumvirate. // Ch. Sarolea. Europe's debt to Russia. L., 1916.
Следует отметить некоторую поверхностность главы, даже наличие в ней отдельных фактических неточностей.
 12. A Clutton-Brock. Turgenev. // A. Clutton-Brock. Essays on books. L., 1920 (1928).
 13. Times Literary Supplement. March. 1927. (Автор статьи не назван).
 14. E. Carr. Two Russians. // For tnightly Review. L., 1929. Dec. 2.
Следует заметить, что статья не отличается ни глубиной, ни основательностью.
 15. D. Mirsky. A History of Russian Literature. № 9, 1927.
О судьбе Мирского см.: О.Казнина. Д.Мирский. Несобранные статьи по русской литературе. // Вопросы литературы. 1990, № 1.
 16. «Туманные мысли об искусстве», «Почему нам не нравятся вещи как они есть», «Предисловие к роману Диккенса «Холодный дом», «О законченности и определенности», «Искусство и война», «Воспоминания о Конраде», «Еще четыре силуэта писателя», «Создание характера в литературе». Тургеневу посвящена отдельная глава в статье «Силуэты шести писателей». (См. Дж. Голсуорси. Собр. соч. в 16-ти т.т. Т.16. М., 1962).
 17. В советском литературоведении уделено достаточно много внимания теме «Голсуорси и Тургенев». Ею в той или иной степени занимались М.Воропанова, Н.Дьяконова, Д.Жантиева, Т.Ефремов, Т.Разумовская и др.
 18. Дж.Голсуорси. Собр. соч. в 16 т.т. Т.16. М., 1962. С.340.
 19. Letters from John Galsworthy (1900-1932). № 4, 1934. P.177.
 20. О восприятии творчества Тургенева Беннетом см. ст. В.Н.Шейнкера «Из истории восприятия творчества Тургенева в английской литературе». // Уч. зап. ОГПИ, т. 17«а». Орел, 1963.
 21. A Bennett. Turgenev and Dostoyevsky. // The author's craft and other critical writings. Lincoln, 1968. P. 114-115.
 22. A Bennett. The twelve finest novels. // Ibid. P. 252.
 23. См. сноску 2.
 24. О визитах Тургенева в Англию см.:
P. Waddington. Turgenev and England. L., 1980.
 25. См. A. Gettman. Turgenev in England and America Urbana, 1941. М.П. Алексеев. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. Ю.Д.Левин. Новейшая англо-американская литература о Тургеневе (1945-1964). // Литературное наследство. И.С.Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. (Т. 76).
 26. A Bennett. The author's craft ... P. 109.
 27. Ibid. P. 110.
 - 27-а. Ibid. P. 110-111.
 28. E. Naumant. Тургенев на Западе. // Минувшие годы. 1908, № 1. С. 314.
 29. Имеется в виду драма «Дом, где разбиваются сердца».
 30. См. Pritchett V.S. A hero of our time? // London Mercury. 1937, XXXVI, № 214.
Советский литературовед И.Кертман в статье «Отцы и дети («Сага о Форсайтах» Дж.Голсуорси и влияние на нее русского классического романа)» пишет о сходстве социально-политических ситуаций в Англии 20-х гг. XX в. и в России 40-х гг. XIX в. См. сб.: Проблемы метода и стиля в прогрессивных литературах Запада XIX-XX веков. Пермь, 1967.
 31. См. напр.: J.A.T. Lloyd. Two Russian reformers: Ivan Turgenev and Leo Tolstoy. L., 1911.
 32. Edv. Garnett. Turgenev. L., 1917.

Следует, однако, учитывать, что Гарнет в своей книге все-таки отразил специфику восприятия творчества Тургенева в Англии конца века. Об этом автор данной работы говорит в статье «Роман Тургенева «Отцы и дети» в Англии (1863-1899)» // И.С.Тургенев: Мировоззрение и творчество, проблемы изучения. Орел, 1991.

33. R.Curl. Turgeneff and the life-illusion. // *Fortnightly Review*. № DXXII. June, 1910.
34. Дж.Голсуорси. Собр. соч. Т.16. С. 399.
35. Г.Э.Ионкис. Английская поэзия 20 века. М.: Высшая школа, 1980. С. 26.
36. О том, что в толстовской прозе содержатся в зерне многие приемы «потока сознания» XX века писали несколько исследователей, в том числе и Л.Гинзбург, автор книги «О психологической прозе» (Л., 1971).
37. G.Moore. Turgenev and Tolstoy. // *Russian literature and modern English fiction*. L., 1965.
38. O.Wilde. Russian novelists. O.Wilde. The complete works. Vol. XII. N.Y., 1927.
39. J.Conrad. Notes on life and letters. L., 1949. P.48. Русский перевод письма Э.Гарнета см. в ж. «Иностранная литература». 2000, № 7. В данной статье текст цитируется в переводе автора.
40. V.Woolf. A Giant with Very Small Thumbs. // V. Woolf. *Books and Portraits*. L., 1977.
41. V.Woolf. *The diary*. L., 1982. V.4. (16 Aug. 1933).
42. V.Woolf. *The novels of Turgenev*. // V.Woolf. *Collected essays*. V. 1. L., 1966.
43. К.Бальмонт. Рыцарь девушки-женщины. // К.Бальмонт. *Избранное*. М.: Худ. лит., 1980. С. 615.

II

Вокруг Тургеневской энциклопедии

НЕСКОЛЬКО УТОЧНЕНИЙ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И.С.ТУРГЕНЕВА

Представленные здесь наблюдения возникли в ходе работы над статьями для Тургеневской энциклопедии. Труд, который полезен уже тем, что позволяет исправить неточности и ошибки, повторяющиеся в академических изданиях Тургенева, а иногда и дополнить эти издания новыми материалами.

I

В поэме «Поп» (1844) Тургенев поименно назвал будущих ее читателей – участников кружка Белинского, которых хорошо знал.

Читатели найдутся. Не бесплодной,
Не суетной работой занят я.
Меня прочтет Панаев благородный
И Веверов любезная семья;
Белинский посвятит мне час свободный,
И Комаров понюхает меня ...
Языков сам столь влажной, столь приятной
Меня почтит улыбкой благодатной.

[Ну – к делу! Начинайся, пышный эпос, -
Пою попа соседа, попадью,
Ее сестру ... Вы скажете: «Нелепо-с
Воспеть попов» ... но я попов пою;
Предмет достойный эпоса – не репа-с
Наш подлый век ... но что я говорю?
И мне ли, мне ль при жизни Комаришки
В политику пускаться, вроде Жижки?]¹

Обратим внимание на строки:

«И Комаров понюхает меня ...»

.....

«И мне ли, мне ль при жизни Комаришки»

И в первом и во втором академических изданиях комментаторы поэмы считают, что «Комаров» и «Комаришка» представляют одно и то же лицо, и лицом этим является А.С.Комаров. Мы пришли к выводу, что Тургенев имеет в виду два разных лица – двоюродных братьев А.А. и А.С.Комаровых. Почему, станет ясно, когда мы с ними познакомимся подробнее.

КОМАРОВ Александр Александрович (1810-1874), преподаватель российской словесности в военных учебных заведениях, поэт, с 1847 года - статский советник.

Художник Л.М.Жемчужников, учившийся у А.А.Комарова в Пажемском корпусе, вспоминал: «Не могу умолчать об одном преподавателе русского языка в старших классах А.А.Комарове. Лекции его были для нас <...> истинным удовольствием; он умел нас заинтересовать, и при нем в классе была совершенная тишина. В лекциях своих о Пушкине, Лермонтове и других он говорил нам о значении красоты, лиризма, пластики и даже ... свободного мышления, свободы духа. От лекций Комарова веяло художественностью. <...> Прекрасно он читал стихи Пушкина: «Брожу ли вдоль улиц шумных», «Анчар» и пр.»²

Среди стихотворений А.А.Комарова известны: «Кузнецу», «Ненастье» (1831); «Полночь 31 декабря», «Орлы» (1833). В «Северных цветах» за 1832 год, редактируемых Пушкиным, с которым Комаров был знаком, он опубликовал стихотворение «Ночь» и «Маша».

Л.М.Жемчужников в своих воспоминаниях приводит стихи, также принадлежавшие Комарову, которые он «твердо запомнил и написал на обложке своего дневника»:

Но я бы не желал сей жизни без волненья,
Мне тягостно ее размерное течение,
Я жаждал бы порой и бури, и тревог, и вольности святой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в борении мятежном,
И крылья распустив, орлом широкобежным,
При общем ужасе над льдами гор витать,
Над бездной упадать и в небе утопать.³

В доме Комарова, где устраивались литературные вечера (их называли серапионовскими), бывали Е.П.Гребенка и Н.Я.Прокопович, познакомивший А.А.Комарова с Н.В.Гоголем. Позднее Комаров познакомился с В.Г.Белинским. И.И.Панаев, знавший Комарова с детства, рассказывал: «Около Белинского в Петербурге составлялся мало-помалу небольшой кружок из людей, высоко ценивших его как писателя и глубоко уважавших его как человека. К этому кружку принадлежали между прочими: П.В.Анненков, Кавелин <...>, А.А.Комаров, М.А.Языков, И.И.Маслов, Н.Н.Тютчев и другие; вскоре к ним присоединились Некрасов и Тургенев...».⁴ Тургенев познакомился с А.А.Комаровым, вероятно, как и с В.Г.Белинским, в 1843 году.

Как следует из неопубликованного письма, сообщенного В.Г.Бауманом, Тургенев был знаком и с сыном А.А.Комарова – Борисом Александровичем Комаровым, который в мае 1874 года писал жене: «Вчера вечером обедал у Тютчева <Н.Н.Тютчева>, куда вечером приезжал и Тургенев. Жаль, что тебя не было».

В экспозиции Орловского государственного литературного музея И.С.Тургенева хранятся вещи, полученные от правнучки А.А.Комарова, Татьяны Владимировны Бауман, - фотография А.А.Комарова, перочистка, чугунная собачка, - свидетели тех далеких лет.

К сожалению, имя А.А.Комарова не учтено в академических изданиях Тургенева и не включено в комментарий к поэме «Поп», а вот во всех трех изданиях книги А.Розанова «Полина Виардо-Гарсия»⁵ повторяется, что именно А.А.Комаров познакомил Тургенева с певицей, хотя из писем Тургенева следует, что это был ...

КОМАРОВ Александр Сергеевич (1814-1862), профессор института инженеров путей сообщения (до 1852), сотрудник журнала «Современник».

И.И.Панаев, пансионский товарищ А.С.Комарова, дал ему в своих воспоминаниях уничтожающую характеристику: «А.С.Комаров, считавший своей специальностью естественные науки, получал всевозможные журналы и книги, литературные, политические и ученые, выучивал наизусть либеральные стишки и декламировал их на дебаркадерах железных дорог и на гуляньях, бегал по знакомым с политическими новостями, хвастал тем, что он все, что делается в Европе, узнает первый, сообщал в русские журналы разные ученые известия, перевирая их, пристаивал ко всем со своим либерализмом, вмешивался некстати во все разговоры, политические, ученые и литературные ... В голове этого господина была страшная путаница; его пустота и легкомыслие превосходили все границы».⁶

В кругу «Современника» А.С.Комаров носил прозвище «Комаревича» и «Комаришки». К его личности и литературным работам относились с пренебрежением. Так, например, В.Г.Белинский 17 февраля 1847 года писал В.П.Боткину: «... выкинули статью Тьерри ... и заменили ее статьей Комаришки о железных дорогах в отношении к выгодам (денежным), которые они дают ... Отдавая Панаеву статью, подлец Комаришка сказал ему, что такой статьи (mon cher) мир не производил. ... Небольсин сказал, что несмотря на богатство материалов, которые Комаров имел под рукой, статья его такой же сумбур, как и его статья в «Отечественных записках» о железных же дорогах. ... Комаришка же составляет для смеси «Современника» ученые известия. ... Профессор Савич говорит, что ученые известия Комаришки для незнающих дела людей очень хороши, но для знающих – курам смех и журналу позор!» Еще более резко В.Г.Белинский выразился в письме к И.С.Тургеневу от 1(13) марта 1847 года: «Комаришка – дурак положительно, кроме того, это препустейший человек».

И.С.Тургенев разделял с издателями журнала «Современник» пренебрежительное отношение к А.С.Комарову. Так, 12(24) ноября 1852 года он писал о нем: «Комаров дурак – в этом нет ни тени сомнения <...>. Он теперь богат, так как его родители умерли, но глупее, чем когда-либо». (П., 2, 400). Тем не менее, с личностью А.С.Комарова оказалось связано одно из самых важных событий в жизни Тургенева – знакомство с супругами Виардо осенью 1843 года. Вспоминая об этом времени, Тургенев 1(13) ноября 1852

года писал Полине Виардо: «Сегодня ровно 9 лет, как я первый раз был у вас, в Петербурге, в доме Демидова. ... Пришел я не один; со мной был маленький майор – Комаров ... и представьте, несмотря на совершенную смехотворность этой личности, я всегда с удовольствием думаю о нем; его фигура вызывает во мне множество мыслей и воспоминаний; случайно он оказался связан с тем временем, которое теперь так далеко от меня и которого мне так жаль ...» (П., 2, 397).

II

В одном из писем И.С.Тургенева есть упоминание об артистке Каратыгиной.

23 декабря 1847 года (4 января 1848 года), делясь с П.Виардо своими впечатлениями от спектакля в парижской Комической опере, он писал: «У м-ль Гримм голос небольшой, но свежий и звучный. М-ль Лавуа – так себе: я нашел, что она похожа на Каратыгину (лицом). Обе они поджимают нижнюю губу, поднимают брови и запрокидывают голову назад, когда собираются исполнить быстрый пассаж на высоких нотах, от чего выражение их лиц становится невообразимо смешным; они тогда похожи на гусынь, схваченных за клюв». (П., 1, 383).

И в первом и во втором академических изданиях предполагается, что под «Каратыгиной» Тургенев подразумевает драматическую актрису А.М.Каратыгину, рожденную Колосову (1802-1880).

Она была знакома еще с его родителями, о чем упомянула в своих воспоминаниях: «<...> припоминаю с удовольствием, что в числе соотечественников наших <...> в Париже в 1823 году видала я С.Н. и В.П. Тургеневых, родителей известного нашего писателя И.С.Тургенева. Позднее В.П.Тургенева, полюбившая меня, прислала мне из деревни своей для сцены платье, вышитое разноцветными шелками дворовыми ее девушками, сделанное наподобие одного из понравившихся мне в Париже на m-elle Mars». ⁷

Впоследствии Тургенев не однажды видел А.М.Каратыгину на сцене Александринского театра в Петербурге.

4 марта 1880 года он рассказывал: «Жена Каратыгина (имеется в виду трагик Василий Андреевич Каратыгин – С.Ж.), Александра Михайловна Колосова, была хороша артистка, совершенно во вкусе старой французской школы. Медленные движения, крайне растяжимая декламация тогда никого не поражали, а напротив восхищали. Не могу забыть, например, как восторгалась ею в известной тогда мелодраме «Слепая Валерия». Между прочим, тут присажает на сцену экипаж ландо. Валерия, еще слепая, почему-то с неудовольствием слышит о приезде этого экипажа и говорит: «этот противный ландо». Два-три слова этих она начинает говорить на одном конце сцены, у рампы, и тянет, переходя сквозь всю громадную сцену театра... Это умение растянуть два-три слова на медленный переход через большую сцену чрезвычайно тогда нравилось». ⁸

Однако в данном случае Тургенев явно имел в виду не драматическую актрису, а певицу, каковой была ...

КАРАТЫГИНА Софья Васильевна, рожденная Биркина (1811-1861), артистка Санкт-Петербургской Русской оперы. Кстати, с А.М.Каратыгиной она была в родстве – их мужья были родными братьями.

Муж С.В.Каратыгиной, актер и водевилист Петр Андреевич Каратыгин, писал о ней: «<...> она считалась лучшей ученицей капельмейстера Кавоса и занимала первые роли во «Фрейшюце» (опера Вебера «Волшебный стрелок»), «Фра-Диаволо» (опера Обера), «Осаде Коринфа» (опера Россини), «Сороке-воровке» (опера Россини), «Элизе и Клаудио» (опера Меркаданте) и др. У ней был прекрасный сопрано, безукоризненный слух и в пении ее было много искусства, грации и вкуса».⁹

Будучи невестой П.А.Каратыгина, 4 июня 1831 года в свой бенефис в Малом театре Софья Васильевна исполнила роль Розины в опере Россини «Севильский цирюльник».¹⁰

12 лет спустя, 22, 25, 27, 29 октября 1843 года Софья Васильевна Каратыгина исполняла партию Марселины в «Севильском цирюльнике» - дебютных спектаклях П.Виардо в Большом петербургском театре.¹¹ Тогда и состоялось ее знакомство с Полиной Виардо.

III

В «Предисловии к романам» (1880), рассказав о своем соседе по имени Василии Владимировиче Каратееве (1831-1859), чья рукописная повесть «Московское семейство» послужила основой для сюжета романа «Накануне», Тургенев также упомянул о его отце и сестре: «Он <...> жил в деревне у своего отца, на которого каждые три года находила хандра вроде сумасшествия. У Каратеева была сестра – очень замечательное существо, - которая тоже кончила сумасшествием» (9, 391).

В обоих академических изданиях последнее лицо, т.е. сестра Каратеева, никак не комментируется. Нет ни ее имени, ни даты рождения. Документы 1856 года, обнаруженные в Государственном архиве Орловской области, позволяют обрести ей реальные черты.

Прежде всего это свидетельство доктора А.Гуттцейта о состоянии здоровья М.В.Каратеевой:

«Свидетельство.

дано дочери отставного инженер-полковника Владимира Васильева Каратеева девице Марье Владимировне Каратеевой 26 лет в том, что она при нежном телосложении и нервном темпераменте в продолжении последних двух лет неоднократно была пользуема мною от упорной боли в груди и кашля. А так как все до сих пор против болезненного её состояния употребленные медицинские средства оказались малодейственными, то я считаю единственным средством против страданий девице Каратеевой –

пребывание и особенно зимовка в Южной Европе, как-то: в Италии и Южной Франции.

В чем и удостоверяю подписом и приложением герба моей печати. Орловской врачебной управы акушер доктор медицины коллежский советник А.Гуттцейт.

Орел. сего 5 сентября». ¹²

Затем запись, совершенная 5 октября 1856 года в Орловской палате Гражданского суда, об отделении Марии Владимировне Каратеевой её отцом имения в 35 душ, находящегося в сельце Каменке Щигровского уезда Курской губернии и оцененного в 4 тысячи 800 рублей. ¹³

Отныне М.В.Каратеева могла располагать имением по-своему, например, заложить его, чтобы получить средства для заграничной поездки.

И, наконец, прошение М.В.Каратеевой о выдаче ей заграничного паспорта:

« 9 октября 1856 г.

Его превосходительству

Господину Орловскому гражданскому Губернатору

Дочери отставного

инженер-полковника Каратеева

девицы Марии Владимировны

Каратеевой

Прошение

По совету медиков необходимо отправиться мне в Германию, Италию и Южную Францию к тамошним минеральным водам, а потому честь имею просить Ваше превосходительство для означенной поездки сделать распоряжение о выдаче мне заграничного паспорта». ¹⁴

Под прошением имеется собственноручная подпись М.В.Каратеевой.

Как видим, М.В.Каратеева собирается за границу в том же году, когда туда отправился Тургенев, которому также предстояло пользоваться лечебными водами. Возможно, в каком-то месте их пути пересеклись.

Приведенные здесь сведения довольно скудны. Но, возможно, за ними стоит отдельная история с девушкой, которую Тургенев не случайно назвал «замечательным существом», и которая, кто знает, могла мелькнуть в одном из его произведений, оставаясь пока не узнанной.

Примечания

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 1. -- М.: «Наука», 1976. -- С. 384-385. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами; письма сопровождаются пометой «П».

2. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. 1828-1912. Л., 1971. С. 60.
3. Там же.
4. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С.277-278.
5. Розанов А.С. Полина Виардо-Гарсия. Л., 1982. С. 38.
6. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1988. С.297-298.
7. Каратыгин П.А. Записки. Т. 2.-Л.: «Academia», 1930.- С. 156-157.
8. Русская старина. 1883. Кн. X. С. 216.
9. Каратыгин П.А. То же. Т. 1. С. 352.
10. Там же. С. 368.
11. Розанов А.С. Полина Виардо-Гарсия. Л., 1982. С. 37.
12. ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 1195.
13. Орловские губернские ведомости от 8 декабря 1856 года.
14. ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 1195.

С.Д.СИМЕОНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ АВГУСТА ВИДЕРТА

Представленные в данной статье материалы, рассказывающие о судьбах А.Ф.Видерта и его потомков, подобраны и предоставлены нам для публикации В.Л.Видертом – правнуком А.Ф.Видерта.

В своей работе мы опирались также на воспоминания А.А.Фета, публикацию переписки И.С.Тургенева и А.А.Видерта, осуществленную Н.Г.Жекулиным и В.Л.Видертом.¹

Август Фридрихович Видерт (1825 – 1888) – первый переводчик произведений И.С.Тургенева на немецкий язык, пропагандист русской литературы на западе и немецкой литературы в России. Он был хорошо знаком со многими русскими писателями: И.С.Тургеневым, А.А.Фетом, Н.А.Некрасовым, И.А.Гончаровым, Д.В.Григоровичем и др., - а также с немецкими литераторами: Б.Ауэрбахом, Т Штормом, Л. Пичем, К. – А. Фарнгагеном фон Энзе и др.

Одним из первых среди западных переводчиков Видерт переводил рассказы И.С.Тургенева из «Записок охотника». В отличие от первых французских переводов работы немца Видерта были изящны и выполнены с тонким вкусом настоящего мастера своего дела.

Интересна личность самого переводчика. Он был первенцем в семье Фридриха Видерта и Франциски Шмидт. А.Ф.Видерт родился в мае 1825 г. в Риге, в театральной семье. Прежде всего необходимо сделать небольшое уточнение: в академическом собрании сочинений и писем И.С.Тургенева указана другая дата рождения А.Ф.Видерта² – 1823 г., что не соответствует истине.

Известным доказательством тому служат свидетельства В.Л.Видерта, ссылающегося на семейные архивы и воспоминания родственников.³

Начальное образование будущий переводчик получил благодаря отцу, который вместе с детьми переехал в Москву в 1834 году. Август не смог закончить университетского курса из-за недостатка средств, но он приобщился к интеллектуальной московской среде, что привило ему любовь

приобщился к интеллектуальной московской среде, что привило ему любовь к русской литературе. Достаточно вспомнить имена тех, кто его окружал: Т.Н.Грановский, М.Н.Катков, П.Кудрявцев и др., - чтобы понять, как Видерт открывал для себя А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, молодого И.С.Тургенева, Н.В.Гоголя и др.

Знакомство с И.С.Тургеневым Видерт свел, вероятно, зимой 1850/51 г. в Петербурге. Он всю зиму провел в северной столице, а Тургенев находился там же с февраля по апрель. За этот краткий период Видерт приобрел новых друзей. Уже тогда он сконцентрировал свое внимание на рассказах молодого И.С.Тургенева.

В письме от 24 февраля 1852 года он писал Г. Дакилевскому: «Из тургеневских «Записок охотника» я перевел «Малиновую воду», «Уездного лекаря», «Бирюка», «Лебедянь», «Татьяну Борисовну и ее племянника», «Смерть», «Хоря и Калиныча» /.../ Сейчас я работаю над «Бурмистром».⁴

Тогда же Видерт задумал свою поездку в Германию с целью пропаганды русской литературы и для занятий в Берлинском университете.

Об этом он написал Тургеневу из Берлина: «/.../ я эту зиму довольно прилежно посещаю лекции здешних профессоров».⁵

В Берлине он продолжает переводить «Записки охотника». Академик М.П.Алексеев отмечал превосходное качество переводов, завершенных в германии.⁶

Видимо, сама языковая атмосфера, в которую он погрузился там, способствовала этому обстоятельству. Но Видерт тосковал по России. Он возвратился в Петербург 6 октября 1853 года, провел там конец осени и всю зиму 1853/54 г.г., работая над переводом пьесы «Ревизор» Н.В.Гоголя. В декабре 1853 года И.С.Тургенев также жил в Петербурге. Возобновились их встречи и беседы уже как старых друзей. Видерт тогда собирался в Германию, и Тургенев дал ему рекомендательное письмо к своему старинному знакомому К. - А.Фарнгагену фон Энзе /2/ 14 февраля 1854/.⁷ Он просил помочь Видерту в распространении его переводов, особенно «Ревизора» Н.В.Гоголя.

Итак, вторая поездка Видерта в Германию – март 1854 года. Тогда состоялись публичные чтения его переводов. К лету того же года первая часть «Записок охотника» была уже подготовлена к изданию при активном участии Т.Шторма.

В «Обзрении славистики» Н. Жекулин и В.Видерт представляют письма И.С.Тургенева, которые публикуются впервые по копиям, хранящимся в РГАЛИ. Оригиналы когда-то принадлежали деду Владимира Львовича Константину Видерту. Письма же А.Видерта находятся в Национальной библиотеке в Париже и опубликованы с копий, которые были предоставлены В.Л.Видерту еще в 1975 году.

В письме от 28/9 января 1855 года Тургенев писал Видерту: «Вчера мне удалось наконец достать экземпляр Вашего перевода – и сколько я успел пробежать, не могу нахвалиться. – Перевод Ваш так добросовестен и изящен, что мне остается только благодарить Вас».⁸

А Видерт писал Тургеневу из Берлина 29/10 января 1855 года: «Прилагаю четыре рецензии, больше я покамест не успел достать /.../».⁹ Очень сложно было найти рецензию с резкой критикой немецких переводов «Записок охотника». В основном это были положительные отзывы, которые нам малоизвестны или неизвестны из-за редкости и труднодоступности изданий.

Осенью 1855 года Видерт передал И.С.Тургеневу через помощника издателя А.А.Краевского А.Н.Очкина продолжение «Записок охотника», которое печаталось в «Volkszeitung». Тургенев с восторгом писал переводчику: «Присланный вами перевод превосходен, так что ничего не остается желать – и я Вас уполномочиваю объявить это, как и где желаете /.../».¹⁰

В письме, датированном 10 апреля 1856 года, Видерт выразил надежду на личную встречу с Тургеневым в Берлине.¹¹ Встреча состоялась в августе того же года, когда писатель направлялся в Париж.

После этого пути Видерта и Тургенева разошлись на долгие годы, только в 1874 году Тургенев написал Видерту из Карлсбада, интересуясь его делами.¹²

Последние годы жизни старинного приятеля Тургенева были полны драматизма: серьезные материальные затруднения, большая семья, тщетные попытки заработать деньги частными уроками.

2 мая /ст. ст./ 1888 года наступила трагическая развязка: при переезде с Васильевского острова к Адмиралтейской площади Видерт скоропостижно скончался. После заупокойной службы в лютеранской церкви св. Георгия он был погребен 4 мая на Смоленском кладбище.

Каковы же судьбы потомков знаменитого переводчика? Из писем правнука Видерта Владимира Львовича становится ясно, что в их роду всегда сохранялась память о приятельских отношениях его прадеда с Тургеневым. К примеру, Константин Видерт считался крестником И.С.Тургенева, много лет хранил связку тургеневских писем.

Из письма внука Августа Видерта Льва Константиновича: «Тургенев крестил, правда, заочно моего отца /.../ Мой отец долго хранил письма Тургенева, адресованные моему деду, но перед самой революцией отдал или продал их какому-то коллекционеру».¹³

В годы блокады пропала библиотека Константина Видерта, где на каждой из книг был фамильный штамп. Тогда же погибло несколько человек из рода Видертов: Борис Владимирович, Вера Федоровна вместе с мужем и дочерью, Виктор Федорович вместе с женой и детьми.

Вдова Александра Видерта, Мария Васильевна, жила в старом деревянном доме по Чугунному перу, из этого дома в блокаду исчезла большая часть архива семьи Видертов. Трагически погибла и сама Мария Васильевна.

Младший сын А.Ф.Видерта Константин закончил Петербургскую пиротехническую школу и получил офицерский чин. Служил в Выборге,

Варшаве, Севастополе. В Севастополь к сыну приезжала в 1914 году уже старенькая его мать, вдова Августа Видерта, Зинаида Сергеевна.

Долгое время семья Константина Видерта жила в Крыму, но в начале Великой Отечественной войны ее выселили из собственного дома. Александр Константинович был арестован. После войны Видертам так и не удалось вернуть свою собственность в Крыму.

Уже в начале 1990-х годов Владимир Львович как единственный наследник попытался хлопотать о компенсации за имущество и обратился к украинским властям с письмом, но тщетно. Он прислал в фонды ОГЛМТ документ, свидетельствующий об этом, а также фотографию своего деда Константина Видерта, расстрелянного большевиками в 1920 году.¹⁴

Родители Владимира Львовича и он сам были репрессированы. Только в 1993 году они были реабилитированы.

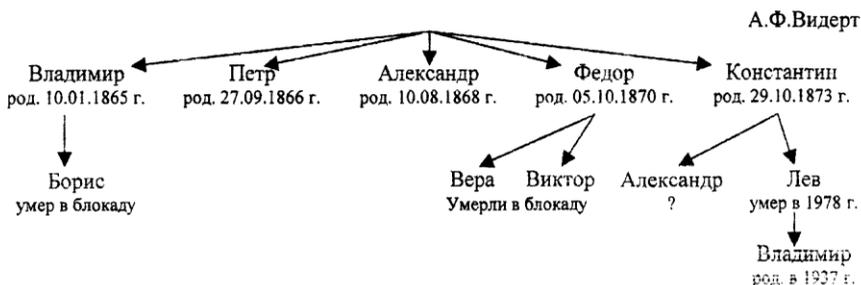
Многие годы Владимир Видерт собирал и систематизировал материалы по теме «А. Видерт и И.Тургенев», находящиеся как в России, так и в Германии. Одна из статей, посвященных В.Л.Видерту, называлась «Служитель музы перевода».¹⁵

Литературные традиции, начатые А.Ф.Видертом, достойно продолжает его правнук.

О знакомстве великого писателя с переводчиком было известно и ранее, но благодаря материалам В.Л.Видерта приоткрылись новые страницы биографии и дружеских связей И.С.Тургенева и А.Ф.Видерта.

Приложение:

РОДОСЛОВИЕ СЕМЬИ ВИДЕРТОВ.



1. Vl. Vidert with N.G. Žekulin. The Vidert – Turgenev Correspondence. New Zealand Slavonic Journal. 1991. Перевод с английского языка ст. научного сотрудника Гос. Лит. музея И.С.Тургенева И.А.Ли. В дальнейшем ссылка на это издание дается с указанием страницы.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т.3. Изд. 2.- М.: «Наука», 1987.- С. 638.
3. Частное письмо В.Л.Видерта автору данной статьи.

4. Алексеев М.П. Мировое значение «Записок охотника». // Сборник статей под редакцией С.М.Петрова «Творчество И.С.Тургенева». М., Гос. учебно – педагог. издательство МП РСФСР, 1959. с. 79. В дальнейшем ссылка на это издание дается с указанием страницы.
5. Кацкова Т.А. Август фон Видерт – лектор немецкого языка Императорского С-Петербургского университета. // Неопубликованная статья, присланная В.Л.Видертом автору данной статьи. с. 3.
6. Алексеев М.П., с.с. 78, 81.
7. Vl. Viedert with N.G. Žekulin, с. 8.
8. Там же, с. 23.
9. Там же, с. 26.
10. Там же, с. 41.
11. Алексеев М.П., с. 82.
12. Vl. Viedert with N.G. Žekulin, с. 49.
13. Частное письмо В.Л.Видерта автору данной статьи.
14. Там же.
15. Журнал «Вопросы литературы» 1996, январь. № 1.

Л.М.АЛЕКСАНДРОВА

**«СВИДАНИЯ ЭТИ БЫЛИ ЗАДУШЕВНЫ И ВЕСЕЛЫ...»
(Е.С. и А.С.Белокопытовы)**

А.Фет. «Воспоминания».

В годы детства и юности Тургенев очень любил своего дядю, Н.Н.Тургенева (1795-1881), о чем свидетельствуют его письма 1831 г. Так же тепло, по-родственному, относился Тургенев и к семье дяди.

Сестры Белокопытовы – Елизавета Семеновна (1823-1874) и Анна Семеновна (?-?), жена и свояченица Н.Н.Тургенева – были дочерьми С.Ф.Белокопытова, инженера-строителя, соорудившего Кронштадские укрепления.¹

Судя по некоторым источникам, в частности, свидетельству А.А.Фета, в 1844 г. Елизавета Семеновна была компаньонкой Варвары Петровны, матери писателя². В 1846 г. она вышла замуж за Н.Н.Тургенева и жила с семьей и сестрой Анной Семеновной в Спасском-Лутовинове с ноября 1853 г. до конца 1868 г. – в то время Н.Н.Тургенев управлял имениями, перешедшими по наследству к писателю.

Сестры Белокопытовы, живя в Спасском, тесно общались с М.Н.Толстой, семьями А.А.Фета, И.П.Борисова.

Имея в виду И.С.Тургенева и семью его дяди, А.А.Фет писал в воспоминаниях: «... не в состоянии сказать, сколько раз Тургеневы и Толстые (в т.ч. и Л.Н.Толстой – Л.А.) сходились с нами в Новоселках или Спасском. Помню только, что свидания эти были задумчивы и веселы».³

Л.Н.Толстой, однако, побывав впервые в Спасском-Лутовинове, записал в дневнике 31 мая 1856 г.: «Семейство его дяди (Н.Н.Тургенева – Л.А.) плохо. Бледные – моральные немки, поэтому, наверное, дурные в этой обстановке помещицкой», а 28 августа 1857 г. после посещения

Н.Н.Тургеневым с семьей Покровского в день рождения Л.Н.Толстого – «Скучны!»⁴

В.П.Боткин в письме к И.С.Тургеневу из Спасского от 12 августа 1864 г. писал о Елизавете Семеновне и ее сестре: «Спасские дамы встретили нас как нельзя приветливее, все здесь отзывается радушием, добротою и безыскусственностью. Только Елизавета Семеновна в отчаянии от пьянства и безалаберности рабочего люда». Однако в письме к А.А.Фету от 14 мая 1867г., говоря о намерении Тургенева заменить Н.Н.Тургенева, совершенно запустившего хозяйство, новым управляющим и о «решительном сопротивлении» этому последнего (конфликт между дядей и племянником получил в то время широкую огласку), В.П.Боткин писал о сестрах: «Вся буря поднята женским отделением и при известной своей глупости, на что они могут подбить старика!»⁵

Об отношении Тургенева к Елизавете Семеновне, ее дочерям и сестре Фет свидетельствовал: «... Иван Сергеевич постоянно относился к ним весьма любезно и родственно... Дамы эти иногда не только играли в зале на подаренном им Тургеневым пианино, но даже пели».⁶

В почти полностью уничтоженном романе Тургенева «Два поколения», из которого был напечатан отрывок «Собственная господская контора» («Московский вестник», 1859 7., № 1, 8-12), в образе Н.В.Гагина изображен его «литературный двойник» Н.Н.Тургенев и сведены воедино история женитьбы брата писателя Н.С.Тургенева на камеристке матери А.Я.Шварц и история женитьбы дяди Н.Н.Тургенева на компаньонке Варвары Петровны – Елизавете Белокопытовой, именем которой названа героиня романа – лектриса Елизавета Михайловна⁷ (история, столь же неприятно поразившая Варвару Петровну, как и женитьба ее сына Н.С.Тургенева).

В 1874 г. Е.С.Тургенева скончалась, растратив все деньги, полученные Н.Н.Тургеневым от И.С.Тургенева.

16 декабря 1874 г. Тургенев писал брату Н.С.Тургеневу: «Я сегодня только узнал, что жена дяди Николая Николаевича недавно скончалась, растратив все деньги, которые он получил от меня. Он теперь у себя в деревне, слепой, больной, одинокий. Мне его жаль, и я напишу ему письмо».
(ПСС и П. Т.Х, с. 342).

Тургенев до конца своих дней не оставлял, опекал дочерей Е.С. и Н.Н.Тургеневых – Екатерину и Варвару.

Анна Семеновна Белокопытова, будучи, по-видимому, так же, как и ее сестра, человеком недалеким, имела, однако, всесильный нрав, доброе сердце, была очень предана семье Тургеневых. Письмо К.П.Де Додт, свояченицы управляющего Спасским Н.Н.Тютчева, от 12(24) января 1858 г. к С.Н.Тютчеву, сообщая дополнительные сведения о пребывании И.С.Тургенева в Спасском в ссылке, характеризует и Анну Семеновну: «Святки мы провели для деревни довольно шумно, накануне Нового года сюда прискал дядя Ивана Сергеевича с женой, сестрой жены и ребенком. Анна Семеновна, belle soeur Н.Н.Тургенева, девушка 40 лет, до того живая и веселого нрава, что всех нас немного растормошила, два раза затевала

маскарады и всех почти заставила плясать, а седьмого января были именины Ивана Сергеевича и по этому поводу гостей было очень много, особ около 30 было со всеми нами».⁸

А.А.Фет, симпатии которого в истории взаимоотношений Тургенева с дядей были на стороне последнего, писал об Анне Семеновне в своих воспоминаниях: «Анна Семеновна Белокопытова проживала в Спасском в отдельной маленькой комнате. Это была небольшого роста толстоватая пожилая девушка с добрейшим сердцем. Любовь ее не ограничивалась двумя племянницами Тургенева, но распространялась по возможности на всех страждущих и даже беззащитных животных... Одно время Анна Семеновна гостила у нас в Степановке, и когда к определенному дню Николай Николаевич прислал за ней коляску, Анна Семеновна изумила меня своей просьбой. У нас вставляли стекла в новые двойные рамы, и А.С. выпросила себе на картину вырезок стекла в полторы четверти в квадрате и повезла этот отрезок за 75 верст, на коленях. Эта просьба в свое время поразила меня, и поныне восстает в моей памяти одним из доказательств бескорыстия Николая Николаевича».⁹

Тургенев общался с Анной Семеновной в 50-60-е годы во время пребывания в Спасском. Имя А.С.Белокопытовой упоминается в письмах писателя тех лет к М.Н.Толстой, А.А.Фету, А.В.Дружинину, Е.Я.Колбасину и др.

В последний раз Тургенев виделся с ней в конце августа 1878 г. в имении своего дяди Н.Н.Тургенева с.Юшково Карачевского уезда Орловской губернии, где она жила, ухаживая за ослепшим стариком. К сожалению, дом Н.Н.Тургенева в Юшкове не сохранился, он был уничтожен во время Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Н.Чернов. Спасско-Лутовиновская хроника. Тула, 1999 г. С. 103.
2. Неопубликованные письма А.А.Фета Ф.Черемисиновой. РГАЛИ, ф.509, ед.хр.129.
3. А.А.Фет. Воспоминания. Ч. 2, «Культура», 1992 г. С. 281-282.
4. Л.Н.Толстой. Собр. соч. в 22-х томах, XXI, М., 1985. С. 156, 191-192.
5. А.А.Фет. Воспоминания. Ч. 2, «Культура», 1992 г. С. 114
6. А.А.Фет. Там же. С. 270.
7. Заборова Р.Б. «И.С.Тургенев и его дядя Н.Н.Тургенев». Тург. сб., вып. III. С. 227.
8. «Тургениана», Орел, 1999 г. С. 155. Публикация А.Молозевой.
9. А.А.Фет. Воспоминания. Ч. 2, «Культура», 1992 г. С. 70.

**«СКВОЗЬ ИГРУ СЛУЧАЙНОСТЕЙ ДОБИВАТЬСЯ ДО ТИПОВ»
(И.С.Тургенев и молодые писательницы)**

Одной из важных сторон личности И.С.Тургенева была чрезвычайная отзывчивость к молодым дарованиям, всегдашняя готовность поддержать начинающего писателя. Такое отношение к молодым творческим силам Тургенев вынес из кружка Белинского и всю свою жизнь проявлял к ним исключительную заботу и внимание. Об этом говорят в своих воспоминаниях все, кому приходилось сталкиваться с Тургеневым по этому поводу.

«Тургенев как критик, как цензор первых юношеских опытов – редкое явление. Ему, несмотря на мировую славу, не страшно было довериться: читателя более внимательного, критика более добросовестного нельзя было, да и нельзя будет найти»,¹ - пишет в своих воспоминаниях о Тургеневе Е.П.Кавелина, автор «Савонаролы» и «Царевны Софьи».

Примером тому может служить и его отношение к писательницам-землячкам Л.Я.Стечкиной и В.В.Ладыженской.

В некрологической статье, посвященной Л.Я.Стечкиной (1857-1900), «Литературный вестник» за 1901 г. характеризует ее как блестяще образованную, знавшую языки немецкий и французский, как свой родной, обладавшую широкими познаниями в литературе, истории, психологии и философии.

В 1875 г. в ж. «Русский вестник» была опубликована повесть Стечкиной «Первая гроза» с большими искажениями и правкой М.Н.Каткова, что вызвало протест автора и многочисленные отклики и статьи в журналах того времени.

Тургенев, не читавший этой первой повести Стечкиной, был, однако, в курсе возникшей полемики. В 1878 г. Стечкина обратилась к Тургеневу с просьбой прочесть ее новую повесть «Кривые деревья». Повесть и ее автор заинтересовали Тургенева. 7(19) августа 1878 г. состоялась первая встреча Тургенева со Стечкиной в Туле. 1 сентября 1878 г. Тургенев приезжает в усадьбу Стечкиной в с. Плутнево Алексинского уезда Гульской губернии и знакомится с семьей молодой писательницы. С ее матерью, Л.Н.Стечкиной, Тургенев в дальнейшем переписывается, с братом, Н.Я.Стечкиным (1854-1896), журналистом, сотрудником ж. «Русский вестник», редактором газет «Новороссийский телеграф», «Народ», «Свет», общался и переписывался в 1879-1881 г.г.

В течение 1879-1882 годов Тургенев встречается со Стечкиной в Москве, Петербурге, Париже. По совету Тургенева Стечкина полностью переработала свою повесть. Тургенев привлекает к творчеству молодого автора внимание других выдающихся литераторов. «Моя тульская знакомая Л.Стечкина, - пишет Тургенев 9 января 1879 г. (ст. ст. 28 декабря 1878 г.) Л.Н.Толстому, - прислала мне вторую часть своего романа, которого я

остался так же доволен, как и первую. Вероятно, он будет напечатан в ж. «Вестник Европы». Мне любопытно знать, что Вы скажете».²

Тургенев дает прочесть рукопись П.В.Анненкову, об отзывах и замечаниях, сделанных им, он сообщает писательнице. Под редакцией И.С.Тургенева и под названием, им предложенным, «Варенька Ульмина» этот роман был опубликован в №№ 11 и 12 журнала «Вестник Европы» за 1879 г. Роман был посвящен И.С.Тургеневу.

В 1881 г. Тургенев всячески опекает заболевшую туберкулезом писательницу: рекомендует, где остановиться на отдых и лечение во Франции, пересылает ей письма и ее личные вещи, которые приходят на его имя в Париж от матери Стечкиной, оказывает ей денежную помощь. Заботливость его доходит до такой степени, что, оберегая ее от простуды, Тургенев лично прибавляет ковер на дверь комнаты, где она жила в Париже.

Переписка между Тургеневым и Стечкиной велась с марта 1878 г. до смерти Тургенева. Известно 55 писем И.С.Тургенева к Л.Я.Стечкиной (1879-1883) и 4 письма Стечкиной Тургеневу (1879-1882), которые опубликованы в издании: Тургеневский сборник, выпуск III, Л., «Наука», 1967 г.

Ладыженская Варвара Васильевна, в замужестве Сомова (1854-1936) в 1880-е годы жила в имении родителей в с. Образцово Чернского уезда Тульской губернии в 30 км от Спасского-Лутовинова. Впоследствии жила в Орле. Ее муж, В.Ф.Сомов, был в дальнем родстве с Тургеневым.

Ладыженская знала лично Л.Н.Толстого, В.М.Гаршина и др. писателей. С Тургеневым познакомилась, по ее воспоминаниям, 11(23) или 12(24) июня 1880 г. в Спасском-Лутовинове. Об этом пишет в своих воспоминаниях и С.Г.Щепкина.³

Ладыженская представила на суд Тургенева свой первый рассказ «Неладовы». Рассказ и его автор произвели на Тургенева самое благоприятное впечатление. 16(28) июня 1880 г. Тургенев восторженно пишет о ней Л.Н.Толстому: «... у нее замечательный талант... уж очень мало она походит на обыкновенное литературное посестрие. Здоровья железного, кровь с молоком, сама управляет имением, весела, проста, умна – даже очень умна... Бой-девка, славная».⁴

При содействии Тургенева рассказ Ладыженской, который он назвал «По разным дорогам», с криптонимом в конце его «В.Л.» опубликован в том же 1880 г. в № 8 журнала «Слово».

Внимание Тургенева к ее литературным опытам окрылило Ладыженскую, которая с 1880 г. находилась в переписке с Тургеневым и посылала ему рукописи своих новых повестей («Сфинкс» и др.) Были ли опубликованы эти произведения – неизвестно.

Между 29 и 31 июля (ст. ст) 1881 г., как вспоминает Я.П.Полонский, Ладыженская снова гостила в Спасском-Лутовинове.⁵

По свидетельству неизвестного лица в письме к В.П.Гаевскому от 18 января 1884 г. (ГПБ, архив В.П. Гаевского, № 339), у Ладыженской находилось около 40 писем Тургенева. Известно одно письмо Тургенева к

Ладыженской от 20 августа (1 сентября) 1880 г. Автограф его хранится в Государственном литературном музее И.С.Тургенева в Орле, так же как и воспоминания Ладыженской о Тургеневе, записанные под ее диктовку научным сотрудником музея Е.А.Ермак 30 мая 1936 г.⁶

Некоторые другие мемуары из семьи Ладыженских-Сомовых хранятся в фондах Гослитмузея И.С.Тургенева в Орле.

Примечания

1. Н.Ф.Буданова. Воспоминания Е.П.Кавелиной о Тургеневе. Тург. Сб., вып. IV, М.-Л., «Наука», 1968.- С. 317.
2. Тургенев И.С. ПСС и П., П. Т. XI, кн. 1.- М.-Л.: «Наука», 1966.-С.413.
3. С.Г.Щепкина. И.С.Тургенев в Спасском-Лутовинове. «Красный архив», 1940, № 3, с. 203.
4. Тургенев И.С. Указ. Соч. Т. XII, кн. 2. С. 277.
5. Я.П.Полонский. «И.С.Тургенев у себя в его последний приезд на родину». «Нива», 1884, № 7, с. 158.
6. Тургеневский сборник. Вып. II. М.-Л.: «Наука». С. 309-316.

А.М.КОКИН

ПРЕКЛОНИТЬ ГОЛОВУ ПЕРЕД БЕССМЕРТНОЙ КРАСОТОЙ

А.Ф.Кони, один из крупнейших юристов конца XIX столетия, талантливый литератор, публицист и автор воспоминаний (в том числе и о И.С.Тургеневе), вспоминает о том, как в один из своих приездов в Петербург Тургенев поделился впечатлением, произведенным на него найденными при пергамских раскопках скульптурами: «Восстановив их в том виде, в каком они должны были существовать, когда рука времени и разрушения их еще не коснулась, он изобразил их нам с таким увлечением, что встал со своего места и в лицах представил каждую скульптуру. Было жалко сознавать, что эта блестящая импровизация пропадает бесследно».¹ Однако М.М.Стасюлевич, издатель журнала «Вестник Европы», у которого Кони и встретился с Тургеневым, настоял на том, чтобы Иван Сергеевич немедленно написал статью о пергамском алтаре, что писатель и сделал.

Статья «Пергамские раскопки» была опубликована в апрельском номере (№4) «Вестник Европы» за 1880 год с подзаголовком «Письмо в редакцию».

Статья посвящена выдающемуся скульптурно – архитектурному памятнику эллинистической эпохи – пергамскому алтарю. После смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. колоссальная монархия распалась на несколько областей. К их числу принадлежало и пергамское царство (283 – 133 г.г. до н.э.), располагавшееся в северо-западной части Малой Азии.

Столица Пергамского царства Пергам (греч. Pérgamos, соврем. Бергама) основана в XII в до н.э. Пергам являлся одним из крупнейших экономических и культурных центров эллинистического мира. Всемирную

известность Пергаму принес его алтарь, Большой алтарь Зевса (180 г. до н.э.). Алтарь был вынесен за пределы храмов и превращен в самостоятельное архитектурное сооружение. Внутри алтарь был украшен рельефами. Снаружи его ограду опоясывал грандиозный фриз с изображением мифологической битвы олимпийских богов с их соперниками – гигантами за верховную власть (гигантомахия). «Все божества поднимаются на этот страшный и последний бой. Сцена исполнена огромного напряжения и не знает себе равных в античном искусстве».³

Рельефы пергамского алтаря были обнаружены в 1878 году немецким инженером, строившим по поручению турецкого правительства дороги и мосты в Малой Азии, - Карлом Гуман(н)ом (Humann, 1839-1896), который являлся и директором прусского музея в Смирне.⁴ Они были перевезены в Берлин, где алтарь был реконструирован и помещен в Пергамон – музей, отдел Государственных музеев в Берлине. Мраморный алтарь имеет форму близкого к квадрату прямоугольного помоста (каждая сторона больше 30 метров, высота - более 9 метров). На монументальном фризе (длиною около 120 метров) сохранилось до пятидесяти фигур богов и столько же гигантов. В римскую эпоху этот алтарь причислялся к одному из семи чудес света.⁵

Сотрудник Эрмитажа Олег Неверов в статье «Тургенев и античное искусство», опубликованной в Бюллетене «Ассоциации друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран» (№19, Париж, 1995), подробно описывает историю создания тургеневской статьи и отклики на нее в России. В феврале 1880 года И.С.Тургенев посещает в Берлине экспозицию, где впервые были представлены результаты сенсационных раскопок, осуществленных на территории античного Пергама. Эта блестящая, но малоизвестная в искусстве эпохи эллинизма страница чрезвычайно поразила Тургенева, и он написал произведение - единственное такого рода в его творчестве.

Недавно обнаруженные (о чем сообщает О.Неверов в своей статье) письма Ивана Сергеевича к Полине Виардо и ее дочери Клоди свидетельствуют о том, что ни исполненное энтузиазма описание пергамских раскопок в кругу друзей (см. выше, стр. 1 настоящей статьи - А.К.), ни статьи в «Вестнике Европы» не были первой реакцией писателя на то, что он увидел в берлинском музее. Первая реакция – письмо к Полине Виардо, которое доказывает степень обдуманности того, что петербургские друзья Тургенева приняли за чистую импровизацию. В письме (7 февраля 1880 г.) Тургенев пишет о том, что собственными глазами видел бессмертные, божественные, несравненные фрагменты колоссальных горельефов из Пергама, изображающих битву богов и гигантов, что счастлив, что не умер, не увидев эти шедевры. Восторгаясь исполненными смелости, величия, блеска и торжествующего великолепия горельефами, писатель обстоятельно и вдохновенно характеризует фигуры богов. Подписывается: «Ваш И.Тургенев, эллиноман».

18 февраля, уже будучи в Петербурге, Тургенев столь же восторженно отзывается об алтаре в письме Клоди, к которому прилагается собственный рисунок.⁶

В статье «Пергамские раскопки»⁷ И.С.Тургенев сообщает, каким образом содержимое пергамских раскопок оказалось в Пруссии и как оно выглядит. Горельефы (фриз громадного алтаря, посвященного Зевсу⁸) были «найлены на довольно незначительной глубине и, хотя разбиты на части (всех отдельных кусков собрано более 9000, правда, иные куски аршина полтора в квадрате и более), но главные фигуры и даже группы сохранены»,⁹ «... и публика, которой позволяется раз в неделю осматривать их с высоты небольших подмостков, окружающих лежащие мраморы, может уже теперь составить себе понятие о том, какое поразительное зрелище представляют эти горельефы, когда, сплоченные и воздвигнутые вертикально в особенно для них устроенном здании, они предстанут перед удивленными взорами нынешних поколений во всей своей двухтысячелетней, скажем более - в своей бессмертной красоте (разр. моя - А.К.)».¹⁰

Тургенев описывает фигуры богов, прежде всего Зевса, называет их воплощением света, красоты и разума и делает вывод: «... нашему брату - эпигону только остается преклонить голову (разр. моя - А.К.) и учиться...; эта «Битва богов», действительно, откровение, и когда... воздвигнется перед нами этот «алтарь», все художники, все истинные любители красоты должны будут ходить к нему на поклонение».¹¹

Автор статьи категорически не согласен с искусствоведами, которые, говоря о родосской школе ваяния, даже о пергамской школе, «тут же замечали, что все эти произведения уже носят некоторый оттенок упадка, доходящего, например, в фарнезском Быке до рококо, толковали о границах живописи и ваянии и о нарушении этих границ».¹² Тургенев был уверен, что не может быть и речи «об упадке перед лицом этой «Битвы богов с гигантами», которая по времени своего происхождения относится к лучшей эпохе греческой культуры».¹³ Он находил в этом произведении как признаки реализма («реализм некоторых подробностей изумителен»), так и признаки романтизма («в смысле свободы - телодвижения, поз, самого сюжета»¹⁴), и подчеркивал, что «вся эта бурная свобода романтизма... проникнута высоким порядком и ясным строем высокохудожественной, идеальной мысли».¹⁵

Художественный критик В.В.Стасов в своих воспоминаниях о Тургеневе указывает, что их взгляды на искусство «были совершенно противоположны».¹⁶ Поэтому нет ничего удивительного, что Стасов подверг критике и некоторые существенные положения тургеневской статьи. В противовес писателю он настаивал на том, что «пергамские скульптуры - это есть только рококо греческого искусства», и утверждал, что «Тургеневу это не было известно, и он только понапрасну усердствовал, наивно воображая, что эти мраморы самая что ни на есть высота и глубина греческого искусства» («Северные вести», 1888, №10, с. 161).¹⁷

В.П.Буренин отметил, что описание Тургеневым пергамских раскопок «не вполне удовлетворяет читателя», ибо «описывать художественные произведения, конечно, чрезвычайно трудно, почти невозможно». («Новороссийский телеграф», 1880, № 1555, 3 (15) мая).¹⁸

По свидетельству Д.П.Маковицкого, Л.Н.Толстой так отзывался об увлечении Тургенева пергамскими барельефами, о чем упоминалось в прочитанных Толстым воспоминаниях Л.Фридендера (они были помещены в статье «Малоизвестные воспоминания об И.С.Тургеневе» - «Иллюстрированное приложение к «Новому времени», 1906, №10735, 1 февраля): «Он (Тургенев) мне показывал их. Я старался вникнуть, но ничего не понял». / Лит. насл., т. 90, кн. 2, с. 39-40/.¹⁹

В отличие от предыдущих один из самых пронизательных отзывов о статье И.С.Тургенева принадлежит П.В.Анненкову, «почувствовавшему в небольшом очерке глубокие философско – эстетические раздумья Тургенева о природе античного искусства, о вечности и власти над сознанием человека искусства, красоты.» Две странички «Пергамских раскопок» принадлежат... к изящнейшим горельефам русской литературы. Статьека так и просится в образцы стиля, чувства, красоты мысли и выражения» - так писал он Стасюлевичу 4 (16) апреля 1880 г. (Стасюлевич, т.3, с.383).²⁰

Необходимо отметить, что именно Тургенев умел смотреть вперед, ибо в настоящее время алтарь Зевса оценивают как величайшее, всемирно известное произведение искусства. Когда читаешь статьи в немецких газетах и журналах разных лет, поражаешься обилию эпитетов, полностью подтверждающих правоту и дальновидность русского писателя: впечатляющий, могущественный, прославленный на весь мир, самое значительное произведение античного искусства, ценный монументальный алтарь и многих других.

Схема города Пергама с алтарем помещена в томе 19 БСЭ,²¹ схема главного яруса Пергамского музея в Берлине - в уже упоминавшемся путеводителе Бедекера,²² в котором читатель находит и следующие слова: «Внимания заслуживает прежде всего реконструированный Пергамский алтарь». ²³ В одной из немецких газет мы обнаруживаем совет для посещающих Берлин: «Обязательно осмотрите Пергамский музей с импозантным Пергамским алтарем».

В отличие от критиковавших опубликованную в «Вестнике Европы» статью И.С.Тургенева автор раздела «Великое наследие Тургенева» в сборнике «И.С.Тургенев. Материалы и исследования» Н.К.Пиксанов подчеркивает значение работы великого русского писателя: «Тургенев на высшем уровне европейской культуры. С одинаковой компетентностью он высказывался и о пергамских раскопках (разр. моя – А.К.) и о тегевском «Фаусте» и о франко-прусской войне».²⁴

Примечания

1. Кони А.Ф. И.С.Тургенев // И.С.Тургенев в воспоминаниях современников /в двух томах/, т. II.-М.: Художественная литература, 1969.-С. 125-126.
2. Энциклопедия для детей. Т. 7. Искусство, ч. 1. 2-е изд., испр. – М.: Аванта, 1998.-С.130-31. Сведения о Пергаме можно найти уже в Малом энциклопедическом словаре, т. III, с.664 (Издатели: Брокгауз, Лейпциг / Ефронъ, С.-Петербург. – С.Петербург, 1902). Правда, о Пергамском алтаре здесь не сообщается, но помечено: «Пергамские правители... очень заботились об украшении своей столицы».
3. В статье И.С.Тургенев называет К.Гумана германским консулом в Смирне – см. Примечания к его статье «Пергамские раскопки» (И.С.Тургенев. Соч., т.Х, М.: Наука, 1982. – с. 577).
4. Ботвинник М.Н., Коган Б.М., Рабинович М.Б., Селецкий Б.П. Мифологический словарь /Книга для учителя/. Изд-ие 4-е, испр. и перераб.-М.: Просвещение, 1985.-С.47.
5. Cahiers Ivan Tourguéniev – Pauline Viardot – Maria Malidran. Tourguéniev et l’art. – Hommage à Anatole France et Friedrich Nietzsche / Association des amis d’Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malidran.№19, Paris, 1995, p. 3-15 (в переводе Л.А.Балыковой).
6. Тургенев И.С. Пергамские раскопки (Письмо в редакцию). Соч., т. X.-М.: Наука, 1982.-С. 326-330. В 1932 году статья была опубликована в Германии: «Zeitschrift für slawische Philologie», Bd. IX.
7. И.С.Тургенев в статье добавляет: «... И Палладе», однако в Примечаниях к статье указывает: «Пергамский алтарь был посвящен одному Зевсу. Кроме него, в Пергаме было и святилище, посвященное Афине Палладе». (Соч., т. X, с.577).
8. Тургенев И.С. Соч., т. X, с. 326 – 327. Из изданного через двадцать лет после выхода статьи Тургенева путеводителя Бедекера следует, что к началу XX века горельефы алтаря Зевса еще не были полностью восстановлены /Berlin und Umgebungen. Handbuch für Reisende von K. Baedeker. 11. Auflage. Leipzig, Verlag von K. BAEDEKER, 1900. – S.94/.
9. Тургенев И.С. Соч., т. X, с. 327.
10. Там же, с. 330.
11. Там же, с. 329.
12. Там же, с. 329.
13. Там же, с. 329.
14. Там же, с. 329-330.
15. Стасов В.В. Из воспоминаний об И.С.Тургеневе // И.С.Тургенев в воспоминаниях современников /в двух томах/, т. II, с. 98.
16. Тургенев И.С. Соч., т. X, с. 576.
17. Там же, с. 576.
18. Там же, с. 576.
19. Там же, с. 576.
20. Большая Советская Энциклопедия, т. 19. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1975.- С. 367.
21. Baedekers Allianz – Reiseführer «Deutschland», 2. Auflage, Stuttgart, 1992, s. 136.
22. Там же, с. 137.
23. Пиксанов Н.К. Великое наследие Тургенева // И.С.Тургенев. Материалы и исследования. Сб-к под ред. проф. Н.Л.Бродского. Орел, 1940, с. 70.

III

*Из коллекции
музея Тургенева*

**«ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ВИВЛИОФИКА» В МЕМОРИАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ И.С.ТУРГЕНЕВА**

В историческом разделе мемориальной библиотеки И.С.Тургенева внимание привлекает двадцатитомное издание, выпущенное известным просветителем 18-го века Николаем Новиковым – «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российских касающихся; <...> издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. Ч. 1-20. М., тип. Комп. типографич., 1788-1791». Для издания были использованы рукописи из Московского патриаршего и Киевопечорского книгохранилищ, из Московского архива Коллегии иностранных дел, из личных библиотек служивших в этом архиве Г.Ф.Миллера, Н.И.Бантыша-Каменского, а также из библиотек историка М.М.Щербатова, Екатерины II и других.¹

В первом и втором академических изданиях сочинений и писем И.С.Тургенева ошибочно указывается, что в мемориальной библиотеке «в настоящее время сохранились только две части этого издания (XI и XX)».² На самом деле в библиотеке находятся части I-XIV, XVI-XX.

Л.Р.Ланской предполагает, что это издание входило в состав библиотеки В.Г.Белинского, купленной Тургеньевым у вдовы критика в 1854 году.³ Однако это предположение никак не обосновано. Возможно, что это издание представляет часть неплюевского наследства, полученного И.И. и В.П.Лутовиновыми. В XII-й части издания в списке «подписавшихся на первые XII частей Древней российской вивлиофики», значится: «<...> В Орле. Его превосходительство Семен Александрович Неплюев». («Вивлиофика», ч. XII, с. 7).

О раннем знакомстве Тургенева с «Вивлиофикой» свидетельствует написанная в 1842 году статья «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», где он ссылается на это издание: «Нельзя не заметить, как много пресекалось княжеских фамилий. Из двадцати князей различных родов, которых мы находим в «поезде» князя Холмского, на свадьбе его с дочерью Иоанна III-го в 1500 году, ни один не оставил потомства, дошедшего до наших дней. (См. Древ. Вив<ли>офика, т. XIII.)» (1, 421).

С университетских лет Тургенева интересовали генеалогия, история, в частности, и история собственного рода. Будучи студентом петербургского университета, на чистом листе тетради с лекциями по метафизике он набросал часть своей родословной:

«Семен Осипович Тургеньев – стольник.

Роман Семенович – бригадир.

Алексей Романович – действительный статский советник.

Николай Алексеевич – прапорщик в отставке.

Сергей Николаевич – полковник.

Иван Сергеевич – кандидат.⁴

Надо думать, что и в «Вивлиофике» его прежде всего интересовали материалы на эту тему.

Так, в I-ой части «Вивлиофики» обратить на себя его внимание могли договорные грамоты, составленные во время правления Великого князя Василия Васильевича Темного, в княжение которого выехал из Золотой Орды основатель рода Тургеневых Лев Турген, а также «Грамота Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича о даче Боярам, Окольничим и детям Боярским поместья и отчин 1550 году», где упоминается Петр Дмитриевич Тургенев – праправнук Льва Тургена:

«А в третьей статье детям Боярским поместье в Московском уезде по 100 четвертей <...> Козельск: Петр Дмитриев сын Тургенева» («Вивлиофика», ч. VIII, с. 17). Или «Розряды в 1559, 1563 годах», где упоминается тот же предок писателя: «1559 году. Да писал к Государю из Рыльска князь Василий Елецкий что приходили, на рыльские места Крымские люди. <...> А с князем Василием Елецким был в Рыльске в осаде Петр Дмитриев сын Тургенев». («Вивлиофика», ч. XIII, с. 304, 309).

«1563 году. Того же лета роспись от поля, и были воеводы по Украйным городам. На Деделове воевода Князь Иван Юрьевич Голицын да Петр Дмитриев сын Тургенев. <...> А как сойдутся воеводы Деделовские и Михайловские и Пронские, и тогда быти по полкам. В Большом полку Боярин Князь Петр Михайлович Щенятев <...> Да с Боярином же с Князем Петром Михайловичем головы с людьми, Григорий Степанов сын Сидоров, Петр Дмитриев сын Тургенев. А сентября во второй день Царь и Великий Князь велел по Украйным городам перемену учинити <...> На Деделове Князю Ивану Голицыну до Петру Тургеневу» («Вивлиофика», ч. XIII, с. 338, 340, 341).

Как свидетельствует «Вивлиофика», на Украине же спустя полтора столетия подвизался прапрадед писателя Роман Семенович Тургенев:

«Генеральный суд, учрежденный в 1728 году, присудственное место в Малороссии <...>

Генеральные судьи были следующие, Малороссийские: <...>, Великороссийские: <...> Полковник Роман Тургенев» («Вивлиофика», ч. XX, с. 298, 300, 301).

Тургенева могла заинтересовать «Записка о приезде Грузинского царя 1658 году», в которой упоминается еще один его предок:

«<...> А за Посольским столом сидели Грузинского и Мелитинского Царевича чиновные люди <...> Перед послов пить носили <...> стряпчие: <...> Михайло Денисьев сын Тургенев» («Вивлиофика», ч. VIII, с. 132, 144).

Имя Михаила Денисовича Тургенева мы находим и в «Записках, к сибирской истории служащих, или описании, сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году, и кто имяны, бояр, и окольничих, и стольников, и дворян, и стряпчих на воеводстве бывали»:

«<...> На Таре воевода, на Данилово место Сытина, стольник Михайло Денисов сын Тургенев, 1694 году: и сей воевода на Таре умре; и на Таре до указу велено быть воеводою сыну его, Дмитрию Тургеневу» («Вивлиофика», ч. III, с. 285-286).

В этих же «Записках» можно узнать о конкретных деталях жизни первых сибирских воевод, например, о почти мистической истории, случившейся в конце 16 века с тагильским воеводой Рюмой Языковым:

«В Сибири, прежде зачатия и поставления Верхотурского города сначала первый городок поставлен был вверх реки Тагила, и зван был Верхтагильской городок; а воевода в нем был с Москвы Рюма Языков, и был у того воеводы с собою привезен Казанский кот большой, и всегда его подле себя держал Рюма, и тот кот – спящему ему переяде горло, и до смерти заяде в том городке; и с того места переведены люди, и городок поставлен с того места на Лозве реке, и стоял семь лет; а Тагильский покинут впусте». («Вивлиофика», ч. III, с. 115).

В 1852 году, готовясь приступить к работе над статьей «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии С.А-ва», Тургенев писал И.Ф.Миницкому и Д.Я.Колбасину: «Да пришлите мне привезенный том «Вивлиофи<ки> Новикова». (2, 131). По всей вероятности речь идет опять-таки о III-ей части «Вифлиофики», где публикуется «Книга глаголемая урядник <...>», о которой Тургенев писал в своей статье: «Достойный отец великого сына, один из мудрейших русских царей, Алексей Михайлович, страстно любил охоту. Все слышали об его «Уряднике, или Новом уложении и устройении чина Сокольничия пути» см. «Древнюю вивлиофику» Новикова. Изд. 2-е, часть III, с.430». (4, 515). Тургенев взял из «Урядника» эпитафию к статье – «Делу время и потехе час» и словами же из «Урядника» закончил ее: «Паче же почитайте сию книгу, красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многие вещи добрые и разумные узрите и разумеете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешного добра...»

Интерес Тургенева мог вызвать еще один документ, относящийся ко времени царствования Алексея Михайловича и озаглавленный «Посольство Лихачева во Флоренцию 1659 года», особенно та часть его, которая, возможно, среди прочего побудила Алексея Михайловича к созданию виртуального русского театра в 1672 году. Как мы знаем, Тургенев упомянул об этом событии в своей речи на Международном литературном конгрессе в 1878 году, как о значительном в истории русской культуры.

Итак, цитируем документ:

«О комидиях.

Князь приказал играть: объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху палаты небо, а на облаках сидят люди: и почали облака и с людьми на низ опускаться, подхватя с земли человека под руки, опять вверх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись вверх, за теми на небо. Да спушался с неба же на облаке сед человек в карете, да против его в другой карете прекрасная

девица, а аргамачки под каретами как быть живы, ногами подрягивают, а Князь сказал, что одно солнце, а другое месяц.

А в иной перемене, в палате, объявилось поле, полно костей человеческих, и враны прилетели и начали клевать кости, да море объявилось в палате, а на море корабли небольшие, и люди в них плавают.

А в иной перемене, объявилось человек с 50-и в латах, и почали саблями и шпагами рубиться и из пищалей стреляти, и человека с 3 как будто и убили, и многие молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют; и многие диковинки делали: да вышел малый и почал просить есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить его не могли. А та игра делана до посланников за 8 недель, а стала де она к 8000 ефимков.

А комидий было при нас во Флоренеке три игры разных». («Вивлиофика», ч. IV, с. 350-351).

В июне 1852 года Тургенев писал из спасской ссылки Аксакову, что всю зиму «чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями: прочел Сахарова,⁵ Терещенку,⁶ Снегирева⁷ и всех прочих». (2, 138).

Думается, что среди «прочих» была и «Древняя российская вивлиофика».

Примечания

1. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII. 1725-1800. Т. IV Периодические и продолжающиеся издания. - М.: «Книга», 1966. - С.128
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Письма. Т.2. - М.: «Наука», 1987. - С. 468. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц арабскими цифрами; письма сопровождаются пометой «П».
3. Литературное наследство. Т. 55. Белинский В.Г., с. 455
4. Студенческие записи Тургенева по географии, истории, статистике, законодательству и философии // Тургеневский сб., I, с. 217
5. Сахаров И. Сказанья русского народа.
6. Терещенко А. Быт русского народа.
7. Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды.

С.Д.СИМЕОНОВА

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ АВГУСТА ВИДЕРТА ИЗ ГЕРМАНИИ В ГАЗЕТЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Во время работы над описанием журнальной части мемориальной библиотеки И.С.Тургенева мне пришлось подробно знакомиться и делать анализ содержания газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1855 год.

Первоначально при Петре I эта газета называлась «Ведомости» и печаталась в Москве и Петербурге. Понадобилось много лет, чтобы первая русская газета приобрела тип регулярного издания, каковыми стали «Санкт-

Петербургские ведомости» в 1728 году. Первым редактором и составителем обновленной газеты был Г.Ф.Миллер (1705-1783). Газета издавалась 2 раза в неделю, за год собиралось 104-105 номеров. С нею связан важный этап в жизни М.В.Ломоносова, который с 1748 года редактировал переводы из иностранных изданий. Он ушел в отставку с поста фактического редактора в 1751 году.¹

В 1855 году редактором газеты был А.Очкин – помощник издателя А.Краевского. В номере от 5 января 1855 года мое внимание привлекла рубрика «Вести из Германии», подписанная буквой «В». Давалась информация о театральных постановках в Берлине, написана она была прекрасным литературным языком. Далее шла статья того же корреспондента от 11 января 1855 года. С особенным знанием предмета говорилось о переводах А.С.Пушкина на немецкий язык (переводчик – Ф.Боденштедт):

«Перевести всего Пушкина на другой язык, - писал пока еще анонимный автор, - по-нашему мнению, есть задача целой жизни. Переводчик по-настоящему тогда только должен приниматься за дело, когда и он, как поэт, одушевлен вдохновением. /.../ 5 января корреспондент ваш имел удовольствие в третий раз публично читать берлинцам «Ревизора» в своем переводе /.../»

Последние слова натолкнули меня на догадку, что данная информация, написанная с пафосом знатока русской литературы, принадлежала знакомому И.С.Тургенева переводчику А.Ф.Видерту. Именно он читал немецкой публике произведения Н.В.Гоголя, А.В.Кольцова и И.С.Тургенева в середине 50-х г.г. Жизнь его была насыщена интересными событиями: встречи с немецкими литераторами, публичные чтения, работа над переводом «Записок охотника» Тургенева. «География» его перемещений чрезвычайно разнообразна: Берлин, Страсбург, Карлсбад и другие города. Велика была роль корреспондентов-«путешественников». Об этом неоднократно писали и А.Герцен, и И.Тургенев, и В.Боткин.

В статьях пока еще неизвестного автора преобладали политические темы, сообщения о новых оперных постановках. К примеру, в номере от 25 января 1855 года он с восторгом говорит о двух великих певицах: П.Виардо и М.Малибран, - с горечью о певцах-дилетантах.

И вновь под статьей стоит одна буква «В». Однако, информацию от 10 февраля 1855 г. он подписывает уже полным своим именем – А. фон Видерт.

Подтвердилась наша догадка о том, что те корреспонденции принадлежали перу первого переводчика И.С.Тургенева на немецкий язык А.Видерта, который способствовал формированию настоящей школы переводчиков середины 50-х г.г. XIX века, работая с известным издателем П.Шиндлером и своим собратом по перу А.Большцем.

Благодаря ему русская читающая публика узнавала политические новости, он открывал для нее странички литературной, музыкальной и театральной жизни Германии, рассказывая о концертах Н.Рубинштейна и Ф.Листа, постановках опер Д.Мейербера, о юбилеях великих людей, о новых

публикациях, к примеру, собрания сочинений Фридриха Великого, о переводах Пушкина и Лермонтова на немецкий язык. Не пренебрегал он и анекдотами, что было вполне в духе того времени.

И.С.Тургенев, конечно, был одним из читателей этой газеты. 1855 г. писатель провел в России, причем с апреля того же года и до осени жил в Спасском, работая над повестями и романом «Рудин». Именно эта газета напечатала положительные отзывы о произведениях И.С.Тургенева «Яков Пасынков» и «Постоялый двор» (Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева. С-Пет-г, «Наука, 1995 г., т. I, с.с. 289, 312).

В это же время велась оживленная переписка Тургенева с Видертом, вызванная интересом писателя к немецкому переводу «Записок охотника» и рецензиям на него. Взаимодействуя на литературном поприще, Тургенев и Видерт выступали проводниками русской литературы на Западе и немецкой литературы в России; одним из доказательств того и являются «Вести из Германии» Августа фон Видерта.

Примечания

1. История русской журналистики XVIII-XIX веков. М., «Высшая школа», 1973 г.

Л.А.БАЛЫКОВА

ЖИВЫЕ ВОСПОМИНИЯ

Открытие 18 сентября 2000 года в Государственном литературном музее И.С.Тургенева выставки под таким названием имело целью обратить внимание читателей наследия писателя на тему, которая еще полтора десятка лет вряд ли была бы возможна для обсуждения: «Тургенев и христианская культура». Можно сказать, все творчество писателя проникнуто христианской проблематикой – от юношеской драмы «Стено» до завещательных «Стихотворений в прозе». Авторам хотелось представить эту сторону творческой биографии писателя от истоков, от детских лет в родительском доме, семейных преданий, чтений, историй, поразивших писателя и позже воплощенных в его произведениях. В творчестве Тургенева нашел отражение спор различных интеллектуальных течений 19 века с православными истинами, впитанными с молоком няньки и укорененными в жизни патриархального дворянского дома.

У Тургеневых соблюдались православные обычаи: домочадцы жили по церковному календарю, говели, ходили к исповеди, причащались. Мать писателя мечтала отправиться в паломничество по святым местам: то к воронежскому Митрофанию, то в Коренную пустынь; она даже писала сыну о желании уйти в монастырь. Сам Тургенев любил бывать в русском храме, испытывал особое чувство радости во время пасхальных торжеств: «Сегодня Светлое воскресенье – и я был у Всенощной, - писал он В.П.Боткину 24 апреля 1859 года из Спасского, - дьячки пели на редкость: Христос

воскресе – в церкви пахло тулупами и свечной копотью, вокруг церкви трещали бураки и шутихи доморощенной «леминации», плечи мои ныли от тяжелой шубы – но на душе вместе с воспоминаниями детства проходило что-то хорошее и глубоко грустное».¹ Подобные страницы мы встречаем у Тургенева не однажды.

Выставку открывает редкое издание из дома писателя: старинная Библия в кожаном переплете на французском языке (Брюссель, 1722) с владельческой надписью и пометами И.И.Лутовинова, двоюродного деда Тургенева. Это наиболее раннее издание из мемориальной библиотеки Ивана Сергеевича.

Устроителям выставки удалось отыскать французское издание (правда, более позднее) «Подражания Иисусу Христу» Фомы Кемпийского, популярнейшего в свое время сочинения, любимое чтение В.П.Тургеневой. Среди книг мемориальной библиотеки писателя можно видеть подборку «Литературной газеты» за 1840 год; в апрельском номере опубликовано стихотворение «Христос воскресе!», подписанное инициалом «Л.» Не претендуя на окончательное разрешение вопроса об авторстве стихотворения, хотелось бы все-таки указать на «тургеньевскую» постановку проблемы: герою не дано испытать полноты пасхального торжества из-за отсутствия глубокой веры:

Но за порог таинственного храма
 Без теплой веры в сердце не входи
 И не сжигай святого фимиама,
 Когда нет жертвы в пламенной груди.
 (Соч.-2, 12, 553-555).

Небольшое дорожное зеркало в деревянной оправе с инкрустацией поведало посетителям выставки об отношениях Тургенева со священниками спасской церкви, в частности, с семьей Преображенских. Как гласит спасское предание, Мария Борисовна Преображенская (дочь о. Бориса, в замужестве Аракина), получила его в подарок к свадьбе от самой В.П.Тургеневой. Сохранилось и другое предание, будто прежде зеркальце брал с собою в дорогу И.С.Тургенев. Известный биограф И.Ф.Рында упоминает о спасском священнике о. Борисе, который якобы рассказал писателю историю своего племянника, одержимого бесами.² История эта, по словам Рынды, легла в основу «Рассказа отца Алексея», выразившего важную для Тургенева мысль о трагедии раздвоенного между верой и безверием сознания. Можно предположить, что отец М.Б.Преображенской-Аракиной и был тем священником, что рассказал историю одержимого бесом юноши. Публикация «Рассказа отца Алексея» в 1-м посмертном издании сочинений Тургенева представлена на выставке рядом с зеркальцем Преображенских – оно было передано в дар музею М.Н.Поликарповой, правнучкой Марии Борисовны и дочерью знаменитого авиаконструктора.

Ряд вещей из орловского Дома Лобановых напомнили посетителям выставки о другой истории, хорошо известной в семье Тургеневых, истории, связанной с юношеским увлечением писателя крепостной девушкой Евпраксией - родственницей управляющего спасской конторой Л.И.Лобанова. В семье Лобановых говорили, будто писатель помог купить дом в Орле своим бывшим крепостным (этот дом сохранился на углу улиц Пушкинской и Старомосковской) и навещал их в свои последние приезды на родину.³ В этом доме, по некоторым сведениям, и умерла в 1888 году Евпраксия Ивановна, долгие годы лежавшая без движения. Ее история, по свидетельству самого писателя, была положена в основу рассказа «Живые мощи», где Евпраксия выведена под именем Лукерьи. В этом произведении впервые в творчестве Тургенева появляется образ Спасителя. Бережно, словно создавая икону, автор выписывает и черты главной героини. Поэт и мистик Д.Андреев писал в книге «Роза мира»: «... женских образов этого плана и этого уровня Россия до сих пор создала лишь два: деву Февронию и Лукерью».⁴ Рукоделие из Дома Лобановых, переданное в дар музею их потомками, отражает неповторимую атмосферу, окружавшую Евпраксию, послужившую писателю прообразом героини «Живых мощей».

В творчестве Тургенева, в его письмах и воспоминаниях современников есть немало страниц, связанных с посещением храмов. Эти события нашли отражение в материалах выставки: здесь были представлены литографированные изображения Московского Кремля (Тургенев описал его таким, каким увидел в Пасхальную ночь 1880 года⁵); церковь Живоначальной Св. Троицы в с. Льгов Хотынецкого района (упомянута в рассказе «Льгов» из «Записок охотника») была представлена живописным полотном орловского художника А.Л.Мазина; тему завершил образ Св. Николая Чудотворца из этой церкви. На выставке можно было видеть изображение не существующего ныне орловского Борисоглебского собора, в котором крестили будущего писателя в ноябре 1818 года, и виды отреставрированной Спасской церкви. Впервые экспонировалась церковная книга Введенского храма села Тургенева, родового гнезда С.Н.Тургенева, отца писателя, имени, унаследованного Н.С.Тургеневым. Бывал здесь и посещал этот храм и И.С.Тургенев. Считают, что это наиболее значительное культовое сооружение в Тульской губернии. Расписывал храм художник Мясоедов. Фотодокументы, связанные с жизнью последнего протоиерея Введенской церкви о. Иоанна Говорова были любезно предоставлены на выставку его внучкой С.А.Тишиной. Наконец, несколько современных фотографий русской церкви Св. Александра Невского в Париже напомнили посетителю о том, что под ее сводами отпевали тело И.С.Тургенева в сентябре 1883 года, перед последним его путешествием на родину.

Панорама старого Орла (работа фотохудожника О.Н.Попова) позволила гостям музея погрузиться в мир провинциального русского города, где родился и не раз бывал писатель. В губернском городе «О» происходит действие многих его произведений, среди прочих – повесть «Странная история» (прижизненное ее издание представлено в витрине). В основе

повествования – истинное событие, происшедшее некогда в Орле, а именно: история дочери управляющего Орловской зеркальной фабрики; девушка покинула свою семью для того, чтобы последовать за юродивым Василием. По мнению краеведа Л.В.Ивановой, во второй части повести Тургенев описал известную в Орле гостиницу Иордан, где писатель останавливался в свою бытность в Орле. Автор не изменил имени главного героя – Василий; имя главной героини рассказа символично, София означает «Премудрость Божия». «Говорящие» имена позволяют толковать поступок героини так: безумие в глазах света, в народном сознании есть мудрость «не от мира сего». История, рассказанная Тургеневым, как будто повторяется в 20 веке в судьбе сотрудницы музея И.С.Тургенева А.В.Дмитриевской, взявшей на себя заботу о блаженном провидце Афанасии Андреевиче Сайко и претерпевшей вместе с ним все тяготы скитаний и гонений. На выставке редкое изображение: Ангелина Васильевна и Афанасий Андреевич сфотографированы вместе – они как будто парят над землей.

Сохранилась в памяти земляков Тургенева еще одна удивительная история – юной орловской дворянки, ушедшей в монастырь вследствие несчастной любви. По свидетельству старожилов, эта история легла в основу романа «Дворянское гнездо». В Орловском Введенском монастыре и теперь чтят память схимонахини Макарии (в миру Евдокии Семеновны Коротневой), чьи черты, считают орловцы, увековечены на страницах тургеневского романа. Эта тема представлена орловскими церковными реликвиями: старинными служебными книгами, редкой копией чудотворной иконы Балькинской Божией матери (оригинал (?) находится ныне во Введенском девичьем монастыре Орла).

Костюм орловчанки второй половины 19 века позволяет воображению «увидеть» тургеневскую девушку минувшей эпохи. Живописное полотно А.Л.Мазина запечатлело «дом Лизы Калитиной» в Орле – старинный особняк на берегу реки Орлик, где по преданию жила героиня. Скульптурное изображение Лизы (автор – известный орловский скульптор Л.М.Бугай) предстало как образ идеальной одухотворенной женственности в окружении сцен из жизни Богородицы (художник Н.И.Троицкий) и образа Скорбящей Божией матери (витраж, дар музею В.И.Карева). Фотографии бывавшей во Введенском монастыре Орла Великой княгини Елизаветы Федоровны, чья трагическая судьба в 20 веке как будто продолжает подвиг Лизы Калитиной, завершает выставку.

Пожалуй, следует еще упомянуть о нескольких фотографиях, запечатлевших номинальные службы по Тургеневу в наши дни. Уже более десяти лет ежегодно они открывают утром 3 сентября Тургеневскую осель в Орле. Они происходят в церкви Иоанна Предтечи и каждый раз начинаются словом о великом русском писателе. Да будет так, пока звучит русская речь!

Примечания

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т.4.-М.: «Наука», 1987. С. 38. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с пометой: Соч. –2 или П.-2, с указанием тома и страницы арабской цифрой.
2. Рьнда И.Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. –СПб.: Тип. А.С.Суворова, 1903. – С. 30.
3. Понятовский А.И. Тургенев и семья Лобановых // Т. сб. Вып. 1. М., «Наука». С. 270-276.
4. Андреев Д. Роза Мира.-М.: «Россика», 1991. –С.193.
5. Ivan Tourguéniev. Nouvelle correspondance inédite. T.1. 1971, p. 297.

Каталог выставки «Живые воспоминания»

На стене:

1. Христос, несущий крест. Копия с работы неизвестного художника XVIII в. Х., м.
2. С. Иванов – Райков. И.С.Тургенев. 1913 г., Х., м.

Витрина I

3. «Христос». Стихотворение в прозе И.С.Тургенева. Факсимиле рукописи.
4. Библия (на франц. яз.). Брюссель, 1722. Книга из мемориальной библиотеки И.С.Тургенева с автографом его двоюродного деда И.И.Лутовинова.
5. «Литературная газета». 1840, апрель, № 13. Из мемориальной библиотеки И.С.Тургенева с публикацией стихотворения «Христос воскрес!».
6. Медальон с изображением Христа с детьми; по преданию подарен И.С.Тургеневым дочери священника И.В.Тополева (ок. 1874 г.). Фарфор.

На стене:

7. Б.В.Щербаков. Спасское-Лутовиново. Пруд Савиной. 1963 г. Х., м.

Шкаф-витрина I

8. И.С.Тургенев. Полн. собр. соч. Т.VIII. Изд. 2-е. (СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1884) с публикацией «Рассказа отца Алексея».
9. И.С.Тургенев. Полн. собр. соч. Т. II. (СПб., 1883) с публикацией рассказа «Живые моши».
10. Фома Кемпийский. Подражание Иисусу Христу (на франц. яз) 1877. Сочинение из круга чтения В.П.Тургеневой.

11. Зеркало, по преданию подаренное В.П.Тургеневой дочери священника спасской церкви М.Б.Преображенской. (Дар М.Н.Поликарповой музею Тургенева).
12. Образ Николая Чудотворца из церкви Живоначальной Св. Троицы села Льгов Орловской области. 1-ая треть XIX в.
13. Домотканые полотенца с вышивкой из Дома Лобановых в Орле. Конец XIX – начало XX в.
14. Женская блуза с ручной вышивкой из Дома Лобановых в Орле. Конец XIX – начало XX в.
15. Вышитые столовые салфетки из Дома Лобановых в Орле. Конец XIX – начало XX в. Дар А.Н.Петровой музею И.С.Тургенева.
16. Крестильная рубашечка В.Лобанова из Дома Лобановых в Орле. Конец XIX – начало XX в. Дар А.Н.Петровой музею И.С.Тургенева.
17. Миниатюрный бюст Л.Н.Толстого, подаренный В.И.Лобановой орловскими учителями-коллегам 22 ноября 1910 г. Тонированный гипс. Дар А.Н.Петровой музею И.С.Тургенева.

На стене:

18. Москва. Красная площадь. С монографии Ж.Арно. XIX в.
19. А.Л.Мазин. Дом Лобановых в Орле. 1992 г. Бум., авк.
20. Алтарь церкви Спаса Преображения в Спасском-Лутовинове. Фотография Алпатова. Конец XIX в.
21. И.Л.Лобанов (1848? – 1906), бывший дворовый Тургеневых, владелец Дома Лобановых в Орле. Фотография конца XIX в.

Витрина II

22. Журнал министерства народного просвещения (СПб., 1836, № 8) со статьей И.С.Тургенева «Путешествие по святым местам русским».
23. И.С.Тургенев. Соч. Ч.8 (М.: Тип. Грачева и К°, 1871) с публикацией рассказа «Странная история».
24. А.В.Дмитриевская, сотрудница музея И.С.Тургенева, с орловским старцем Афанасием Андреевичем (Сайко). С фотографии 1950-х годов.

На стене:

25. А.Л.Мазин. Церковь Живоначальной Св.Троицы в селе Льгов. 1992 г. Картон, темпера.
26. Колокольня церкви Спаса Преображения в Спасском Лутовинове. Фото В.П.Грищука. 1983 г.
27. А.И.Подтыканый. Всюду жизнь. Начало XX в. Х., м.
28. Кабинет И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Фото В.П.Грищука. 1983 г.
29. Панорама города Орла 1900-х годов. Реконструкция. Фото О.Н.Попова. 2000 г.

Витрина III

30. И.С.Тургенев. Полн. собр. соч. Т. III. Изд. 2-е. (Спб.: Тип. Глазунова, 1884) с публикацией романа «Дворянское гнездо».
31. Могила монахини Орловского Введенского девичьего монастыря М.Н.Лодыженской (урожд. Лутовиновой) на Афанасьевском кладбище в Орле. Фото. 1950-е г.
32. «Дом Калитиных» в Орле. Фото О.Н.Попова. 2000 г.
33. Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова в облачении монахини. Фото 1910-х г.
34. Дом последнего священника Орловского Введенского монастыря о. Серебрянского. Фото О.Н.Попова. Начало 1990-х г.

На стене:

35. Дорога в сосновый лес. Копия с картины Х.П.Платонова. 1900 г. Х., м.
36. А.Л.Мазин. «Дом Калитиных» в Орле. 1991 г. Х., м.
37. Лиза и Лаврецкий в церкви. Иллюстрация Е.И.Плехан к роману И.С.Тургенева «Дворянское гнездо». 1971 г. Акварель.
38. Федор Лаврецкий. Иллюстрация к роману И.С.Тургенева «Дворянское гнездо». 1971 г. Акварель.

Шкаф II

39. Женский костюм конца XIX – начала XX в. Из собрания Т.Е.Сияновой.

Витрина IV

40. Псалтырь и Библия. Конец XVIII – начало XIX в. Из собрания Государственного литературного музея И.С.Тургенева в Орле.
41. Список с иконы Балыкинской Божьей Матери. Орел. XIX в.
42. Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова. Фото с портрета 1918 (?) г.
43. Священник Орловской епархии (неустановленное лицо). Фото начала XX в.
44. Полотенце, украшенное ручной вышивкой, из Дома Лобановых. Конец XIX – начало XX в.

Витрина V

45. Книга Введенского храма села Тургенево Чернского района Тульской области. Конец XIX – начало XX в.
46. Введенская церковь села Тургенева. Фото О.Н.Попова. 1980-е г.г.
47. Семья И.Ф.Полякова, краеведа, директора школы села Тургенева. Фото 1950-х г.
48. Протоирей Введенского храма села Тургенева И.Говоров с сыном Сергеем. Фото 1950-х г.
49. Церковь Живоначальной Св. Троицы в селе Льгов Хотынецкого района Орловской области. Фото о. Серафима Звягина. 2000 г.

50. А.А.Иванов. Сон Иосифа. Литография с акварели начала 1840-х г.

На стене:

51. В.И.Карев. Образ Скорбящей Божьей Матери. Витраж. 1993 г.

52. Н.И.Троицкий. Сретенье Господне. 2000 г. Картон, масло.

53. Н.И.Троицкий. Введение во храм Пресвятой Богородицы. 2000 г. Картон, масло.

54. Л.М.Бугай. Лиза Калитина. 1993 г. Гипс.

На стене:

55. Париж. Церковь Св. Александра Невского, где происходило отпевание И.С.Тургенева. 1880-е г. Фото с литографии Башелье и Адамо.

56. Поминальная служба по И.С.Тургеневу в церкви Иоанна Крестителя в Орле. 1990 г. Фото А.В.Щербакова.

57. Борисоглебский собор в Орле. Фото с рисунка А.Ситникова. 1920-е г.

58. Русская церковь Св. Александра Невского в Париже. Фото 1992 г.

Составитель Е.В.Векуа.

К.А.СЕДОЙКИНА

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ. ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА ТУРГЕНЕВА И ЕЁ СЕМЬЯ

Природа и люди, искусство и литература, история и явления общественной жизни, Россия и вся Европа были той средой, в которой И.С.Тургенев жил и писал. Профессиональные и сословные связи, потребность деятельного соучастия, собственное видение мира раздвигают рамки окружения писателя. Семейные, родственные, дружеские и благотворительные обязанности, воспринятые им как долг бесспорный, создают вокруг Тургенева определенную меру взаимоотношений и приносят добрые плоды – ничто не исчезает бесследно. Известно внимание писателя к людям старшего поколения и к ровесникам различной степени родства¹ – братьям, кузинам, к племянникам. Немало среди них личностей незаурядных и даже талантливых.

В Москве 1880 г. состоялось новое ошеломляющее знакомство. Об этом Тургенев пишет М.Г.Савиной: «... Третьего дня я познакомился разом с 22-мя племянниками и племянницами; существования многих из них я даже не подозревал...» /27 апреля (9 мая) 1880/²

Помощь и покровительство разной степени оказывались всем, кто в них нуждался. И потому естественным было участливое внимание Ивана Сергеевича к семье двоюродного брата и крестника, рано умершего Ивана Петровича. Остались долги³ и жена с ребёнком. В указателе имен к т. 9 Писем⁴ значатся:

Тургенев Иван Петрович (1842-1870), двоюр. брат И.С.Тургенева,

Тургенева Люция Ивановна (ок. 1840-1871), жена И.П.Тургенева,
Тургенева Евгения Ивановна (ок. 1865), дочь И.П. и Л.И. Тургеневых.

Уже с конца 1867 года Иван Сергеевич принимает незамедлительное решение и сообщает о нем управляющему спасско-лутовиновским имением Н.А.Кишинскому: «... С 1 января будущего 1868 года в число моих пансионеров поступает г-жа Люция Тургенева, «живущая на Большой Дмитровке, в доме Солодовникова, в номерах г-жи Житкевич, № 3, в квартире г-жи Лопухиной». Я ей назначаю 120 руб. сер. в год - с выдачей по третям. Первые 30 руб сер. вышлите ей теперь же...» /27 ноября (9 дек) 1867/⁵

Следующее тревожное письмо связано со смертью Люции:

Н.А.Кишинскому от 10(22) окт. 1871. Баден-Баден.

«Любезный Никита Алексеевич, ... если от Л.И.Тургеневой остался ребенок, - то продолжить пенсию на его имя; если же нет – то, выплативши остаток пенсии за нынешний год её матери (матери Люции Ивановны – К.С.), на будущее время прекратить...»⁶ О том же – в письме брату Н.С.Тургеневу, от 17(29) окт. 1871:

«Милый брат, пишу тебе за два дня до моего окончательного выезда из Бадена... в декабре я прибуду в Россию...

P.S. Я узнал, что и жена Ивана Петровича, Люция Тургенева, скончалась. Я ей делал небольшой пенсион – и желал бы знать, остался ли ребенок – или он умер? Полагаю, что ты это можешь узнать от Сергея Петровича»⁷ (брат Ивана Петровича – К.С.).

Ребенок – дочь Ивана Петровича и Люции Ивановны Тургеневых – Евгения – найдена и включена в число пансионеров И.С.Тургенева. Выплату пенсий Тургенев контролирует до конца своих дней.

В середине 1870-х г.г., ввиду денежных затруднений, он вынужден сократить список своих пансионеров, остальным снизить суммы выплат. В числе оставшихся – Евгения.

Н.А.Кишинскому от 14(26) января 1875. Париж: «... Я перешёл границы того, что для меня возможно. И потому я решился на следующее:

- а) г-же Маляревской пенсию вовсе прекратить с 1 окт. 1875 г.
- б) г-же Люции Тургеневой (т.е. её ребенку) вместо 120 выдавать 100 р.
- в) Евпраксии Лобановой вместо 90 – 75 руб. сер. и т.д.

Перемены эти вступят в действие по истечению годичного срока...»⁸
Спустя год, 22 окт. (3 ноября) 1876 списки уточняются.

Н.А.Щепкину из Буживаля:

«... Кстати, сообщаю Вам снова список оставшихся пансионеров: ...
Дочь Люции Тургеневой – 100 руб. сер. ...»⁹

В следующем письме – разъяснение новому управляющему, с указанием нового адреса.

Н.А.Щепкину 26 дек. 1876 (7 янв. 1877). Париж.

«... А теперь я Вас прошу по получении этого письма выслать 100 руб. сер. по следующему адресу: «Москва, на углу Левшинского и Штатного переулков – в собственном доме – его превосходительству Александру

Семеновичу Унковскому» - для передачи г-же Анне Эллам. Эти 100 руб. составляют пенсию, которую я назначил моей двоюродной племяннице Евгении Ивановне Тургеневой (г-жа Эллам – её бабка) и должна быть выплачиваема с 1 апреля каждого года.

Нынешние 100 руб. представляют пенсию с 1 апреля прошлого года, которая не была выплачена по милости... Кишинского».¹⁰

Спустя 2 недели Тургенев справляется: «...Выслали ли Вы деньги на имя г-жи Эллам (для г-жи Евгении Тургеневой?) /Щепкину 13(25) янв. 1877г./».¹¹

В 1968 году в т. 13 Писем впервые опубликовано его следующее письмо к Евгении:

/14(26) июня 1881. Москва. Уд. контора/

«Милая племянница,

Твое письмо пришло вчера вечером, – а я, к сожалению, через час уезжаю сегодня в деревню – и не могу посетить тебя. Я это сделаю по возвращении из деревни – около половины августа.

Мой адрес: Орл. губ., в город Мценск, село Сп.-Лутовиново.

Напиши мне, получаешь ли ты аккуратно свою пенсию; а я здесь оставил своему приятелю Ивану Ильичу Маслову 5 руб. сер., которые он тебе доставит на конфеты.

Учись прилежно, веди себя хорошо – а во мне ты всегда найдешь любящего дядю. Целую тебя.

Иван Тургенев».¹²

Сдержанно-просто, доброжелательно и уважительно отвечает Тургенев 15-летней девочке на её просьбу навестить её в Елисаветинском институте, где она осталась на лето. Можно предположить, что встреча состоялась, хотя документальных подтверждений мы пока не имеем. Есть свидетельства (их приводит Н.М.Чернов),¹³ что Тургенев навестил Евгению – но когда? Девочке доставила радость эта встреча. И как долго она вспоминала её? Может быть, всю жизнь. Ведь были письма, и сохранился семейный альбом с фотографиями И.С.Тургенева. Жена военного, мать шестерых детей, Евгения Ивановна Тургенева, в замужестве Левицкая, вела дневник (немногие страницы уцелели), оставила по себе память доброго, мягкого, одаренного человека. Она передала потомкам скромную гордость за принадлежность к роду Тургенева и, как завешание Ивана Сергеевича, – чистый, свежий русский язык, благородное достоинство и чувство долга.

На основании документов Тульского архива (обнаружено Р.М.Алексиной в 1973) уточняем некоторые сведения, в том числе, дату рождения Евгении Ивановны Тургеневой – «... род. 22 сентября 1866 г.» (лист 197. Свидетельство о рожд.)¹⁴ «Свидетельство о рожд. выдано 14 дек. 1889» /лист 198, д. 2340, ГАТО/

«Из Подольской губ., отст. ген.-майора Василия Онуфриевича Левицкого, 11 дек. 1912 г.

Прошение.

«... Выслать удостоверение в том, что жена моя Евгения Ивановна принадлежит к роду Тургеневых, в том, что Иван Петрович, покойный отец ее, по родословной двоюродный брат покойного Ивана Сергеевича Тургенева, и что таким образом, жена моя, Евгения Ивановна, состоит в родстве двоюродная племянница И.С.Тургенева».

Удостоверение выдано. /ГАГО, д. 2340, л. 252/.

В домашнем архиве Левицких сохранилось свидетельство.

«Свидетельство из Департамента Герольдии Правительствующего Сената, по указу его Императорского Величества, дано дочери Полковника Василия Онуфриевича Левицкого Татьяне, род. 29 сент. 1904 г. в том, что определением Правительств-го Сената 7/VI-1907 г. она признана в потомственном дворянском достоинстве с правом внесения в дворянскую родословную книгу во 2-ю часть оной.

(С-Петербург, июня 14 дня 1907)»¹⁵

При составлении родословной, уточнении дат и званий основой были приведенные документы, дневники Евгении Ивановны Левицкой¹⁶ и письма потомков.¹⁷

/Архив о. Алипия. Киев. Копии – Гослитмузей И.С.Тургенева. в Орле/.

Семья Левицких жила в Виннице. Здесь родились и выросли все дети: за каждым кружком схемы родословной – судьба.

Из дневника Евгении Ивановны:

«Сергей – род. 16 дек. 1892 г. Выдержал экзамен в Киевский кадетский корпус 22 мая 1903 г. – окончил 28 мая 1912 г. Произведен в офицеры 13 июля 1914 г. Ушёл на войну из Могилёва-Подольска. Ранен в бою у дер. Чижки (Австрия) 3 окт. Приехал домой 8 окт. вечером, в среду.

1915, 16 января уехал обратно на войну, контужен 27 апреля 1915 года, вся левая сторона. Приехал домой 4 мая.

9 июня уехал в Киевский госпиталь.

Серезжа женился 16 авг. 1915 г.

Маленькая Наточка родилась 21 июня 1916 г. Первая внучка!

Храни её, Господь, на счастье и утешение Серезжи и Нины.

Серезжа был арестован в особом отделе 14 армии с 3 по 9 авг. (н. ст.), выпущен на поруки до суда.

Серезжа уехал с женой в Женеву 4 июня 1921 года».

Примеч.: О судьбе Сергея потомки не знают ничего. Нина, его жена, во втором браке - Артёменко (муж Артёменко Леонид Федорович).

Нагалья, его дочь, первая внучка Евгении Ивановны, по фамилии и отчеству отчима (Леонидовна), окончила Одесский кредитно-экономический институт в 1938 году. С 1993 года – в Нью-Йорке, в эмиграции, со старшим сыном.

Её сыновья – правнуки Евгении Ивановны:

Юрий Давыдович Беспрозванный (1937 г.) род. в Виннице, вдовец, имеет двух сыновей: Игорь Юрьевич, род. 1966 г. в Красноярске, там живет,

был десантником, воевал в Чечне по командировке из Красноярска. Окончил Красноярский Политехнический институт; Леонид Юрьевич (1971 г.) живет с отцом в Нью-Йорке, в эмиграции. Программист.

Александр Давыдович Басарт (1938) род. в Виннице. Окончил английский факультет Пединститута. Жил в Москве, на Крайнем Севере, в Норильске. В Нью-Йорке, в эмиграции с 1989 года. Имеет дочерей. Преподает в колледже, работает переводчиком по договорам. Фамилию сменил для удобства английского произношения: Бес-арт – составил из двух фамилий – первый слог из каждой: Бес-прозванный и Арт-еменко. /Письмо из США, 2 сент. 1998 года. А.Д.Басарт/.

Из дневника Евгении Ивановны:

«Вадим (Дима) – род. 11 (утрачено) 1849 года в Виннице. Выдержал экзамен в Киевский корпус 23 мая 1905 года.

Окончил корпус 24 мая 1913 года.

Ушёл на войну 24 июля 1914 года.

Произведен в прапорщики 1 дек. 1914 г. Приехал домой 4-го утром.

2 апреля, вечером, 1915. Завтра мои дорожки уезжают на войну. И неужели Господь не вернет мне Диму и Сережу. Дай мне силы дожить до радостного свидания с Димой и Сережей. Боже, помилуй нас всех».

Примеч.: Сохранилось 2 письма Вадима 1923 года – из Греции и Парижа. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Из дневника Евгении Ивановны:

«Ольга (Олечка) род. 12 мая 1898 года.

Выдержала экзамен в Институт 20 августа 1908 г.

Поступила 25 августа.

Исключена из Киевского института 1 марта 1911 года».

(Воспитывалась в Елисаветинском ин-те в Москве (К.С.).

«10 ноября 1916. В четверг сделали операцию Олечке в Шереметьевской больнице. Господи, дай силы пережить поскорее эти мучительные дни; дай возможность поехать за ней скорее и успокоить мою дорожку девочку».

Примеч.: Ольга Васильевна Перепелица (Левицкая) ум. в 1983 г.

Работала секретарем-машинисткой.

Её муж Ефим Васильевич Перепелица – геодезист, сапёр – погиб в октябре 1944 года на Ленинградском фронте.

Дочь, Ариадна Ефимовна Перепелица, окончила Винницкую среднюю школу, Одесское Государственное художественное училище им. Грекова, была талантливой художницей, членом Союза театральных деятелей, Союза художников, участницей многих выставок. Её личность и творчество достойны особого внимания и отдельного очерка.

В декабре 2000 года издан Альбом-каталог работ¹⁸ и состоялась большая выставка, посвященная памяти Ариадны. /Киев. Государственный литературный музей Т.Г.Шевченко/.

Из дневника Евгении Ивановны:

«Николай (Колечка, Котик) род. 7 мая 1900 года.

1906, май-июнь, сильно болел воспалением почек и сердцем. Выдержал экзамен в Винницкую классическую гимназию 1 июня 1910 года, поступил 16 августа.

2 апреля, 1915, вечером. Завтра мои дорогие уезжают на войну. Я остаюсь одна со своим великим тяжелым горем. Господи, где взять силы, пережить всё! Котик, милый, вернись на путь правый, не дай мне умереть с этой тяжестью н а душе. Господи, дай мне силы, вразуми Котика.

8 июня. 1915. Бешеная собака укусила Котика.

14 апреля, ночью 1916. Котик заболел воспалением левого легкого и плевритом.

Котик был арестован 16 июля (ст. ст.) ... после отвели его в ЧК. 1 авг. – по нов. ст. ...» обрыв (1921 ? – К.С.).

Примеч.: «Надежда (Надюша) род. 19 окт. 1901 г.» Сведений нет.

«Татьяна (Танечка) род. 29 сент. 1904 г.» Есть Свидетельство из Департамента Правительствующего Сената о внесении во 2-ю часть Дворянской родословной книги. Жила и умерла в Виннице. Муж Иван Козуб. Её дочь Валентина (муж военный) с детьми и внуками в Пензе. Сведений не имеем.

Ветер времени разметал листья с тонкой ветви тургеневского древа по всему миру: Москва, Петербург, Винница, Париж, Нью-Йорк, Пенза, Красноярск. И самый яркий листочек опустился в древнем Киеве – с удивительным именем и талантом Ариадны, с верным её спутником, хранителем памяти и семейных реликвий отцом Алипием. Если есть дом, придут и вести – к о. Алипию, в Киев,¹⁸ или на родину И.С.Тургенева, в Орел. Что в Пензе? в Красноярске? А судьба Сергея Васильевича? Вадима Васильевича?

1923 год. Париж, из письма Вадима:

«... Я получил, моя дорогая Олечка, твоё письмо (и только одно), писанное мне в Грецию и... такое печальное. Я писал тебе уже... и... что повторяться... Бедные вы одинокие мои, как поживаете теперь, да живёте ли вы все и где?

Я теперь во Франции, скажу одно о себе – тяжело невозможно, одиноко как-то. Пишите мне. Я жду от вас весточки. Мой адрес:

France. Vараume. Pas-de-Calais Entreprise Z Berge.

Pour V. Levitsky. Напишите мне, дорогие. 20/XII-23 г.

Уже близко Рождество! Поздравляю с ним, и с болью в сердце вспоминаю о нем, проводимом со всеми вами, тогда была семья,.. было что-то чистое, святое.

Ни пути, ни следа по равнинам,
По равнинам безбрежных снегов.
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов...

Пишите!

Примечания

1. Чернов Н.М. И.С.Тургенев в Москве. М. 1999. С. 98-99; 105-107.
2. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 28 томах. Письма т. 12, кн. 2. изд. «Наука». Л. 1967. с. 241-242, 546.
3. Письма. Т. 10. М.-Л. 1965. С. 14, 479.
4. Там же. с. 642.
5. Тургенев И.С. Письма. Наука. М.1990, т. 8, с. 75, 398 (изд. 1982-90)
6. Тургенев И.С. Письма. М.-Л., 1965, т. 9, с. 147, 514.
7. Тургенев И.С. Там же, с. 149.
8. Тургенев И.С. Письма, т. 11, М.-Л., 1966, с. 10.
9. Там же, с. 336.
10. Тургенев И.С. Письма. т. 12, кн. 1, 1966, ст. 46-47.
11. Там же, с. 68.
12. Тургенев И.С. Письма, Л. 1968, т. 13, кн. 1, с. 93.
13. Чернов Н.М. И.С.Тургенев в Москве. М. 1999. с. 163. Чернов Н.М. Спасско-Лутовиновская хроника. 1813-1883. 1999. с. 334-335.
14. ГАТО, ф. 33, оп. 2., д. 2340, листы 197, 198, 252 (Копии – Алексиной Р.М.). Новиков В.А. По тургеневским местам. Тула. 1971. С. 126, 127.

Материалы из семейного архива Левицких: (Киев).

15. Свидетельство из Департамента Герольдии Правит-го Сената о внесении в дворянскую родословную книгу дочери Полковника Вас. Онуфр. Левицкого Татьяны /С.-Петербург. июня 14 дня 1907 г./
16. Дневники Е.И.Левицкой (рожд. Тургеневой) о рожд. детей и их воспитании – сохранившиеся страницы.
17. Письма Вадима Вас. Левицкого из Пирея (Гр.) и из Парижа (Фр.) 18 января и 20 декабря 1923 года.
Письмо Ал-дра Давыдовича Бесарт из Нью-Йорка. сент. 1999.
18. Монах Алипий (Перепелица), Елена Ковальчук.
Ариадна Перепелица. Альбом. Гл. упр. культуры.
г. Киев. 2000. Киевская патриархия.

Комментарии:

Составители альбома, его дизайна, фотографий – о. Алипий – монах Киевского Златоглавого Михайловского Монастыря (Руслан Владимирович Перепелица – муж Ариадны) – художник, хранитель семейных реликвий и документов, неутомимый труженик во имя верности долгу, памяти.

Елена Ковальчук – автор текста, кандидат искусствоведения, исследователь творчества художницы.

Текст отпечатан на 2-х языках: украинском и русском. изд. Украина. ООО «ТАМПОДЕК».

При составлении родословной Е.И.Тургеневой использованы:

1. Личный архив отца Алипия – Р.В.Перепелицы. Киев.
2. И.С.Тургенев. Письма в 13 томах. Изд-во «Наука» М.-Л. 1965-1968.
3. И.С.Тургенев. Письма в 18 томах, изд. 2-е Изд-во «Наука» М. 1965-1968. Исследовано и составлено. 1998. К.А.Седойкина. Уточн. 1999. Орел. Тургеневское общество.

Е.И.ТУРГЕНЕВА И ЕЕ ПОТОМКИ

Иван Петрович Тургенев

Двоюродный брат И.С.Тургенева 1842-1870
Люция Ивановна 1840-1871 - жена
Анна Эллам – мать Люции

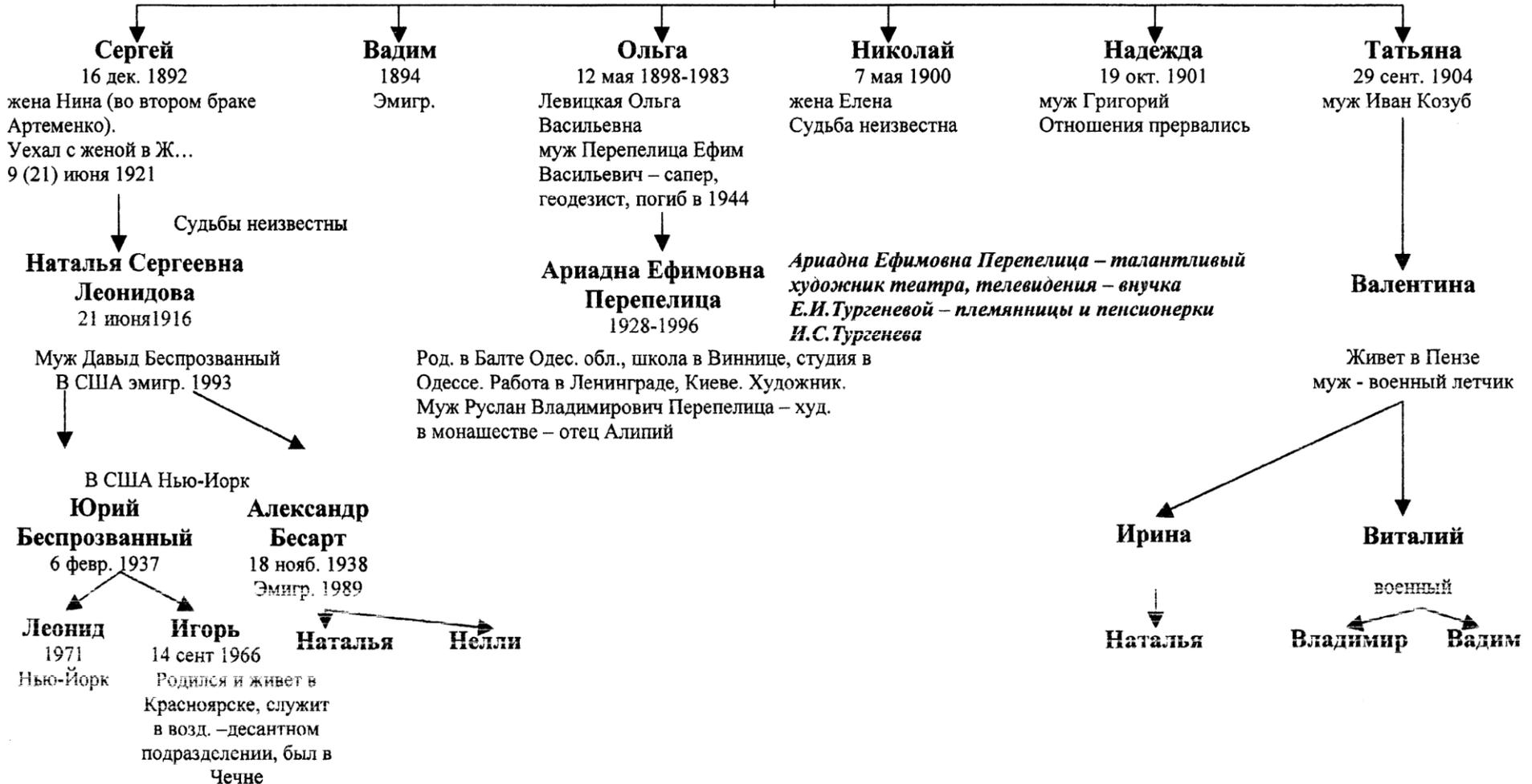
муж Василий Онуфриевич Левицкий –
полковник, затем генерал-майор.
Полк расквартирован в Подольской губ. г. Винница

Евгения Ивановна Тургенева

Левицкая

Двоюродная племянница И.С.Тургенева, его
пенсионерка. Род. 22 сент. 1866 г. (ГАТО) (Найдено в
архиве Р.М.Алексиной)

дети родились в Виннице



IV

На родине Тургенева

**О СЮЖЕТЕ РАССКАЗА «ЛЬГОВ»
(к истории рассказа в рассказе)
К 150-летию «Записок охотника»**

И.С.Тургенев издал в 1852 году отдельной книгой собрание своих охотничьих рассказов, ранее опубликованных в журнале «Современник». Как известно, истоком сюжетов «Записок охотника» послужили охотничьи поездки их автора по дорогам срединной России, в том числе и Полесья, границы которого он обозначил в рассказе «Певцы»: «Полесьем называется длинная полоса земли, которая начинается на границе Болховского и Жиздринского уездов, тянется через Калужскую, Тульскую, Московскую губернии и оканчивается Марьиной рощей под самой Москвой».¹

Карты названных губерний помогают нам определить «прописку» его героев. Они «проживают» в бассейнах рек Десны с Навлей, Снежеди и Жиздры (притоки которой – Вытебеть, Рессета) Оки с Истою и Зушей (с притоками Снежедью, Чернью) и Красивой Мечи, что впадает в Дон.

Современники Тургенева, вслед за В.Н.Колонтаевой, утверждали, что «все написанное в них («Записках охотника») не сочинено, а списано с натуры», что «все лица, выведенные в них, не вымышлены, а на самом деле существовали...» Поэтому многие усиленно искали, например, в болховском селе Льгов могилу Бланжи, о «судьбе» которого писатель создал стихотворение и ввел его в сюжет рассказа «Льгов»... Современники забывали, что в процессе создания своего произведения Тургенев часто обобщал события, характеры, иногда изменяя имена, место действия... Примером может послужить рассказ «Живые мощи». В черновом варианте его он написал: «... в одну из наших поездок за тетеревами в Болховский уезд О-й губернии...» Потом передумал, зачеркнул «О-й» (т.е. Орловской). В окончательном варианте читаем: «... в одну из наших поездок за тетеревами в Белевский уезд...» Местом действия рассказа стала Тульская губерния.

Изучение материалов по истории Болховского уезда подсказало нам, что примерно так оно и было со «Льговом». Как возникла краткая и выразительная история французского эмигранта-аристократа? И в какой степени жизнь реально существовавшего графа Бланжия соответствовала судьбе его литературного двойника?

Да, граф Бланжия действительно существовал, и его, конечно, знали Лутовиновы. Однако Тургенев трансформирует его историю согласно новейшим жизненным впечатлениям.

1846 год. Во Франции зреет новая революция. Тургенев, хорошо знавший историю этой страны, чутко улавливает смену общественных настроений, чувствует брожение умов... Приехав в Россию, он не перестает думать об увиденном. Пять летних месяцев, в которые он всегда любил поохотиться, он прожил дома. Точных сведений о его охотничьих поездках мы не имеем. Судя по «Мемориалу», где отмечено, что в 1846 году он написал «Хорь и Калиныч», свой любимый маршрут – «Болховский и

Жиздринский уезды) - он не миновал. Этот путь подробно (вспоминая 1858 год) опишет в своих Воспоминаниях А.А.Фет.

В одну из таких поездок спутник Тургенева А.Алифанов и мог предложить: «Поедемте-ко в Льгов /.../ Мы там уток настреляем вдвоём». Поездка начиналась из Спасского. Далее – отдых через 50 верст в старинном Болхове. До села Льгов надо было ехать по Большой Карачевской дороге – около 50 верст! На 12-й версте проехали богатое поместье известных за пределами Орловской губернии театралов Юрасовских. Через две версты миновали им же принадлежавшее село Руднево...

Алексею Денисьевичу Юрасовскому, кроме названных имений, в Болховском уезде принадлежали и другие поместья, «очень много земли, сплошь до Болхова и за Болховом...» Он был женат на Авдотье Ивановне, урожденной Хитрово, которой в 1839 г. В.П.Тургенева продала свою крепостную девку Авдотью (не из-за неё ли «бушевал» её сын?.. не разрешал продать?). В семье Юрасовских было много детей; кроме дочерей, сыновья: Петр – ровесник автору «Льгова», Константин (р. 1822), Николай (р. 1828), Деонисий (р. 1829). Петр, женатый на кн. В.Н.Урусовой, - строитель храма в селе Кривчем (2 версты от Болхова), в 1840-е г.г. предводитель болховского дворянства. Умер бездетным 29 дек. 1849 г., похоронен (а потом – и его жена) в построенном им храме.

Юрасовские и Тургеневы, будучи мценскими и болховскими помещиками, конечно, хорошо знали друг друга. Наверняка знал историю их жизни и И.С.Тургенев. Проезжая землями Юрасовских, он, надо думать, многое вспомнил, да и с Алифановым о них поговорил непременно... Так появился сюжет об эмигранте-французе...

Комментатор рассказа «Льгов» в Академических изданиях сочинений и писем Тургенева Л.Н.Смирнова не точна, излагая сведения о реальных источниках произведения. Писатель не только переименовал название реки, у которой было расположено село Льгов: р. Вытебеть у него стала Россотой, на которой автор поставил 2 мельницы (в реальности же на Вытебети была 1 мельница и 9 маслобоек). Неточно ею указана численность дворов и населения. Не указала она и имени владельца этих земель. Тургенев же, как видно, намеренно не хотел его называть. Документы архива указывают, что село Льгов, тогда со 169 дворами и 721 ревизскими душами крестьян, принадлежали Светлейшему князю, флигель-адъютанту, полковнику Владимиру Дмитриевичу Голицыну. В Болховском уезде на Неполоди ему же принадлежало село Парамоново со 127 дворами и 343 мужеска полу душами; всего же в уезде – 1137 душ. Важно, что документы указывают наличие 73 мужеских душ дворовых людей (т.е. вместе с женским полом – всего ок. 150 душ). Следовательно, была и богатая усадьба, которую они обслуживали. Возможно, в одном из флигелей её останавливался Иван Сергеевич с Афанасием, поваром и слугою... Но в рассказе Тургенев избежал этих деталей. А старый погост он вспомнил. Ему нужно было «прописать» там могилу графа Бланжия, которого он сделал жертвой Великой

французской революции. По-видимому это явилось следствием его раздумий о революционной ситуации в стране, из которой он недавно вернулся.

Могила Бланжия, тексты эпитафий на памятнике были хорошо известны Тургеневу с детских лет. Он с матерью бывал в этих местах, гостем...

Обратим внимание на то, как оформил тексты надписей на памятнике французскому Тургенев. Три из них он заключил в кавычки, т.е. процитировал. Эти надписи для биографии реального графа Бланжия документальны! Напомним их. На одной стороне памятника: «Здесь покоится Теофиль Анри, граф Бланжи (имя совпадает с тем, что носил реальный прототип героя). На другой: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умре 1799, всего жития его было 62 года; на третьей: «Мир его праху». По правилам того времени на 4-й стороне должен был быть изображен дворянский герб Бланжия. Но автор рассказа уже без кавычек (т.е. не цитируя) дал, явно, собственный стихотворный текст. Он несколько напоминает текст эпитафии на памятнике гувернеру-французскому в имении Лутовиновых, сохранившемся у вала старого кладбища с. Спасское-Лутовиново, вернее – за валом его, поскольку по обычаю православной церкви католик не мог быть похоронен в ограде православного кладбища... Но Николай Этьен веней дефрен (из эпитафии на лутовиновском погосте) «Учил дитя, родителей покоил», а Бланжия «Учил детей, родителей покоил...» Это уточнение, сделанное автором «Льгова», пояснил внук Алексея Денисьевича Юрасовского – Александр Константинович Юрасовский (1866-1911) хранитель дел Орловской ученой архивной комиссии, занимавшийся историей своего рода и публиковавший, правда, под псевдонимом, материалы из жизни своей семьи.

В 1898 году, после доклада, сделанного на заседании Комиссии, он напечатал интересный документ из жизни своего прадеда капитана Деонисия Васильевича и эмигранта – графа Бланжия (Труды Орловской ученой архивной комиссии), вып. I. Орел, 1893). Приводим его с некоторыми сокращениями: «Из фамильного собрания бумаг до рода дворян Юрасовских относящихся.

Гувернер прошлого столетия.

1775 года... Контракт сей учинен промеж отставным капитаном Денисом Васильевичем Юрасовским и французом Генрихом (!) де-Бланжия на три года...» Граф обязывался «обучать обоих сыновей /.../ маленьких барчуков Петра и Алексея не только языкам французскому и немецкому, но и также славным манерам...»

Условия оговорены прекрасные! Поэтому граф приписал к Контракту: «Я не столь за изрядным жалованьем, сколь за благородным приемом гонюсь».⁴

Таким образом, современники Тургенева, землями которых писатель проезжал во Льгов, Петр Денисьевич и Алексей Денисьевич, были

воспитанниками графа Бланжия. Благодаря текстам эпитафий на его памятнике, процитированным автором «Льгова», и приведенному документу, мы узнаем, что граф в России, в Болховском уезде прожил не 3 года, а все 24, что он не мог быть жертвой Великой французской революции 1789 г., на что намекает стихотворный текст эпитафии. Он с 1775 г., а может, и ранее жил в России. О его судьбе повествует рассказ, вернее, пересказ одного из бывших крепостных Юрасовских, опубликованный кн. А.Л.Голицыным («Орловский вестник», 1995, № 119). Некто «Е.Нугари», в имени которого современники узнавали А.К.Юрасовского, с разрешения князя перепечатал его в своей книге «Быль из времен крепостничества в Орловской губернии» (Орел, 1901). Из этих публикаций мы узнаем, что «любимый учитель» Юрасовских полюбил крепостную девушку и пользовался её взаимностью. Её отец, разбогатевший крепостной человек А.Д.Юрасовского, не захотел «за голодранца учителя» выдавать замуж дочь. Узнавший об этом помещик, на Рождество подарил своему любимцу эту семью крепостных». Тогда все они жили в болховском сельце Морозове... «Любимый учитель» между тем продолжал быть доверенным лицом А.Д.Юрасовского. А.Л.Голицын утверждал: «В руках наших имеется судебное дело /.../ окончания жизни учителя несчастного: он был зарезан и ограблен однажды в Сурьянинском лесу, в то время, когда вез большую сумму денег /.../ все это – дело рук Карнеева, т.е. тестя француза-учителя».

Похоронен был граф Бланжия у кладбища с. Руднева в Сурьянинском верхе; местный священник об этом деле всегда рассказывал. Но могиле его пришлось пострадать. Эпидемия холеры 1831 г. началась с сельца Сурьянина, смерть пошла косить людей... Крестьяне «рассудили», что все зло идет от могилы иностранца-учителя... Разрыли её в полночь, пронзили останки его сосновым колом... потом – Сибирь...

В 1831 г. Тургеневы жили в Москве, лето, по некоторым сведениям, - в Спасском. Как бы то ни было, о рассказанных здесь событиях они были наверняка наслышаны. Тургенев на всю жизнь запомнил тексты на могиле учителя из дома А.Д.Юрасовского. Наверное, впоследствии он бывал в богатом имении Юрасовских, где можно было послушать хорошую музыку. Интересно, что внучка Алексея Денисьевича – Надежда Солгина – училась у П.Виардо, стала солисткой Большого театра.

О трагической судьбе французского эмигранта, по жизни, видимо, очень хорошего человека, Тургенев не стал рассказывать читателю. Его рассказ о графе Бланжия во «Льгове» трагичен по-иному, он напоминает об изломанных судьбах, которые порождает революция, напоминает об времени его написания – преддверии революционных событий 1848 г., о которых он поведает в очерках «Наши послали» и «Человек в серых очках».

Примечания

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. т.3.-М.: «Наука», 1979.-С.75-85; Письма. Т.1. С. 225, 230, 375, 496; т.2. С. 402, 407, 486, 501.

2. Фет А.А. «Воспоминания».-М.: Тип. А.И.Мамонтова и К°, 1890.-С.254-355.
3. ГАОО, ф.6. е.х. 2838 /Купчая В.П.Тургеневой/.
4. «Труды Орловской ученой архивной комиссии», 1898. Вып. I.Орел.
5. В статье использованы также Воспоминания И.Ф.Рынды, М.А.Щепкина, Ж.Мурье, Т.А.Мартемьянова.

Л.В.ИВАНОВА

ЛИЗА

Я теперь занят большой повестью, главное лицо которой – девушка, существо религиозное. Я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью.

И.С.Тургенев – Е.Е.Ламберт. 1857 г.
Слово о Тургеневе должно начинаться нежным женским именем...

К.Бальмонт

В рассказе «Легенда и быль «Дворянского гнезда» Л.Н.Афонин, сославшись на неопубликованную работу Льва Михайловича Клейнборта «Дом Калитиных», писал о том, как «зарождалась орловская легенда о «Дворянском гнезде», у самых истоков своих причудливо и нерасторжимо переплетаясь с жизнью», как «ниточка за ниточкой сплеталась своя легенда о Лизе Калитиной. Её прообраз искали среди орловчанок с подобной судьбою; <...> называли разные имена: Варвару Соковнину, в монашестве Серафиму, Кологривову, Евдокию Коротневу»..., о которой «сохранились воспоминания орловских старожилов», записанные в середине 20-х годов приезжавшим в Орел Клейнбортом.

К сожалению, никем до сих пор не названа ещё одна фамилия монахини, игуменьи Орловского Введенского женского монастыря, о которой писал в своей статье Клейнборт – Антонии Соколовой. Ей посвящена некрологическая статья в Орловских епархиальных ведомостях от 30 сентября 1907 года. Вот что писал о ней Л.М.Клейнборт: «В самом деле, Соколова знала Тургенева. У неё в келье даже висели виды Спасского-Лутовинова, портрет, который подарил сам писатель. Однако матушке Антонии для героини не хватало главного: она не проживала в «доме Калитиных» - Соколовы, из семьи которых происходила настоятельница Введенского монастыря, среди владельцев не значатся». Тем не менее, именно Соколовы, как стало известно, владели усадьбой, называемой ныне Дворянским гнездом, до продажи её после пожара 1850 года. Конечно, надо ещё доказать их родство с Антонией, а пока нам предстоит познакомиться с историей жизни этой незаурядной женщины. Ниже мы публикуем некрологическую статью о ней священника Павла Святицкого, напечатанную в Орловских епархиальных ведомостях 30 сентября 1907 года.

Игуменья Антония

(11 сентября 1907 г.)

11 сентября в 8 часов утра тихо скончалась настоятельница Орловского Введенского монастыря игуменья Антония. Почившая управляла монастырем 33 года, и кончина её оплакивается не только осиротевшими сестрами обители, но и многими почитателями вне стен монастыря.

Игуменья Антония, в миру Александра Тимофеевна Соколова, происходила из дворян Мценского уезда Орловской губернии.¹ Уроженка Москвы, она, по кончине отца (матери она лишилась ещё в младенчестве своем), помещена была в Московский Екатерининский Институт, где и окончила полный курс. По выходе из института она в свете жила не более пяти лет. На двадцать втором году она, несмотря на то, что имела хорошие средства и была прекрасно образована, - предпочла светскую жизнь иноческой келье. В Орловский Введенский монастырь она приехала 1-го октября 1851 года и осталась в нем навсегда.² По прошествии пяти лет – 6 сентября 1856 года, она была определена в число штатных сестер обители, а два года спустя, 31 июля 1858 года, была облечена в рясофор; 23 марта 1868 г. была пострижена в мантию с именем Антонии, и в этом же году 22 августа была назначена казначеёй. За усердные труды на ответственном посту казначеи монахиня Антония была награждена 16 июня наперсным крестом. По смерти же игуменьи Амфилохии в 1874 г. назначена на должность настоятельницы. 15 сентября того же года она была возведена в сан игуменьи.

Заботами игуменьи Антонии за 33-х летнее ее управление монастырь украсен многими храмами. В 1881 году при содействии Антонии близ главного монастырского храма усердием и на средства г. Приклонской на могиле её мужа была построена церковь в виде часовни и освящена Преосвященным Симеоном. В 1886 году по желанию игуменьи Антонии под Тихвинской церковью устроена усыпальница, куда с Троицкого кладбища перенесены останки бывшей игуменьи Орловского монастыря Серафимы;⁴ а через год эта усыпальница на пожертвованные монахиней Стефанией Черепенниковой деньги обратилась в храм. В 1874 году Антония основывает в стенах монастыря больницу для сестер с аптекой для первоначальной помощи, а впоследствии приглашена и особая фельдшерница.⁵ Для лиц, приезжающих помолиться в обитель, приобретен каменный дом для гостиницы; во дворе же этой гостиницы построен деревянный флигель для странников.

С основанием монастыря у него не было особого кладбища для сестер. Купец Хлебников пожертвовал монастырю в 1888 году 6 десятины земли – пустошь, которая отделялась от монастыря (да и от города тоже) непроходимыми оврагами. Под руководством игуменьи – местность эта была по особо выработанному плану обращена в прекрасно устроенное кладбище, к которому ведет хорошая дорога с мостом через овраг. В 1895 году содействием одного из глубоких почитателей покойной игуменьи, командира 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Михаила Лаврентьевича

Духонина (теперь также покойного) и его супруги Екатерины Васильевны,⁶ на средства московских благотворителей выстроена в Бозе почившего Императора Александра III деревянная церковь во имя Воскресения Христова и освящена Преосвященным Мисаилом 23 июля 1895 года.⁷ А в 1897 году вокруг кладбища, при содействии Е.В.Духониной и средствами богатой благотворительницы г-жи Медокс, устроена каменная ограда. Таким образом, содействием высокопоставленных почитателей покойной игуменьи, заветное желание её исполнилось: монастырь имеет вполне благоустроенное кладбище.

В 1899 году 15 сентября исполнилось 25 лет со дня назначения игуменьи Антонии настоятельницей. Этот юбилей, с разрешения и благословения Преосвященного Никанора, сестры Введенского женского монастыря праздновали «с редким единодушием, неподдельной искренностью и полной торжественностью»... (см. особо изданную брошюру Описание празднования 25-летнего юбилея Игуменьи Антонии). В 1900 г. Игуменья могла, наконец, приступить к исполнению давнишнего своего желания – расширить школу, т.е. построить для неё более обширное помещение, так как прежде решительно не вмещало и половины детей, желающих поступить в школу. При материальной помощи от Священного Синода и с его разрешения 31 июля 1900 года была совершена закладка нового здания школы Преосвященным Никанором, а в 1902 году 20 августа освящено и само здание, и открыта школа. Здание школы – вне стен монастыря, просторно и полно света; классы высокие и окрашены до половины масляной краской, что придает необыкновенно чистый вид.⁸ Прженес же помещение школы внутри стен монастыря устроено как гостиница для немощных и пожилых особ мирского звания.

Во время Японской войны в здании гостиницы за оградой монастыря был устроен лазарет на пять кроватей для раненых воинов; при них находилась фельдшерница и сестры обители ухаживали за ранеными.

Игуменья Антония имела много наград. В 1881 году 18 апреля она была удостоена награды золотым наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества. За особые труды по благоустройству церковно-приходской школы 18 апреля 1887 года было преподано ей благословение Святейшего Синода с выдачей установленной грамоты, а 27 октября 1891 года благословение Св. Синода с выдачей «библии». 18 июня 1898 года за долголетнее и отлично усердное исполнение должности игуменьи – удостоена награды золотым наперсным крестом с украшениями из кабинета Его Императорского Величества. Кроме того за содействие обществу красного креста в войну с турками удостоена знака отличия красного креста, а за призрение раненых, Японскую войну игуменья получила от председательницы комитета о раненых Великой Княгини Елизаветы Федоровны жетон и портрет Великой Княгини с собственноручной подписью.⁹

12 сентября в 12 часов дня была отслужена панихида Епископом Серафимом,¹⁰ а в 4 часа по полудни тело усопшей перенесено в

монастырский храм, и до позднего вечера духовенство города приезжало служить панихиды. 13 сентября состоялось погребение. Заупокойную литургию и чин погребения совершал Преосвященнейший Серафим в сослужении 2 архимандритов, ректора Орловской семинарии и многих иереев.

Оканчивая краткий некролог игуменьи Антонии, нельзя умолчать о посещении обители Высокопреосвященнейшим Никанором Архиепископом Варшавским, бывшим Епископом Орловским и Севским. Архипастырь совершил панихиду по усопшей 14 сентября после поздней обедни. Перед панихидой Владыка с амвона сказал слово в память усопшей, вызвавшее искренние слезы присутствовавших. По окончании панихиды на самой могиле, Его Высокопреосвященство посетил игуменскую келью, где кушал чай. Прощаясь с сестрами обители Владыка ободрял их трогательными пожеланиями относительно будущей настоятельницы, которая должна заместить незабвенную *старицу-игуменью* мать Антонию, которую «да учинит Господь в селениях праведных!..»

Священник Павел Святинский.

Комментарии

1. Из документов Гос. Архива Орловской области (в дальнейшем – ГАОО) стало известно, что девица Александра Тимофеевна Соколова была помещицей Мценского уезда Орловской губ. и владела к 1 июня 1851 г. селцом Стояново (122 крест. души мужского пола) и деревни Новая Слободка, Прилепы тож (46 душ), доставшимися ей после смерти отца <...> коллежского советника Тимофея Егоровича Соколова и продала их 6 марта 1862 г. (в Стоянове к тому времени 105 душ, в Новопоселенной Слободке – 76, итого 181. – ГАОО, ф.63, оп. 1, ед.хр. 2769, л. 380, № 249). В 1779 г. некий Тимофей Соколов был поверенным по делам князя Юрия Владим. Долгорукого (там же, ф. 6, оп. 1, ед.хр. 3552, лл. 442-443, ф.63, оп. 1, ед.хр. 2, л. 528).
 2. Из статьи Л.М.Клейнборта: «... История, приведшая её за стены монастыря была такова: она была помолвлена с человеком, которого любила, о котором мечтала, как мечтают молодые девушки. И вот бал накануне их свадьбы. Он танцует с ней на этом балу вальс <...> Вдруг этот здоровый, сияющий радостью жених падает замертво, в разгаре танца и умирает по невыясненной причине. Этот случай производит такое впечатление, что она тотчас после этого – решает постричься в монастырь. И молва именно её произвела в героини «Дворянских гнезд».
- Из Речи, сказанной Архиепископом Никанором перед панихидой по игуменьи Антонии <...> 14 сентября 1907 года: «Говорят, что она в ранней молодости испытала какое-то жизненное крушение сердца. И, увидевши в этом явление житейской суеты, всецело устремилась в объятия Огня Небесного, чтобы жить тем, что составляет единое на потребу» (Орловские епархиальные ведомости. 4 ноября 1907, № 44, с. 835).
- Преосвященный Никанор Тимофеевич Каменский, 1847-1910, В 1899-1902 г.г. – 15-й епископ Орловский и Севский, духовный писатель, основатель церковно-археологического комитета и музея в Орле.
3. Преосвященный Симсон – 12-й епископ Орловский и Севский (1883-1889).

4. Серафима – игуменья сначала Севского, потом Орловского Введенского девичьего монастыря, в миру Варвара Михайловна Соковнина, дочь статского советника; на 17-м году, после внезапной смерти отца, бежала из Московского дома, чтобы поступить в отдаленный монастырь. Не сразу, с помощью орловских родственников ей удалось это сделать. «Строгая, почти затворническая жизнь, глубокое образование и знатность рода Серафимы «не только ставили её высоко в ряду севских и орловских монахинь, но позволили назвать её имя среди тех, кто мог послужить прототипом тургеневской Лизы. В.М.Соковнина умерла в 1845 г., вскоре после ужасного пожара 1843 г., уничтожившего монастырь на Болховской улице (См.: Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря//Составил на основании монастырских архивов Гавриил Пясецкий. 1896; Афонин Л.Н. Рассказы литературоведа.-Тула: Приокское книжное изд-во, 1979.-С. 36).
5. По воспоминаниям М.П.Святицкого, это – Лидия Андреевна Боголюбова, которая заведовала больницей с конца 19 века и до закрытия монастыря. Очевидно, именно она беседовала с Клейнбортом о возможных прообразах Лизы: «Вот, - говорила она, - матушка Антония. Достаточно взглянуть на неё, чтобы сказать, что уже по одной внешности – она не походила на тургеневскую девушку. Она знала Тургенева лично. Это верно. Но напрасно столько людей приходило в монастырь взглянуть на неё. Ведь в то время больше о матушке Антонии говорили как о героине «Дворянского гнезда»! Нет никакого сходства. С какой стороны не подходите». В самом деле, что-то бабье глядит с фотографии. Ничего не от мира сего?» (Подчеркнуто мною – Л.И.) См.: Святицкий М. Некоторые воспоминания об Орловском Введенском девичьем монастыре//Сб. Церковно-археологического общества. Вып. 1. Орел, 1999; Клейнборт Л.М. Дом Калитиных. Из легенд о «Дворянском гнезде» (машинопись статьи утрачена; цитирую по выпискам из моей коллекции – Л.И.).
- Другой современник, орловский губернатор в 1894-1901, почетный гражданин Орла и Мценска, Александр Николаевич Трубников вспоминал о ней: «Во время моего пребывания в Орле я ездил по разным учреждениям, которые осматривал. Был также в женском монастыре, где в то время была игуменьей матушка Антония, очень почтенная и достойная личность. Она приняла меня особенно ласково <...> ... сама игуменья Антония была прелестная старушка <...> Это была несобыкновенно почтенная и добрейшая личность, как многие пользовались её добротой, лаской и покровительством!» (Цитируется по машинописи с разрешения Ю.А.Трубникова, правнука автора воспоминаний).
6. Духонин М.Л. (ум. В 1895 г.), генерал-лейтенант, командир 36-й пехотной дивизии в Орле, штаб которой в 1889 г. располагался по Болховской в доме Хлебникова. Его вдова, Е.В.Духонна – автор воспоминаний «Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадский» (Дневник духовной дочери. М.: «Отчий дом», 1998; на эту книгу указал мне Ю.А.Левин; см. также: Памятная книжка Орловской губ. на 1890 г., с. 31). В книге Д. много доброго сказано «о глубоко всеми уважаемой матушке Антонии», которая ей помогла в самые тяжелые дни. Интересны суждения о личности Антонии Св. Праведного Иоанна Кронштадского (И.И.Сергеева), радовавшегося её подвижничеству, хотя и почитавшего, что «все же не надо так изнурять себя, тем более настоятельнице, которой силы нужны для управления монастырем» (с. 26); он был убежден, что за свой подвиг «она заслужила себе награду на небесах в царстве небесном» (с. 94).

7. Преосв. Мисаил – 13-й епископ Орловский и Севский (1889-1896). Церковь сгорела в 1996 г. На её месте ныне построена каменная церковь. (Просторы России. № 45, ноябрь, 1996).
8. Свято-Ольгинская церковно-приходская школа при монастыре была открыта 23 окт. 1870 г. игуменней Амфилохией и казначеёй Антонией. В 1900 г. Антония заменила старое здание школы, которое сохранилось, как здание гостиницы, до сих пор. С 1890 г., по её поручению, школой стала заведовать М.В.Леонтьева, племянница известного философа. На освящении школы гостями были: кн. С.К.Оболенская, бывшая начальница Александровского института, Е.В.Духонина, М.Н.Давыдова, С.А.Нилус, принимавший деятельное участие в постройке школы, и др. (См.: Орловские епархиальные ведомости, 1902, № 38, с. 1546, 1549).
9. Скорее всего, первая встреча Елизаветы Федоровны Романовой и игуменьи Антонии произошла 18 мая 1899 г., когда «игуменья благословила Великую княгиню образом Введения в храм Пресвятой Богородицы»... (См.: Власов В. Августейшая великомученица//Просторы России, 1994, 5 окт., с.12)
10. Преосв. Серафим (1856-11 дек. 1937), епископ Орловский и Севский, потомок адмиралов Чичиговых (в миру Леонид Михайлович). В 1891 г. вышел в отставку в чине полковника гвардии. В 1898 г. принял пострижение в монахи с именем Серафим. В 1905 г. рукоположен в епископа Орловского и Севского. После 1917 г., продолжая церковную деятельность, подвергся гонениям. В 1937 г. 82-летний Серафим был арестован и 11 декабря расстрелян. В феврале 1997 г. был канонизирован и причислен к лику святых великомучеников (Беликова С.В. О чем рассказал автограф//Орловский библиофил. Вып. 7. Орел, 2000, с.17).
11. Святыцкий Павел Васильевич (род. 1877), уроженец с. Ольшаны Ливенского района Орловской области, проживал в Орле. С 1898 г. по закрытии Орловского Введенского монастыря был его священником. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Приложение.

Н.Браун. Дворянское гнездо.

Сегодня мне и радостно, и грустно:
 Я вспомнил старый город над рекой,
 Где берега, соединяя русла,
 Сливают воды Орлика с Окой.

Что было за купанье здесь, в затоках!
 Ребятами мы бегали сюда,
 Где в чистый плёс глядел с крутого склона
 Старинный сад дворянского гнезда,
 Старинный дом.

И часто в нетерпенье
 Хотелось мне войти в его покой, -
 Ведь здесь бывал когда-то сам Тургенев,
 Глядел вот в эти дали за Окой,

Здесь услышал сердцебиенье Лизы
 Калитиной,
 всю боль её слезы,

Здесь он искал слова, чтоб бросить вызов
 Во имя «очистительной грозы».
 И мне казалось:

 вот она, вся в белом,
 Пройдет – и ветви лип зашелестят,
 Всё воскресив...

 Но время отшумело,
 И отшумел, заглож старинный сад.
 И лишь, как прежде, под горой пылали
 В огнях заката Орлик и Ока,
 И в легкой дымке вечерели дали,
 И грусть была, как небо, глубока.

1966.

Николай Браун. К вершине века. Стихотворения.
 М.: «Худ. лит.», 1982. – С. 201-202.

Г.А.ТЮРИН

**В ОКРЕСТНОСТЯХ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»
 И.С.ТУРГЕНЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА КАЛЛИНИКОВА
 (по неизвестным архивным материалам)**

1. Сопричастность традициям

Захваченный стремительно-стихийным потоком послеоктябрьского исхода, И.Ф.Каллиников не питал иллюзий, связанных с возвращением «старой» России. Неся мученическое бремя изгнания, автор «Мощей», «Бабы-змеи», «Бобров» оказался в эмиграции изгоем, не принимавшим ее жесточенности и воинственности. В течение 15-ти лет, проведенных Каллиниковым в Египте, Болгарии и Чехословакии, нарастало неудержимое и безысходное притяжение к родине, отвергавшей скитальца. Скупые строки некролога в парижских «Последних новостях» пронизаны трагизмом отчуждения: «В эмиграции Каллиников стоял в стороне от русских литературных предприятий, пытался возвратиться в советскую Россию, но, несмотря на заступничество Горького, разрешения не получил».¹

Пробудившееся еще в юности чувство сопричастности великим литературным традициям оставалось единственной внутренней основой и опорой писателя-изгнанника, потерявшего в странствиях семью, отечество, Бога. Еще в юности – в дореволюционном Орле – осознание близости классиков-земляков возбуждало в душе гимназиста-стихотворца эмоциональное напряжение, которое требовало своего воплощения в слове. От Тургенева исходили творческие импульсы, коснувшиеся начинающего литератора. Не случайно позже – в конце 1920-х годов, перечитывая своих земляков, просиявших в мировой культуре, Каллиников первым называет художника-творца из Спасского-Лутовинова: «... В комнате Фета одновременно собирались вещи писателей-орловцев. А их в Орле немало:

Тургенев, Фет, Тютчев, Лесков, Апухтин, Якушкин, бр[атья] Киреевские, Писарев (современник и, кажется, однокашник моего деда по семинарии), Л. Андреев, Бор. Зайцев, Ив. Новиков, Ив. Бунин».²

Собирая фольклорный и этнографический материал в Орловской губернии, увлеченный молодой исследователь фотографировал памятные места, связанные с писателем-классиком. Прислушиваясь к живописной народной молве, он записывал рассказы старожилов о прообразах тургеневских героев. Следы этой работы – рукописные записи Каллиникова – сохранились на страницах романа «Дворянское гнездо» в третьей книге 12-томного собрания сочинений И.С.Тургенева.³

Карандашные пометы на полях книжной страницы конкретизируют место («Орел. Верхне-Дворянская улица») описываемых в «Дворянском гнезде» событий, хронотоп которых представлен романистом-классиком с многозначнейшей недоговоренностью. Каллиниковым названы имена прототипов: «Лиза Калитина – Смирнова. Лаврецкий – Боярышников – болховский пом[ещик]»³ (с. 189). В конце тома – на обложке – начинающий краевед записал услышанную версию постфабульной жизни героев, вернувшихся со страниц романа во внехудожественную действительность:

«Через несколько лет, после посещения Лаврецким монастыря, в котором жила Лиза, она была избрана игуменьей. Лаврецкий еще раз приезжал в О... и с тех пор о нем ничего не слышно. 11 сентября 1907 года Лиза умерла, на похоронах был старик, как говорят, Лаврецкий, похоронена она была преосвященной Серафимой. И.Каллиников. 14.IX.07»³

В процессе изучения архивного материала установлен основной источник этой рукописной записи – воспоминания Федора Каллиникова, отца писателя. Сохранилось его письмо сыну, где орловский старожил, бывший почтовый служащий, рассказывал о реальной (нелитературной) жизни тургеневских героев, чьи судьбы городская молва связывала с усадьбой на живописном берегу Орлика:

«... Игуменья Серафима родом происходила из дворян. Это была Лиза Калитина, за которой ухаживал Лаврецкий, это герои романа «Дворянское гнездо» Тургенева.

Калитина – псевдоним, настоящая фамилия Смирнова, Лаврецкий помещик, его настоящая фамилия Боярышников. Когда у них возник разрыв, Лиза ушла в монастырь, где при посвящении в рясофор была наречена Серафимой, в последствии была избрана игуменьей...»⁴

В письме к А.М.Горькому, отправленному в 1926 году из Чехословакии, Иосиф Каллиников еще раз обращался к вопросу о прототипах, внося некоторые уточнения и дополнения в запись 1907 года:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

С удовольствием прочитал книгу о Тургеневе. Для меня его роман «Дворянское гнездо» всегда был живым. В нем описывается Орел. Между прочим, Львов-Рогачевский пишет, что образ Лизы Тургеневым взят с Лизы Шаховой. Давно еще меня интересовали герои «Дворянского гнезда», и местные старожилы мне говорили, что им пришлось наблюдать этот роман.

Называли семью Соколовых, живших в Орле в том доме, который описывает и Тургенев. Одна из сестер – Шура и была Лизою, потом, как говорили, она была игуменьей Орловского женского монастыря, а ее сестра Лиза вышла замуж в Петербург. Лаврецкий – помещик Болховского уезда – Боярышников. Рядом с домом Калитиных был тоже старый дворянский дом, деревянный, с мезонином, где жил Лемм. Он в дни моей юности сохранил свою окраску, и был цел мезонин с маленьким балкончиком, откуда Лемм бросил ключ Лаврецкому...»² (л.1).

В начале 1930-х годов писатель-изгнанник настойчиво просил родителей выслать из Орла в Прагу необходимые для работы материалы: рукописи орловских сказок, книги Тургенева и Лескова. Когда часть личной библиотеки оказалась в Чехословакии, Каллиников советовал дочери-подростку, обучавшейся в гимназии, чаще писать по-русски и читать произведения Тургенева.⁵ Этот совет остался его духовным завещанием новому поколению эмиграции, не знавшему России и ее культуры.

Искренность подражания

В семейном архиве писателя сохранилась тетрадь его ранних рукописных стихотворений, озаглавленная поэтической строкой – «Души певучие страницы». Здесь собраны послания друзьям, пейзажные зарисовки, обращения к писателям – Н.В.Гоголю и А.В.Кольцову. Открывает тетрадь стихотворение «Памяти И.С.Тургенева», написанное под влиянием творчества К.Д.Бальмонта, который являлся литературным кумиром для провинциального стихотворца-гимназиста. Примечательно, что первый том третьего издания «Полного собрания стихов» поэта-символиста, включавший одноименное стихотворение Бальмонта, был издан в том же 1909 году, которым датировано посвящение Каллиникова.

Как и в произведении-предтече,⁶ в тексте начинающего автора представлен информационный комментарий (предтекст), почти дословно копирующий опубликованный образец, ср.:

«Было прочитано автором 31 октября 1893 года в Москве, в заседании Общества Любителей Российской Словесности, посвященном памяти И.С.Тургенева».

Бальмонт К.Д. «Памяти И.С.Тургенева».

«Впервые читал на вечере, посвященном памяти И.С.Тургенева в частном реальном училище Томашевской, 20 декабря 1909 года».

Каллиников И.Ф. «Памяти И.С.Тургенева».

Процесс ученичества проявляется при установлении межтекстовых связей в рассматриваемых произведениях. Оба поэта представляют тургеневских героев видениями-теньями прошлого. У Бальмонта – это «знакомые причудливые тени» (перечисление имен охватывает почти две строки: «Елена, Маша, Лиза, Марианна // И Ася ...») У Каллиникова «живые

тени» (Ася, Лиза, Наташа, Рудин, Лаврецкий, Базаров) проходят перед читателем, получая краткие индивидуальные характеристики.

В стихотворении Бальмонта литературные герои вызваны к жизни «чистым нежным гением». У начинающего поэта Тургенева – это «художник слова, русский чародей», владеющий «пером волшебным». В рассматриваемых произведениях великий романист выступает борцом за народное освобождение:

И слился ты с той светлою плеядой,
 Пред чьим огнем рассеялася тьма,
 Пред чьим теплом растаяла зима;
 Нахлынули борцы живой громадой, -
 И пала крепостничества тюрьма.

К.Д.Бальмонт.

Земляк Тургенев, с светлою душою,
 Зовет в борьбу за счастье людей.

И.Ф.Каллиников.

Текстовые взаимосвязи отчетливо проявляются в итоговой (обобщенной) характеристике писателя-классика. При этом идентичные повторы оказываются в совпадающих позициях: «... Но ты, наш друг, *учитель и поэт*, // Средь нас живешь!» (Бальмонт) и «Привет тебе, *учитель и поэт*» (Каллиников). Юный автор заимствовал у «мэтра» стихотворный размер (5-стопный ямб), но воспроизвести сложную систему рифмования в пятистишии ему не удалось, и он обратился к более простой строфической (катрен) и рифменной организации.

В стихотворении «Памяти И.С.Тургенева» книжная риторичность Бальмонта исчезает, когда поэт, обращаясь к импрессионистической технике, изображает усадьбу и душевные переживания героев:

.....
 Дворянских гнезд заветные аллеи.
 Забытый сад. Полузаросший пруд.
 Как хорошо, как все знакомо тут!
 Сирень, и резеда, и эпомеи,
 И георгины гордые цветут.

Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
 За рощей чуть горит луны эмаль.
 И в сердце молодом встает печаль.
 И слышен чей-то странный, грустный шепот.
 Кому-то в этот час чего-то жаль.

.....

Примечательно, что только эти две строфы включены в сборник «Усадьба в русской поэзии». При этом строка «Дворянских гнезд заветные аллеи...» вынесена в заглавие всей книги.⁷

«Благоуханную красоту» и стремление к вечному пытался выразить и Каллиников. В его стихотворном посвящении Лиза, проходящая «с поникшей головою», предстает окруженной природными образами. Поэтические строки юного автора раскрывают восторженное восприятие заповедного места на берегу Орлика, обладающего целительной силой. Это самые светлые страницы во всем творчестве писателя.

При прочтении забытого стихотворения, невольно возникают исторические сопоставления. Трепетное чувство гимназиста-стихотворца, который в начале XX-го века безыскусно-подражательно, но искренне размышлял о чудодейственности отечественной культуры, соотносится с рассудочным хладнокровием чиновника-временщика, святотатствующего на пороге тысячелетия в неистовом беспамятстве.

2. Реминисценции забытого стихотворения

Среди неопубликованных материалов семейного архива Каллиниковых сохранилось стихотворение «Люблю я этот сад...», включенное в сборник «Лепестки цветов». Проникновенные строки поэта-земляка раскрывают поиски художественной выразительности, характерные для модернистской поэтики.

Осознавая сложность и рискованность установления взаимосвязей литературного произведения (особенно лирического) с внехудожественной действительностью, попытаемся ответить на вопрос: каков реальный (нелитературный) прообраз объекта изображения в стихотворении. Пространственно-временные координаты в тексте выражены с художественной неопределенностью. Значимой оказывается авторская помета в конце стихотворения: «5 (18) – V – 18 г. Орел». Это уточнение позволяет предположить, что Каллиников изобразил «городской публичный (Шредерский) сад», основанный «в 1823 году на левом берегу Оки, напротив Петропавловского кафедрального собора и дома вице-губернатора».⁸ Узнаваемы традиционные образы-детали: дорожки, аллеи, беседки, скамьи... Важным маркером-определителем топонимической характеристики является образ фонтана.

Однако нам представляется, что «старый сад» у Каллиникова – это образ обобщенный. В связи с этим следует вспомнить, что в Орле существовал и другой общественный сад – Дворянское гнездо, открытый в 1903 году Обществом любителей изящных искусств. Краевед-исследователь К.А.Седойкина в статье «Дворянское гнездо. Конец XX века», рассматривая уцелевший в архиве «Проект на постройку деревянного дома со службами на месте полковницы Марии Ивановны Оберг», отмечала: «Чертежи проекта изображают весь участок усадьбы «Дворянское гнездо» в его современном очертании, с четким зонированием: обширный квадратный двор с

постройками и *большой сад*, спускавшийся к обрыву над р. Орлик и к оврагу». И далее: «Тип сада – пейзажный, то есть созданный самой природой, несколько подправленный руками людей: проложены и посажены липовые аллеи, сделана видовая площадка и беседка (она видна на листе проекта 1855 г. – д. 966),⁹ устроены цветники (выделено нами – Г.Т.) Вероятно, черты этого живописного ландшафта также отражены в стихотворении «Люблю я старый сад...» Некоторые основания для такого предположения дает сопоставление рассматриваемого произведения с описанием Дворянского гнезда в письме поэта к А.М.Горькому. Выделим в тексте этого послания повторяющиеся образы-детали:

«В прилежавшем к дому Калитиных САДУ в мое время был устроен общественный САД, где устраивались игры для детей. Была и СТАРАЯ липовая АЛЛЕЯ. САД окружен был простым деревянным ЗАБОРОМ. И в конце его были ворота с калиткою, выходявшие в поле, к реке, где бродил Лаврецкий и, найдя открытой калитку, вошел в САД. В САДУ была в самой глуши СКАМЕЙКА, называвшаяся Тургеневской, где, по преданию, любил сидеть Тургенев, бывая у Калитиных...»² (п.1)

Устанавливаются межтекстовые связи между стихотворениями И.Ф.Каллиникова «Люблю я старый сад...» и В.Адольфа «Дворянское гнездо».¹⁰ В этих текстах помимо идентичных и варьируемых деталей-повторов (САД, АЛЛЕИ, ТЕНИ, ПЛЕТЕНЬ/ОГРАДА...) проявляется сходство отдельных характеристик. Так, мотив тишины и покоя («дорожки ТИХИЕ», и «в ТИШИНЕ аллеи», «в ТИШИИ», «все ТИШИНЫ полно»...) пронизывают оба стихотворения. Однако главное – это общность идейного замысла стихотворений: прошлое (УВЯДШЕЕ у Каллиникова и ОТЗВУК МИНУВШЕЙ КРАСОТЫ у Адольфа) слито с настоящим, ср.:

И в этой тишине увядшее так близко...

И.Ф.Каллиников.

И всё кругом полно вечерним настроеньем,

И чудным отзвуком минувшей красоты.

.....

И в душу крадется воскреснувшее что-то,

Тот прежний, чудный мир, который так далек.

В. Адольф.

В контексте творчества Каллиникова, ориентированного на традиции символизма, овеянная легендами старая городская усадьба с видениями-теньями прошлого (Дворянское гнездо) и кладбище («На кладбище», «Старое кладбище») являются семантически сближенными образами. Примечательно, что в автобиографии писателя появляется образ «кладбище-сад»: «... Жизнь кладбища я наблюдал с детства, мой дед был дьячком кладбищенским 58 лет. *Кладбище-сад* мне знакомо до мелочей»¹¹ (выделено нами – Г.Т.). Угасшая жизнь человека и ушедшее в прошлое историко-культурное явление хранят

глубокую тайну. Детали «увядшего»: темный крест и прогнившая ограда, заброшенные могилы и заброшенный фонтан, пыль, тень, инициалы на старых скамейках... - это не признаки забвения, а знаки иного бытия. Отсюда отождествление смерти со сном. Памятник историко-культурный (заброшенная усадьба, старый публичный сад) и ритуальный (могильный крест, пирамиды) является звеном между настоящим и вечным. Это символ, свидетельствующий о прикосновении к сокровенному («И так душа мне здесь понятна...») и слиянии земного с таинственно-небесным («И примиряет жизнь с туманной в жизни далью...»).

Думается, что выделенные реминисценции забытого стихотворения, сливающие несколько объектов изображения в единый художественный образ, позволяют полнее понять мироучствие поэта-земляка.

3. Новая жизнь тургеневской героини

Случайно ли оказались одноименными главные героини «Дворянского гнезда» И.С.Тургенева и «Бобров»¹² И.Ф.Каллиникова? Продолжая постабальную линию классического романа-предтечи и художественно «переволпощая» Лизу Калитину в Елизавету Петровну Бобровскую, писатель-эмигрант раскрывает свое отношение к дворянству как социально-политическому и духовно-нравственному явлению. Кроме того, отношения Лизоньки и Евгения в «Бобрах» соотносятся с семейно-психологической трагедией самого писателя. Рассказывая о замысле романа в письме к А.М.Горькому, Каллиников подчеркивал: «Бобры» мне близки потому, что в типе Евгения Бобровского я попытался показать, *анализируя свое чувство*, состояние человека, живущего с мертвецом-Лизонькой и мыслимое разрешение этого состояния с Устиньей»¹³ (выделено нами – Г.Т.).

Автобиографическая направленность произведения раскрывается в переписке И.Ф.Каллиникова с Н.А.Каллиниковой (во втором браке Герасимовой). Так, в письме 1930 года автор «Бобров» с болью и горечью признавал: «То, что случилось между нами, никогда не поправимо. Никогда не забуду дворянской сводни и ее психологии, так повлиявшей на твой внутренний, подсознательный мир». И далее: «Никак не дождусь «Бобров», до сих пор «Петрополис» не прислал авторских. «Бобров» я пришлю тебе с надписью, потому что в них ответы наших переживаний, хотя бы и не вполне верно показанных, потому что писались они еще в тот период, когда созревало наша несчастье».¹⁴

Елизавета Бобровская – представительница старинной фамилии, наследница родового дворянского гнезда. С тургеневской героиней ее сближает не только имя и социальное положение, но и трагедия, связанная с любовной коллизией. Если разлука с возлюбленным приводит Лизу Калитину в монастырь, то хозяйка бобровской усадьбы, выйдя замуж, не обретает семейного счастья. Писатель подчеркивает, что истоками душевной драмы Бобровской являются не внешние роковые обстоятельства, а наследственные черты характера аристократки.

В композиционной структуре романа оппозиция «холопское – барское» является ключевой. «Холопство крови» и «мужицкой помеси» поповской семьи противостоит «кровь барская», «господская спесь», «бобровская удаль». В романе повторяющееся определение «дворянский» наполняется негативным смыслом, ср.: «дворянская честь», «дворянская гордость», «дворянский гонор», «дворянская фанаберия»... Отчетливо это проявляется в характеристике героини: «Лизонька – горячая девушка, непокорная, отдастся кому – навсегда, и что бы не было, не уйдет, не бросит – ради гордости своей не захочет посмещением быть всему дворянству – до конца вытерпит, жизнь свою искалечит, - не пожалуется, гонор в ней Бобровский».

Пленница нового дома («тюрьмы», «клетки»), барыня-попадья теряет не только былую внешнюю красоту, но и оказывается душевно опустошенной. Художественные детали фиксируют постепенно угасающую жизнь героини – жизнь физическую («взгляд застывший, каменный», «холодные стеклянные глаза», «холодные дрожащие губы», «пустой и беззвучный голос»...) и жизнь духовную («...пусто в душе, все выгорело»). Роковым возмездием воспринимается бесплодие героини («Пустоцвет горький!»). В раскрытии характера героини усиливается мотив безжизненности: «покорность мертвого тела», «слова неживые», «мертвая», «Мертвец!» Только с утратой рассудка Лизонька избавляется от наследственного (классово-родового, по Каллиникову) высокомерия и гордыни, обретая смирение-безразличие. Приговором прошлому, связанному с отрывом от земли и от народа, звучат гневные слова Евгения: «... Все у вас, у дворян, умерло, сгниваете живо!»

Таким образом, в романе «Бобры» И.Ф.Каллиников, писатель новой историко-культурной эпохи, вступает в полемику с И.С.Тургеневым и его героями. Образ Лизоньки Бобровской соотносится с Лизой Калитиной, выступавшей для писателя-изгнанника художественным прообразом-аптиподом, и (при определенной степени условности) с нелитературным прототипом – личностью потерянного близкого друга (жены). В конце произведения размышления одной из героинь – Саши, связанные с судьбами Лизы и Евгения Бобровских, раскрывает авторскую позицию: «... Невинны вы оба, виновато за вас прошлое, родовое».

Примечания

Автор статьи выражает признательность администрации и сотрудникам Орловского государственного литературного музея И.С.Тургенева (далее – ОГЛМТ), Российского литературного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Архива А.М.Горького при Институте мировой литературы имени А.М.Горького Академии наук за предоставленную возможность изучения архивных фондов и содействие в исследовании творчества И.Ф.Каллиникова.

1. Умер И.Каллиников [Искролог] // Последние новости. Париж, 1934. 11 мая. № 4796. С. 5.
2. Архив А.М.Горького, КГ-П-33-5-61, л.1.

3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений. В 12 томах. Т. 3. СПб.: Издание А.Ф.Маркса, 1898. ОГЛМТ, ф.51, оп.1.49, ед.хр.10684 оф. Публикуется впервые. С.189, обложка.
4. РГАЛИ, ф.267, оп. 2, ед.хр. 1.
5. ОГЛМТ, ф.51, ед.хр.20831/15 оф.
6. Бальмонт К.Д. Стихотворения. – Л.: Сов.писатель. Ленинградское отд., 1969. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе изд.)- С. 86-87.
7. «Дворянских гнезд заветные аллеи...» Усадьба в русской поэзии. – М.: Книга, 1994.
8. Федоров С.И. Очерки архитектуры Орла. – Тула: Приокское книжное изд., 1991. - С. 23.
9. Тургениана. Сборник статей и материалов. Под общей редакцией Г.Б.Курляндской. Составители Л.А.Балыкова, Л.В.Дмитрюхина. Отв. редактор В.В.Сафронова. / Государственный литературный музей И.С.Тургенева. – Орел, 1999. – Выпуски II-III. - С. 243, 246.
10. Адольф В. Дворянское гнездо // Орловский вестник. Орел, 1913. 3 июня. № 127. С. 2.
11. Архив А.М.Горького, КГ-П-33-5-39, л.1.
12. Калинин И.Ф.Бобры. – Лейпциг: Петрополис, 1926.
13. Архив А.М.Горького, КГ-П-33-5-33, л.1.
14. ОГЛМТ, ф.51, ед.хр.20829/35 оф.

ПУБЛИКАЦИИ

Неизвестные стихотворения И.Ф.Калиникова

ПАМЯТИ И.С.ТУРГЕНЕВА

Передо мной встают живые тени
 Пером волшебным созданных людей,
 И мысль свою они несут лелея
 О счастье лучших, светлых в жизни дней.
 С душой невинной, с чистым ясным взором
 И с нежным блеском утренней зари
 Проходит Ася. Кудри вяются шелком,
 Как ореол нетронутой души.
 Передо мной с поникшею главою,
 С склоненным тихо взором, полным грез,
 Проходит Лиза мерною стопою,
 Зовет под тень аллеи из липы и берез,
 Чтоб там учить нас верить и молиться,
 Отдать благоуханной красоте
 Залог любви и к вечному стремиться,
 Хранить нам совесть чистую в душе.
 А там Наташа с бодрой душою
 И с верой в жизнь, готовая в борьбе
 Служить поддержкой, жертвовать собою
 Идет, бросая вызовы судьбе.

А рядом с ними с светлыми мечтами,
 С потоком речи страстной о любви
 Проходит Рудин, всех зовет за счастьем,
 За светом солнца – братства на Руси.
 Один на перепутни Лаврецкий
 Стоит в раздумье молча пред борьбой,
 С душой прямой, открытою и честной
 И приговор он ждет свой роковой.
 Идет на помощь ближнему Базаров,
 Готовый жизнь всю делу посвятить;
 В простой народ идет, идет к крестьянам
 И учит жизнь свободную любить.
 И наконец проходит предо мною
 Художник слова, русский чародей,
 Земляк Тургенев, с светлою душою,
 Зовет в борьбу за счастье людей.
 Привет борцу, учителю свободы!
 Земли родной несущей тебе привет:
 Прими его от русского народа!
 Привет тебе, учитель и поэт
 1909 г.

Люблю я этот сад, -
 Дорожки тихие, погнившую ограду,
 И в тишине аллеи знакомую прохладу,
 И солнечный наряд.
 Заброшенный фонтан, уснувшая беседка,
 На золоте песка теней резная сетка
 И в полдень сонный сад...
 Скамейки старые покрыты тонкой пылью
 С инициалами – когда-то нежной былью
 В капризах балюстрад.
 И в этой тишине увядшее так близко,
 Таинственно, как тень в бессмертном обелиске
 И в прошлом колоннад...
 Здесь песен нет, но все поет печалью
 И примиряет жизнь с туманной в жизни далью.
 И тянет в старый сад.
 1918 г.

СТРАСТИ ВОКРУГ «ДОМА КАЛИТИНЫХ»

Стремление к мемориализации памятных тургеневских мест в Орле имеет давние традиции и многолетнюю историю. Изустные свидетельства об этом относились уже к 80-м годам XIX века. А с 1903 года, с того момента, как в живописнейшем месте Орла на Дворянском гнезде был установлен бюст И.С.Тургенева, это место стало почитаться поклонниками таланта писателя наравне со Спасским-Лутовиновым. Долгие годы Дворянское гнездо сохраняло колорит старого Орла, Орла времен Грановского, Тургенева, Лескова, Бунина.

В первые десятилетия XX в. облик Дворянского гнезда, по сути дела, остался без изменения. Понятно, что естественный ход событий, а также революция 1917 года, гражданская война, а затем и Великая Отечественная война, оккупация города не могли не повлиять на внешний вид старинных особняков и на ухоженность садов. Многие дома были национализированы, владельцы их уехали из Орла, другие постарели и т.д. Однако, общий «дух» еще оставался. Помню, как в 40-е и начале 50-х годов мы, тогда старшеклассники и студенты, ходили в эту часть города, и это было для нас как бы «путешествие в другой мир».

В конце 60-х годов XX века на территорию Дворянского гнезда начинает внедряться новое строительство. В 1973 году была построена областная больница. Для детей, наверное, это было хорошо, но для сохранения ауры Дворянского гнезда строительство больницы отнюдь не было благом. Строительство как бы послужило сигналом для последующих новостроек.

В это время принимается ряд постановлений о довольно большом количестве сноса старых домов и новом строительстве.

В начале 80-х годов был построен инженерный корпус часового завода (в настоящее время медицинский факультет университета). Неоднократно с инициативами расширения своего здания выступал машиностроительный институт, но то, что не удалось этому институту, «наверстал» потом разместившийся в этом здании коммерческий институт. В 70-е – 80-е годы выходит большое количество различных бумаг, с одной стороны разрешающих, с другой стороны запрещающих новое строительство на территории Дворянского гнезда.

Из этого большого «бумажного потока» назовем два постановления: решение орловского горисполкома от 1 февраля 1985 г. № 61 «Об утверждении проекта охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры», в соответствии с которым Дворянское гнездо объявлено охранной зоной, и решение орловского облисполкома от 27 января 1987 г. № 33 – «О мерах по улучшению охраны, использования и содержания памятников истории и культуры», по которому Дворянское гнездо принято на государственную охрану.

Сотрудники музея И.С.Тургенева, литературоведческая общественность города неоднократно на различных заседаниях, в средствах массовой информации поднимали вопрос о состоянии и сохранении Дворянского гнезда.

29 апреля 1992 года решением орловского горсовета за № 2 было принято постановление «О разработке проекта Ленгинпрогором мемориальной зоны г.Орла» (очень большое внимание уделялось в нем Дворянскому гнезду). Очередное начало было положено постановлением мэра города от 16 июля 1992 г. 15 июля 1993 г. решением Малого совета города Дворянское гнездо объявляется историко-культурным и природно-ландшафтным заповедником. Велись работы по его благоустройству. Был проведен ремонт фасада Дома № 1 по улице Октябрьской («Дом Лизы Калитиной»). Во время этого ремонта очищен от многолетних наслоений цоколь дома, сделан около дома тротуар, вблизи (напротив дома) установлен памятный знак – большой камень-валун с надписью: «Памятник истории и культуры, ландшафтный сквер Дворянское гнездо. Охраняется государством».

Погожим сентябрьском днем (3 сентября 1993 г.), в день 110-летия со дня смерти писателя на этом месте в присутствии мэра г.Орла А.Г.Кислякова и других официальных лиц состоялся большой литературный праздник, посвященный памяти И.С.Тургенева.

После этого события литературная общественность считала, что на Дворянском гнезде не будет вестись нового строительства, а «дом Лизы Калитиной» отреставрируют, и он станет музеем, где будет открыта экспозиция, посвященная «образам тургеньевских девушек». Но жизнь распорядилась по-другому. Состоявшаяся в стране «перестройка» создала много коммерческих структур, которые с энтузиазмом начали вести строительство жилых зданий (что само по себе хорошо), но обязательно (что, естественно, плохо) в традиционно памятных местах города. И особенно лакомым местом стало Дворянское гнездо. За короткий срок были снесены многие дома старой застройки XIX века на улицах Салтыкова-Щедрина, Горького. Общественность выступала с протестами. Наконец, добрались до «Дома Лизы Калитиной». Наступил 1999 год. Стали носиться слухи о сносе калитинского дома. Литературно-краеведческая общественность забила тревогу. С устными и письменными запросами стали обращаться в различные инстанции. Ответы, если и приходили, то носили весьма обтекаемый и противоречивый характер: то писали, что слухи бездоказательны, то, что планируется провести капитальный ремонт дома, что это делается по просьбе жильцов этого дома и т.д. и прочее.

Сотрудники литературных музеев, журналисты, преподаватели орловских вузов, сотрудники научно-производственного центра охраны памятников управления культуры, члены Тургеньевского, краеведческого обществ, активисты областного общества охраны памятников истории и культуры буквально поднялись на борьбу за сохранение «Дома Лизы Калитиной». Особенно целеустремленный, отчаянный и, не побоюсь сказать,

страстный характер носила эта борьба в течение мая 2000 – мая 2001 года. Речь шла уже не только об этом конкретном доме, но о памяти Тургенева, о Памяти вообще...

Началом систематической борьбы за сохранение «дома Лизы Калитиной» послужило письмо под броским заголовком «Хотим знать правду», опубликованное 19 мая 2000г. на первой странице газеты «Орловская правда» и подписанное известными в Орле представителями литературы и культуры.

Надо отдать должное средствам массовой информации. Каждое слово протеста, каждое «деяние» властей, направленные на снос дома находили отклик и становились известны всем жителям города. Особенно драматический характер приняли события в октябре 2000 г., когда работники ЖЭУ по указанию свыше начали под лозунгом «срочный ремонт» снимать с дома двери и оконные рамы. Эта акция вызвала у орловцев буквально шок. Группа краеведов, музейщиков, писателей немедленно пошла в мэрию, к председателю городского совета депутатов, на телевидение и т.д. Акт вандализма был приостановлен.

Газеты «Орловская правда», «Поколение», «Орловский вестник», радио, телевидение постоянно держали под наблюдением события, разворачивающиеся вокруг «дома Лизы Калитиной». Приведем заголовки некоторых статей: «В Доме Калитиных гостят ветер да бомжи...» «Тургенев пил чай... в доме Лизы Калитиной», «Дворянское гнездо: идеал, вознесенный поэзией», «Сохраним ли связь времен?», «Неравный брак: мэр и «Дворянка», «Дворянские страсти», «Что ожидает дом Лизы Калитиной?», «Последняя осень «Дома Лизы Калитиной», «Сердце Орла «Дворянское гнездо», «Полет над гнездом дворянским», «Что оставляем мы себе, сжигая в прошлое мосты?», «Заповедная земля неприкосновенна», «Что нам стоит дом построить... и снести», «Мэрия очищает город от ... памятников», «Красевды выходят в пикет», «И не утратит время позолоты», «Ученые бьют тревогу», «Орел – город без памяти», «И снова о заповедном «Дворянском гнезде» и другие.

Среди этих публикаций хочется обратить внимание на открытое письмо главе администрации области председателю Совета Федерации России Е.С.Строеву, опубликованное в газете «Орловская правда» за 7 июня 2000 года от известных ученых-историков, архитекторов – членов Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (представителей Москвы, Петербурга и других городов страны) – «Капля долбит камень», кажется, так произошло и в данной ситуации – все публикации, походы на приемы в высокие инстанции и даже митинги дали свои результаты.

6 марта 2001 года газета «Орловская правда» опубликовала сообщение о том, что депутаты Областного совета утвердили список вновь выявленных объектов, зданий и сооружений, которые нуждаются в госохране как памятники истории и архитектуры; среди других объектов был назван и дом № 1 по Октябрьской улице ...

Может возникнуть вопрос; почему же так долго этот дом не был взят под государственную охрану как памятник. Наверно, может быть много ответов: и то, что взятие под охрану – крайне рутинная и черновая работа, требующая много бумаг и времени, и то, что взятие на охрану часто отнюдь не спасает от сноса, и то, что «... пока гром не грянет, мужик не перекрестится...»

Будем считать, что в данном случае можно сказать: «все хорошо, что хорошо кончается». 19 мая 20001 г. «Орловская правда» опубликовала решение Орловского городского совета народных депутатов от 26 апреля 2001 года О передаче жилого дома № 1 по ул. Октябрьской (Дом Калитиных) на баланс государственного учреждения – Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры.

... Теперь уже на дворе осень. Все страсти как бы улеглись, все формальности-официальности соблюдены, а на душе грустно. Старые дома, как и старые люди чем-то похожи друг на друга. Есть «сырые» и больные, а есть ухоженные и присмотренные. Пока «Дом Лизы Калитиной» стоит с забытыми дверями и окнами, нет делового разговора о проектной документации, о реставрации, о будущем... Хочется, однако, верить, что это будущее будет, и оно не за горами.

Г.Н.ПАВЛОВА

ДОМ НА ГЕОРГИЕВСКОЙ В ОРЛЕ

18 февраля 1946 г. в Орле, в доме № 11 на Тургеневской улице состоялось торжественное открытие «Литературного филиала» музея И.С.Тургенева (мемориальная часть музея с 1918 г. размещалась в соседнем здании). Старинный дворянский особняк был передан музею вскоре после освобождения Орла от немецких оккупантов. Его историей впоследствии занимались орловские краеведы и сотрудники музея Р.М.Алексина, Л.В.Иванова, К.А.Седойкина, которые установили, что дом на бывшей Георгиевской улице был построен в 1856 году по заказу дворянки В.Ф.Мацневой, проект постройки принадлежал известному архитектору И.Ф.Тибо-Бриниолу. За годы его существования дом неоднократно продавался, сдавался в наем. В разное время здесь жили представители орловских дворянских семей: Мацневые, Осиповы, Ржевские, Шеншины, Арбузовы, Стеллинги другие.

Из большого списка фамилий, наверное, наиболее интересны Ржевские, владевшие этим домом в последнюю четверть 19 века. Зная, что род Ржевских был самым древним и самым славным среди предков А.С.Пушкина, я решила установить не являлись ли владельцы орловского особняка родственниками великого поэта. В своих поисках я обратилась к документам Государственного архива Орловской области и публикациям в журналах 19 века. Огромную помощь оказала мне петербургская исследовательница, доцент института им. Репина, автор книги «Забывшие

родственные связи А.С.Пушкина» (Л., 1981 г.) Н.К.Телетова, приславшая мне машинопись своей работы о Ржевских и родословную Пушкиных-Ржевских. Внимательно изучив собранные материалы, я пришла к выводу, что пушкинскую родословную можно пополнить орловцами Ржевскими, жившими в наших краях, как гласят местные легенды, почти до середины 20 века.

Как известно, самым замечательным представителем рода Ржевских был московский дворянин Иван Иванович Ржевский (1615-1678), пращур А.С.Пушкина (т. е. отец прапрадеда). Его мать происходила из рода Милославских. Когда в 1648 году царь Алексей Михайлович женился на М.И.Милославской, все родственники невесты получили подарки в виде званий, должностей, земель и т.п. Для Ржевских таким подарком стали земли в окрестностях старинного города Болхова, что в 60 км от Орла, переходившие потом по наследству от одного поколения к другому.

И.И.Ржевский в течение 30 лет служил Отечеству верой и правдой. Был он думным дворянином, окольным, воеводой в разных городах России. А в 1678 году его отправили в Дикое поле, оборонять южные границы России от турецких войск, назначив воеводой опустошенной перед тем крепости Чигирин, где 3 августа того же года он погиб от разрыва неприятельской гранаты. Тело его перевезли в Болхов и похоронили в Николаевском приделе Спасо-Преображенского собора, выстроенного Ржевскими.

У Ивана Ивановича Ржевского осталось трое сыновей: Алексей (1638-1690), Тимофей (1640-1705) и Иван (1653-1717), - каждый из которых дал начало новой ветви рода Ржевских.

Иван Ржевский избрал себе в жены знаменитую князь-игуменью петровских времен Дарью Гавриловну Соковнину, которая вместе с шутом Тургеневым была участницей царских шутовских потех. Среди их потомков – декабрист З.Г.Чернышев (1797-1862) и Н.П.Голицына (1741-1837), послужившая прообразом старой графини в «Пиковой даме» А.С.Пушкина. Семья княгини Голицыной владела одним из сел вотчины Ржевских – селом Льгов, которое так поэтично описал И.С.Тургенев в «Записках охотника».

От ветви Тимофея Ржевского (погиб в Астрахани при подавлении восстания стрельцов, похоронен рядом с отцом в том же болховском соборе) произошел родившийся в 1811 году публицист и деятель крестьянской реформы В.К.Ржевский, знакомый И.С.Тургенева.

А родословная линия старшего сына И.И.Ржевского Алексея приведет нас к А.С.Пушкину и к владельцу интересующего нас дома – Г.К.Ржевскому: бабушка поэта М.А.Ганнибал и дедушка Г.К.Ржевского А.А.Ржевский – троюродные сестра и брат.

Григорий Константинович Ржевский (1820 г. – ок. 1888 г.) родился 29 апреля 1820 года в Москве, крестили его в Пречистенской фамильной церкви.¹ Как и многие в этой семье, он поступил на военную службу. С 1842 года – поручик.² В 1855 году во время формирования в Орловской губернии дворянского ополчения Григорий Константинович подал прошение об

освобождении от службы, в связи с тем, что он «страдает падучей болезнью в следствии повреждения спинного мозга» и поэтому часто живет в Орле, где находится на лечении.³ В 1870 году штаб-ротмистр Г.К.Ржевский – гласный болховской земской управы от землевладельцев.⁴ По «Окладным книгам о сборах налогов» Г.К.Ржевский с 1879 года упоминается как владелец дома в Орле.⁵ Как установили Л.В.Иванова и Р.М.Алексина, это именно тот дом, в котором в настоящее время располагается музей И.С.Тургенева.

В 1888 году в доме Ржевского на Георгиевской улице снимал жилье родственник поэта А.А.Фета председатель Орловской губернской земской управы Пармен Петрович Шеншин.⁶

Точно неизвестна дата смерти Г.К.Ржевского, но по документам 1889 года он указан уже как умерший.

В 1890 году владелицей дома названа действительная статская советница Аграфена Егоровна Ржевская.⁸ Аграфена Ржевская – вдова хозяина дома, бывшая крестьянка с.Селихова. 15 февраля 1891 года газета «Орловский вестник» сообщила, что дом, владельцем которого является уже сын Ржевского Александр Григорьевич, объявлен к продаже.

Таким образом, из отрывочных данных можно заключить, что Ржевские владели домом в Орле на Георгиевской улице (домом, в котором с 1946 года и по сей день располагается литературный музей И.С.Тургенева) с 1879 по 1891 год. В этом доме жил сам Г.К. Ржевский (кузен А.С.Пушкина в шестом поколении), его супруга и дети Наталья и Александр.

Родовым имением Ржевских было село Спасское Селихово тож, Болховского уезда, Орловской губернии. Оно принадлежало сначала деду Г.К.Ржевского, потом его отцу. К 1860 году владельцем села стал его брат церемониймейстер императорского двора Павел Константинович Ржевский (родился 26 марта 1833 г. в Селихове),⁹ а потом дети последнего: Николай, Елизавета, Мария и Анастасия.

Сестра Г.К.Ржевского Леонида Константиновна (1828-1906) была женой Орловского вице-губернатора 1853-1857 г.г. Николая Петровича Вульфа(1827-1890), двоюродного племянника А.П.Керн, представителя известной дворянской семьи, члены которой входили в дружеское окружение А.С.Пушкина. Леонида Константиновна владела небольшой деревней Валяевкой вблизи с. Селихово. Она была хорошей музыкантшей, и сама сочиняла музыку, в год когдa Россия отмечала 100-летие со дня рождения А.С.Пушкина, она написала несколько романсов на стихи своего знаменитого предка.

Ржевские не были богаты, а в начале 20 века они и вовсе разорились. В 1914 году их имение Селихово назначается в продажу с публичного торга за долги.¹⁰

Г.К. и П.К.Ржевские были людьми хорошо известными в Орловской губернии. В частности П.К.Ржевский в 1884-86 годах избирался предводителем орловского дворянства.¹¹ Однако, сведения, сохранившиеся о братьях Ржевских, достаточно скудны. Гораздо больше известно о семье, в которой они воспитывались. Их дедушка, бабушка, отец, дядя, двоюродные

братья – люди известные в литературных кругах России. О них стоит упомянуть.

Итак, отец Григория Константиновича Константин Алексеевич Ржевский (1788-1837) и брат отца Павел Алексеевич Ржевский (1783-1852) оба участники войны 1812 года, входили в окружение Василия Львовича Пушкина, который упоминает П.А.Ржевского в своем стихотворении «Ответ именинника на поздравление друзей» (1816 г.)

8 мая 1819 года В.Л.Пушкин писал П.А.Вяземскому о помолвке родителей нашего героя: «Третьего дня Константин Ржевский помолвил на дочери генерала Колокольцева, который купил Берхманов дом, что на Кисловке, - ничего я тебе сказать не могу, что от такое. Невесте шестнадцать лет – брови черные дугой – и собою прекрасная. Ржевский в день помолвки в первый раз въехал в дом. Это все сделалось <экспромтом>». ¹² В сентябре 1819 года В.Л.Пушкин был на обеде у молодых супругов.

Константин Алексеевич Ржевский «в службу вступил <...> в 1803 году <...> и проходя таковую по Гражданской и по Военной части» ¹³ к 1831 году достиг чина действительного статского советника, будучи камергером и кавалером ордена Св. Анны II и IV степеней и ордена Св. Владимира IV степени. За участие в войне 1812 года он был награжден медалью «В память вступления Российских войск в Париж». В 1831 году он вышел в отставку, и славно зажил в своем орловском имении Селихово вместе с женой Елизаветой Григорьевной и детьми: Григорием, Глафирой, Леонидой и Павлом.

Пожалуй, меньше всех жила в Селихове старшая их дочь Глафира (род. ок. 1822 г). Это имение досталось К.А.Ржевскому от отца Алексея Андреевича Ржевского, т.е. дедушки Г.К.Ржевского.

Алексей Андреевич Ржевский (1737-1804) русский писатель, поэт, масон и общественный деятель XVIII века, добрый знакомый и друг А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова, Г.Р.Державина. В 1772 году он исполнял должность директора Академии Наук, в 1783 году возглавлял Медицинскую коллегию. Был тайным советником, камергером, сенатором, имел награды за службу. Во время царствования Павла I Ржевский впал в немилость и был отстранен от службы. 23 апреля 1804 года скончался. Прах его похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Несмотря на огромную общественную деятельность, до самой глубокой старости А.А.Ржевский занимался литературным творчеством, писал притчи, загадки, сказки, эпиграммы, оды, элегии, сонеты, мадригалы, которые публиковались в «Ежемесячных сочинениях», «Трудолюбивой пчеле», «Полезном увеселении», «Свободных часах».

А.А.Ржевский был дважды женат. Обе его жены были выдающимися личностями.

Первой его женой была Александра Федотовна Каменская (1740-1769), сестра фельдмаршала М.Ф.Каменского, основателя Сабуровской крепости под Орлом. Ее называют второй по времени русской писательницей (первой является ее подруга Е.А.Сумарокова-Княжнина). Ее сочинения пользовались

успехом у читателей. Просвещенные умы сулили ей великое будущее. Но на третьем году супружества, родив первенца Ивана, она скончалась от послеродового заболевания. Через четыре месяца умер и ее ребенок.

Спустя восемь лет после смерти первой жены А.А.Ржевский в 1777 году вступил в брак с Глафирой Ивановной Алымовой (1759-1826) первой по времени и успехам выпускнице знаменитого Смольного института.

Г.И. Алымова родилась девятнадцатым ребенком в семье умершего до ее рождения брянского помещика Ивана Акинфиевича Алымова. Для несчастной матери рождение еще одного ребенка было горем. Она невзлюбила девочку. Детство ее до семи лет прошло в родном доме, после чего ее определили в только что основанное в Санкт-Петербурге Воспитательное общество благородных девиц (будущий Смольный институт). Основатели этого первого в России учебного заведения для девочек видный деятель российского просвещения И.И.Бецкий и сама Екатерина II ставили его главной целью воспитание людей нового типа, развитых, с чувством собственного достоинства.

Известный художник, создатель галереи портретов юных «смольнянок» Д.Г.Левицкий в 1776 году изобразил Г.И.Алымову играющей на арфе, подчеркнув таким образом ее музыкальность. Музыкой с ней занималась великая княгиня Наталья Алексеевна, внучка Петра I.

Своим потомкам Г.И.Алымова оставила очень интересные «Памятные записки». В них она вспоминает о своем одиннадцатилетнем пребывании в Смольном институте как о самом счастливом времени, когда она, благодаря своему живому и веселому характеру, была всеобщей любимицей.

В этот период жизни самым близким человеком стал для нее И.И.Бецкий (1704-1795), удочеривший ее перед светом и называвший ее своим любимейшим ребенком. Но постепенно, девочка выросла и стала красивой девушкой, а отцовские чувства семидесятипятилетнего Бецкого переродились в пылкую любовную страсть, которая «дошла до крайних пределов и не была ни для кого тайной»,¹⁴ доставляя неприятности юной воспитаннице.

Екатерина II назначила Г.И.Алымову для встречи прибывающей в Россию невесты великого князя Павла Петровича, а чуть позже определила ее во фрейлины великой княгини Марии Федоровны.

Неприятности девушки начались в последний год учебы в институте, когда И.И.Бецкий опутал ее сетью интриг, отвергая всех претендентов на ее руку и сердце. И лишь один человек смог достойно противостоять ему: А.А.Ржевский «сдержанный, почтительный»¹⁵ он покорила ее душу и сердце.

Брак их был очень счастливым. Их благополучие воснес в 1780 году друг семьи Г.Р.Державин в оде «Счастливое семейство». У них родилось пятеро детей, которые воспитывались в близкой ко двору среде.

Двадцать шесть лет жизни Г.И.Ржевская отдала придворной службе и вспоминала об этом периоде как о самом тяжелом и сложном: «Имея некоторую гордость душевную, я не поддавалась превратностям судьбы и посреди рабства сохраняла независимость, хотя и носила цепи ими

налагаемые, но только до тех пор, пока это могло быть полезно детям моим, когда же они перестали в них нуждаться, я покинула Двор».¹⁶

О двух ее сыновьях, Константине и Павле, я рассказала выше.

Несколько слов следует сказать о двух ее внуках от дочери Марии Алексеевны, в замужестве Свистуновой (1778-1866) – Петре и Алкссес, они доводились двоюродными братьями Г.К.Ржевскому.

Петр Николаевич Свистунов (1803-1899) кавалергард, участник движения декабристов, член Петербургского отделения Южного общества. 12 декабря 1825 года он был арестован, посажен в Алексеевский рavelин, а после осуждения приговорен к каторжным работам в Сибири. После амнистии, с 1857 года жил в Калужском имении своего отца. Л.Н. Толстой, задумав написать роман «Декабристы» (впоследствии «Война и мир»), обращался к нему за консультацией.

Алексей Николаевич Свистунов (1808-1872) в 1836 году женился на Надежде Львовне Соллогуб (1815-1903) двоюродной сестре писателя Владимира Соллогуба. В 1832 году юная Надежда Соллогуб всерьез затронула сердце А.С.Пушкина, посвятившего ей стихотворение «Нет полно мне любить». Увлечение женатого поэта было столь сильным, что родственники девушки, чтобы избежать скандала, поспешили увезти ее за границу, где она и стала женой А.Свистунова.

Возможно Г.К.Ржевский знал эту историю из жизни своих кузенов и вспоминал ее, живя в орловском доме.

Самой близкой подругой Г.И.Ржевской со времени учебы в институте была Е.В.Рубановская. «С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности, по смерти ея я имела счастье оказать услуги ея семейству, детям и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования. Искусное перо могло бы написать целую книгу о ея добродетелях, несчастьях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих»,¹⁷ – писала Глафира Ивановна о своей подруге.

Елизавета Васильевна Рубановская была сестрой покойной жены А.И.Радищева. Вместе с маленькими детьми писателя она приехала за ним в сибирскую ссылку. Там они поженились, у них родилось еще трое детей. А когда Радищев позволили вернуться из ссылки, семья тронулась в путь, по дороге Елизавета Васильевна заболела и умерла.

Все годы она, Г.И.Ржевская поддерживала связь с семьей, посылала им письма, посылки, заботилась о старших детях писателя, которых он не увез с собой в ссылку, а после смерти подруги взяла на себя заботу обо всех ее детях.

Овдовев, Г.И.Ржевская вторично вышла замуж за савойца И.Б.Маскле, переводчика басен И.А.Крылова на французский язык. Умерла она на шестьдесят восьмом году жизни и похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

На протяжении всей жизни она мало общалась со своими братьями и сестрами, но знала, что один из ее братьев Григорий Иванович Алымов

кяхтский таможенный начальник был женат на сестре поэта В.А.Жуковского Авдотье Афанасьевне Буниной.

Вот такой пласт русской истории и культуры стоит за именем только одного из владельцев старинного дома № 11 по улице Тургенева в Орле. Один слой имен влечет за собой другой, как за ниточку разматывается сплетение людских судеб: ярких и обычных, значимых и не очень.

Когда-то, приезжая в родной город, мимо этого дома проходил И.С.Тургенев и, наверное, не думал, что со временем здесь разместиться музей, посвященный его жизни и творчеству.

В 1990-е годы здание музея обрело пристройку и мемориальную доску, лаконичная надпись на которой скрывает за собою, в числе прочего, и историю представителей пушкинского рода Ржевских.

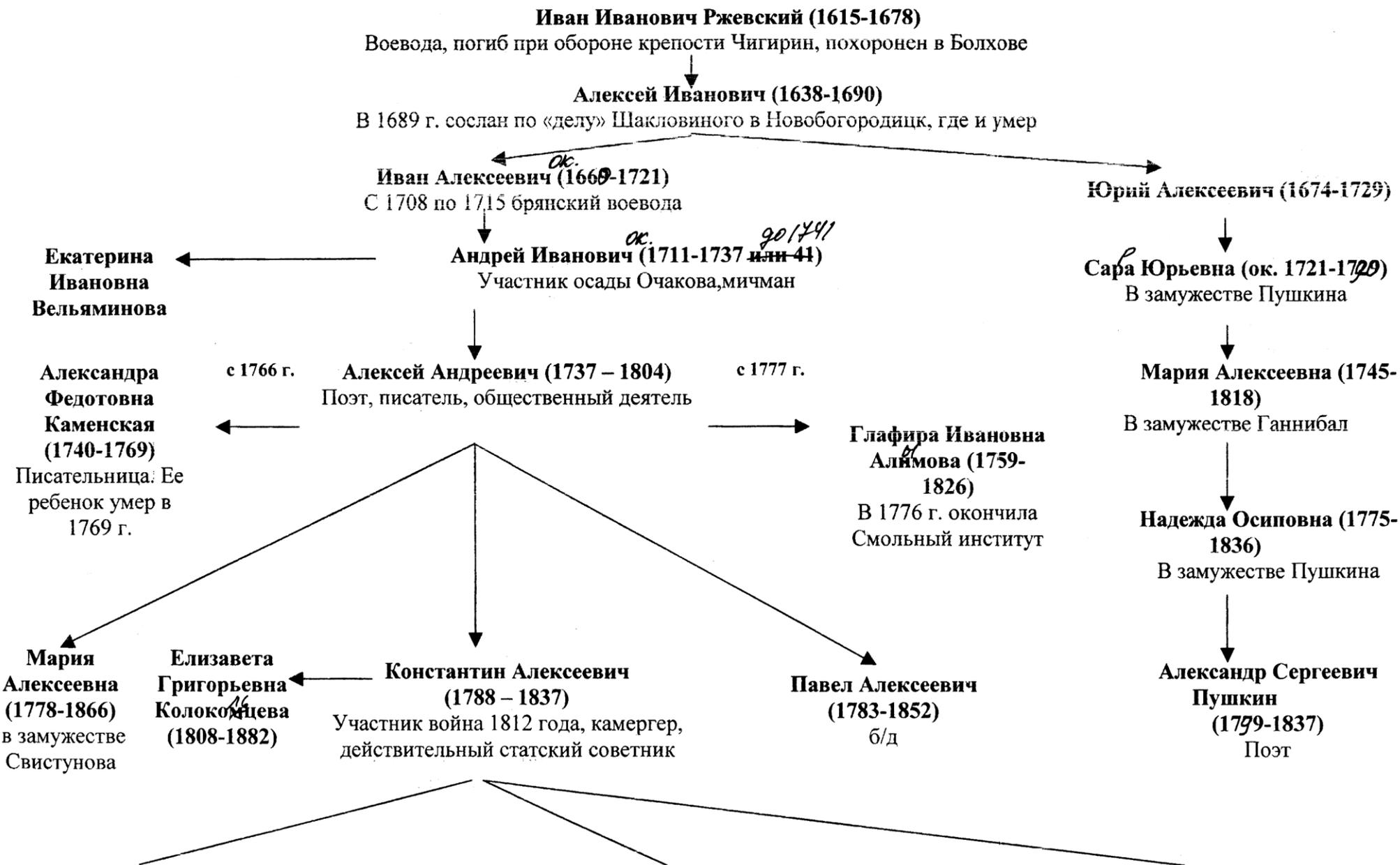
А сколько подобных историй хранят другие старинные дома нашего города. У местных краеведов не всегда хватает официальных бумаг и аргументов, чтобы спасти такие здания, и тогда они исчезают с наших улиц, унося с собою толстовские, есенинские и прочие легенды. И все чаще, мы говорим нашим гостям и экскурсантам: «Когда-то на этом месте стоял дом, в котором жил известный русский...»

Тришелевич
Приложения

1. ГАОО ф. 68, оп. 1, д. 13, л. 132, 1835 г.
2. ГАОО ф. 101, оп. 1, д. 709, л. 74, 1842 г.
3. ГАОО ф. 580, ст. 4, д. 1394, л.л. 79,216,216 об., 1855 г.
4. Адрес-календарь Орловской губернии на 1870 г., с. 63.
5. ГАОО ф. 593, оп. 1, д. 642, л. 184 об., 1879 г.
6. Адрес-календарь Орловской губернии на 1888 г., с. 9.
7. ГАОО ф. 672, оп. 1, д. 5171, л. 62 об., 1889 г. (сообщено Л.В.Ивановой).
8. ГАОО ф. 593, оп. 1, д. 817, л. 48 об., 1890 г. (сообщено Л.В.Ивановой).
9. ГАОО ф. 68, оп. 1, д. 13, л. 132, 1835 г.
10. ГАОО ф. 465, оп. 1, д. 78, л.л. 45,75, 1913-16г.г.
11. Адрес-календарь Орловской губернии на 1915 г., с. 26.
12. В.Л.Пушкин. Стихотворение, проза, письма. М. «Советская Россия» 1989 г. С. 257.
13. ГАОО ф. 68, оп. 1, д. 13, л. 131-134 об., 1835 г.
14. Русский архив № 1, 1871, с. 15.
15. Там же. с. 20.
16. Там же. с. 34.
17. Там же. с. 14.

Литература:

1. Лонгинов М.Н. Супруги Ржевские. Русская старина 1870 г. № 7, с. 78-80.
2. Мордовцев Д.Л. Замечательные исторические женщины на Руси. (2-ая половина XVIII века). СПб. Русское книгоиздательство И.П.Перевозникова 1911 г.
4. Русские портреты 18 19 веков. Издание в.к. Н.М.Романова, т. 2, СПб. 1906 г.



↙
Павел Константинович
(род 26.03.1833 г. в с. Селихово)
Церемониймейстер императорского
Двора, Губернский предводитель Орловского
дворянства в 1884-1886 годах.
Жена ~~Елизавета Сергеевна Щербатова~~
~~Екатери́на Николаевна~~
или ~~Бутурлина~~

↙ ↘ ↙ ↘ ↙ ↘
(1869-ок.1915) 1865 г.р. 1867 г.р. 1871 г.р.
Николай **Елизавета** **Мария** **Анастасия**
Последние владельцы с. Селихова

↓
Григорий Константинович
(29.04.1820 – до 1889)
Штаб – ротмистр в отставке с 1879 г. владелец дома
в Орле на Георгиевской ул.
Жена-крестьянка из села Селихово Болховского
уезда Орловской губ.
Аграфена Егоровна ~~или~~
~~Григорьевна~~

↙ ↘ ↙ ↘ ↙ ↘
Екатерина **Надежда** **Ксения** **Александр** **Елизавета**
б/д б/д **Огурова** **Продан** б/д
Орловский
дом в
1891 г.

↙
Елизавета Николаевна
Головинская (1862 - 1930)
Племянница, б/д
~~Гиссарькина~~

↙
Алексей Николаевич Вульф
(1868 – 1931)
Жена Головина **Наталья**
Сергеевна (1882 – 1956),
внучка вице – адмирала В.М.
Головина
↓
Дмитрий Алексеевич Вульф
(р. 1908 г; Москва)

↘
Леонида (Леонилла)
Константиновна (1828 – 1906)
Муж с 1857 г. – **Вульф**
Николай Петрович (1827 – 1890)
Орловский вице-губернатор
1853-1857 г.г., правнук
орловского губернатора
И.П.Вульфа, двоюродный
племянник А.П.Керн

↙ ↘ ↙ ↘ ↙ ↘
Елизавета **Александр** **Елизавета**
б/д б/д б/д
Федор Николаевич Вульф
(1866 – 1916)
б/д

V

С думой о Тургеневе

А.И.ПОНЯТОВСКИЙ

С Александром Ивановичем Понятовским (1921-1997) я встречалась, начиная с 1955 года, когда в Орле состоялась конференция, посвященная теме «И.С.Тургенев в странах народной демократии и в литературах народов СССР». Она была организована Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР во главе с академиком М.П.Алексеевым и Орловским музеем И.С.Тургенева.

Но не припомню, чтобы общение мое с милым и обаятельным Александром Ивановичем было тогда продолжительным.

16-18 декабря 1961 года в Орле, в музее И.С.Тургенева, под председательством Л.Н.Афонина, директора музея, состоялась тургеневская конференция с участием тургеноведов из Орла, Москвы, Ленинграда и других городов. В издании «Государственному музею И.С.Тургенева 60 лет» (Орел, 1978) читаем: «Проведена Тургеневская конференция. В ней приняли участие ученые Ленинграда, участники академического издания произведений и писем И.С.Тургенева» (с. 28). Речь идет о Е.И.Кийко, которая рассказала тогда о недавно начавшемся издании сочинений Тургенева и о 1-м томе этого издания, который вышел в 1960 году. Помню, что затем я с большим воодушевлением сделала доклад о письмах Тургенева, вошедших в 1-й том писем (1961 г.; обе серии – сочинений и писем – издавались параллельно) и о получении многих новых писем не только из городов нашей страны, но и от зарубежных ученых.

Именно тогда Александр Иванович, главный хранитель музея И.С.Тургенева, человек очень доброжелательный, подарил мне одну ценную фотографию. На ней запечатлены: зал музея, с огромным портретом Тургенева, президиум конференции (Л.Н.Афонин, я и еще два человека, имен которых я не могу припомнить) и выступающая с докладом в этот момент Маргарита Орестовна Габель (Харьков) – автор многих работ о Тургеневе. Остальные участники конференции (два первых ряда) сидят лицом к докладчице. И, следовательно, на фотографии видны только их спины.

На обороте фотографии написано рукою А.И.Понятовского: «Тургеневская конференция 16-17 декабря 1961 г. Фото Горбунова, 1961 г. На добрую память Людмиле Николаевне».

Пожалуй, именно после этой фотографии началось мое постоянное общение с А.И.Понятовским. В 1963 г. я приезжала в Спасское-Лутовиново со своей приятельницей Евгенией Эдуардовной Шимкевич. Не помню, встречались ли мы тогда с Александром Ивановичем, но вот в Орле даже два раза сфотографировались вдвоем! Одна из фотографий сделана на вокзале, около памятника Тургеневу (насколько я помню, как автору «Записок охотника»). В центре фотографии – Александр Иванович, по бокам мы с приятельницей.

В эти годы я уже переписывалась с Борисом Константиновичем Зайцевым, жившим в Париже. В одном из писем ко мне он, автор книги «Жизнь Тургенева», сетовал, что в Советском Союзе нет памятника его любимому писателю. В ответ я, желая доказать, что он неправ, послала ему фотографию, где мы втроем запечатлены на вокзале в Орле близ памятника Тургеневу. Б.К.Зайцев остался доволен... По поводу А.И.Понятовского он написал, что это «добрый молодец»... Старался угадать, которая из женщин я. И угадал, о чем я узнала из последующих его писем ко мне.

У меня сохранился, к счастью, второй экземпляр этой фотографии с датой: август 1963 г. В книге С.Федорова «Архитектурные образы Орловщины» (Тула, 1982) об этом памятнике сказано следующее: «И.С.Тургеневу в сквере между перронами железнодорожного вокзала. Белый бетон, мраморная крошка, гранит серый, полированный. Художник – Л.И.Курнаков». И указана дата открытия: 1958 год (с. 149).

С этих пор А.И.Понятовский начал постоянно присылать мне фотографии, преимущественно связанные с И.С.Тургеневым и его музеями в Орле и Спасском-Лутовинове, иногда также и с другими писателями-орловцами. А когда я познакомилась с его женой Нинель Васильевной, сыновьями Виктором и Владимиром, с внучкой Таней и другими членами этого многочисленного семейства (летний отпуск Александр Иванович нередко проводил в Спасском, которое хорошо знал), то он стал присылать мне и семейные фотографии: то в саду, то на Бежином луге. Эти фотографии он всегда снабжал пояснениями и часто датировал. И в этом сказывался старый музейщик! Я знаю, что не одну меня он снабжал орловскими материалами.

Так, например, на двух из них запечатлен строящийся мемориальный музей И.С.Тургенева в саду Спасского-Лутовинова. Даты – 1970 и 1972 г.г. На второй фотографии надпись: «Усадебный дом в Спасском в период восстановления. 1972 год. На добрую память Людмиле Николаевне от А.Понятовского».

Нет возможности перечислить все фотографии, которые подарил мне в разные годы Александр Иванович. Хочется отметить лишь еще две из них, где скромный А.И.Понятовский сделал юмористические надписи. На одной, где запечатлен храм в Спасском-Лутовинове, содержится краткая, но выразительная надпись: «Церковь, в которой венчались родители И.С.Тургенева, а он – туда ни ногой. 1974 г. А.Понятовский». Другая фотография (его портрет) без даты, но с совершенно не соответствующей истине надписью: «Известный Вам Орловский субъект с непомерным самомнением о себе, апломбом и амбициями. А.И.П.»

В действительности же Александр Иванович был очень скромным человеком, склонным как раз преуменьшать свои знания, музейный опыт, а позднее и свое участие в академическом полном собрании сочинений и писем И.С.Тургенева, а также в его спутниках – «Тургеневских сборниках».

Я подсчитала, что для последних томов этого издания (XI, XII₁ и XII₂, XIII₁ и XIII₂) А.И.Понятовский подготовил тексты и краткие примечания к

более чем 30 телеграммам Тургенева к Н.А.Щепкину, управляющему Спасским-Лутовиновым в 1876-1883 г.г.

В 1-м «Тургеневском сборнике» (1964) появилась интересная статья А.И.Понятовского «Тургенев и семья Лобановых», во 2-м (1966) – «Воспоминания В.А.Ладыженской о Тургеневе», а в 5-м (1969) – «Автограф Тургенева и записка Л.Виардо». Кстати, я с трудом уговорила Александра Ивановича подготовить эту последнюю публикацию, так как он находил ее слишком незначительной. Одновременно Александр Иванович прислал мне «Список книг Луи Виардо, находящихся в мемориальной библиотеке И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове (ныне хранящихся в Государственном литературном музее И.С.Тургенева в Орле)» с указанием инвентарных номеров.

Участвовал А.И.Понятовский и в других изданиях, например, в 87-м томе «Литературного наследства» (М., 1977), где появилась его публикация «Неизвестные рассказы Н.С.Лескова из архива А.И.Лесковой». Содержательная статья его «Судьба парижской библиотеки И.С.Тургенева» была напечатана в воронежском журнале «Подъем» (1981, № 8).

Хочу еще напомнить, что А.И.Понятовский, какое-то время работавший в Спасском-Лутовинове, в 1950 году издал путеводитель «Государственный заповедник И.С.Тургенева Спасское-Лутовиново» (в 1954 г. в его втором издании, переработанном, принимала участие Н.А.Калиновская; в 1965 г. – Б.В.Богданов).

Но самыми значительными и ценными, на мой взгляд, являются два издания А.И.Понятовского: 1) Описание материалов гос. Музея И.С.Тургенева. I. И.С.Тургенев. Орел. 1968 и 2) Описание материалов Гос. Музея И.С.Тургенева. II. И.А.Бунин. Орел. 1979 (в числе составителей А.С.Логвинов, В.В.Сафронова, Е.М.Шинкова, научный редактор – Л.Н.Афонин). Большой интерес представляет предисловие к Описанию, основанное на архивных материалах. Это Описание А.И.Понятовский подарил мне с такой надписью: «Дорогой Людмиле Николаевне с трепетным волнением на строгий суд наше детище. 23.1.80 г. г. Орел».

И в заключение напомним еще один коллективный труд, в котором также принимал участие А.И.Понятовский, написав для него четыре статьи. Это «Материалы свода памятник истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Орловская область» (М., 1975). На этой книге также имеется дарственная надпись: «Дорогая Людмила Николаевна! Примите от одного из авторов с чувством горячей привязанности и самыми светлыми пожеланиями Вам и Первомаю! А.Понятовский. 27/IV 77 г. г.Орел».

Начиная с 1960-х годов и до самой кончины Александра Ивановича, я общалась с ним (преимущественно в летние месяцы в Спасском-Лутовинове) и переписывалась. Благодаря ему я имела представление не только о деятельности самого А.И.Понятовского, но и обо всех литературных и культурных событиях в Орле.

Я знала, конечно, как проходила работа Александра Ивановича в музее, где он был главным хранителем фондов¹ и активно содействовал его

приумножению. Обаятельный, вежливый (особенно по отношению к женщинам и пожилым людям), воспитанный, А.И.Понятовский получил от своих коллег по музею прозвище «Захват Иванович» - ведь ему всегда удавалось получить у владельцев раритетов нужное для пополнения литературных музеев Орла!

С другой стороны, меня всегда восхищало и трогало то, что обо всех новых поступлениях в фонды Александр Иванович извещал жителей Орла и области газетными статьями в «Орловской правде» (вырезки из них он присылал мне и другим своим знакомым, и они сохранились в моем личном архиве).

Но не только свои работы и газетные статьи посылал мне неизменно доброжелательный А.И.Понятовский. Зная, например, что меня интересует семья Бееров из Шашкина, у которых бывал в 1846 году И.С.Тургенев, Александр Иванович сделал для меня (собственноручно!) выписку из неопубликованных воспоминаний С.Г.Щепкиной, жены управляющего Спасским-Лутовиновым Н.А.Щепкина. В этом отрывке подробно говорится об Анне Дмитриевне Беер, с которой мемуаристка лично общалась и засвидетельствовала, что это была очень образованная женщина, не жалевшая денег для воспитания детей. Все они много читали и обменивались впечатлениями о прочитанном.

Таким образом, публикуя письмо дочери А.Д.Беер, Александры Андреевны Беер к Т.А.Бакуниной (Тургенев и его современники. 1. Тургенев в 1846 г. // И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982), я получила лишнее подтверждение тому, что Беер были незаурядными девушками. Не случайно, находясь в 1846 году в Спасском, Тургенев нередко общался с ними.

В другой раз, когда я занималась повестью Тургенева «После смерти» («Клара Милич»), обязательный А.И.Понятовский прислал мне машинописные копии статей из харьковских газет, посвященных Евлалии Кадаминой, прототипу главной героини повести. Теперь эти копии пригодятся нам при написании статей для «Тургеневской Энциклопедии», замысел которой, кстати, Александр Иванович горячо поддержал, хотя и не успел принять в ней активного участие.

В свою очередь я иногда присылала А.И.Понятовскому копии некоторых материалов, получаемых мной из Парижа (в частности, о внучке И.С.Тургенева Жанне). Он использовал их в своей статье «Внучка Тургенева» («Орловский комсомолец», 1973, № 163, 15 июля). И, конечно, прислал мне эту свою газетную статью.

Я уже упоминала о том, как однажды, в 1963 г., А.И.Понятовский провожал меня и мою приятельницу на вокзал, когда мы уезжали из Орла. Так было и в дальнейшем: милый и добрый Александр Иванович всегда провожал меня из Орла домой, в Ленинград (обычно, возвращаясь из Спасского-Лутовинова, я заезжала в музей Тургенева в Орле). Бывало и так, что после посещения музея я заезжала в гости к Александру Ивановичу, на Комсомольскую улицу, где Нинель Васильевна кормила нас обедом или

ужином. Между прочим, однажды (очевидно, Александр Иванович и другие сотрудники музея были заняты) меня встречала по приезде из Ленинграда...Нинель Васильевна.

Понятовские жили тогда на 5-м этаже, дом был без лифта, лестница крутая... И Александру Ивановичу с его сердечной астмой было, конечно, особенно в последние годы жизни, трудно подниматься по этой лестнице..

Я старалась напомнить об Александре Ивановиче Понятовском как о прекрасном музейном работнике, прежде всего, главном хранителе фондов музеев И.С.Тургенева и «Писателей-орловцев», а также и других литературных музеев г.Орла. Но также и о настоящем ученом, авторе публикаций и статей, участнике академического полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева и «Тургеневских сборников».

И, конечно, о том, какой он был мягкий, доброжелательный человек, красивый и скромный и по-настоящему верный друг! Трудно представить теперь Орел без его высокой, благородной фигуры, без его милой, обаятельной улыбки...

Вечная ему память и благодарность за всё!

Примечания

1. См. об этом: Вологина О.В. Хранитель духовных богатств // Орловский комсомолец. 1981.

Л.А.БАЛЫКОВА

СВЕЧА ПОМИНАЛЬНАЯ

Памяти Юрия Викторовича Семеняко было посвящено выездное заседание секции литературного краеведения Тургеневского общества и научных сотрудников музея И.С.Тургенева. Ю.В.Семеняко, знаток орловской старины, немало сил положил на изучение и сохранение памятных мест нашего города и прежде всего заповедного Дворянского гнезда. «Рыцарем Дворянского гнезда» называли его те, кто душой болеет за судьбу этого поэтического тургеневского уголка.

Как радовался Юрий Викторович закреплению за этим местом статуса заповедной зоны, как хлопотал он об установке памятного знака напротив легендарного «дома Калитиных» в юбилейном 1993-м году, с каким энтузиазмом воспринимал последние впечатляющие находки своих товарищей краеведов, открытия, связанные с историей знаменитой калитинской усадьбы! Ибо находки эти поистине открыли новую страницу в истории тургеневского Орла. Наконец-то достоверно доказано, что Тургенев бывал в «доме Калитиных» у старинного приятеля А.В.Сафонова, что обитательницы этого уголка Орла могли послужить Тургеневу прототипами в пору создания им бессмертного образа Лизы Калитиной. Во второй

половине XIX века и на заре ушедшего столетия в этом никто из орловцев не сомневался.

Но как сложились в дальнейшем судьбы этих тургеневских девушек? Жизненный путь их после многих духовных исканий закончился тоже в Орле – во Введенском девичьем монастыре. Туда и лежал наш путь. Мы проехали на маленьком музейном автобусе «по следам Лизы Калитиной», по улицам и площадям, еще сохраняющим тут и там приметы города тургеневских времен (как жаль, что их становится с каждым годом все меньше), вспомнили многотрудные подвиги созидания орловских храмов, где наши предки могли видеть нежный профиль Лизы, и закончили путешествие в Введенском монастыре. Там гостеприимные хозяева во главе с настоятельницей матушкой Олимпиадой щедро поделились сведениями по истории монастыря, рассказали о его распорядке, довольно-таки суровом, показали старинную часть зданий, бывшие кельи, монастырское училище, странноприимный дом, некогда открытый настоятельницей Антонией (знавшей Тургенева и, как полагают, также послужившей писателю одним из прообразов его героини).

Здесь мы ощутили особенный дух согласия и доброты, витавший в этих стенах. Наверное, этот благодатный дух и побудил когда-то тургеневскую Лизу, как побуждает и ныне старых и молодых, укрыться за стенами обители, чтобы взять на себя грехи мира.

До слез было жаль, что на этот раз с нами не было Юрия Викторовича Семянко. Он должен был ехать с нами, чтобы внести свою лепту в путевые рассказы и запечатлеть наше паломничество в фотографиях. Однако мы так и не дождались нашего друга: накануне ночью его не стало. В память о нем зажгли свечи в храме Введенского девичьего монастыря.

В ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОСТИНОЙ

В 2000 году весь христианский мир отмечал знаменательное событие – 2000-летие Христианства, а в недавнем прошлом мы праздновали тысячелетие православия и День славянской письменности и культуры. Христианская вера как дух животворящий вошла в плоть наших мировоззрений и нравственных устоев. Наше православие выросло из Слова, запавшего в душу народа. Отдавая дань этим событиям, создатели «Литературной гостиной» сочли уместным помещение на страницах «Тургеневского ежегодника» стихотворений участников наших литературных вечеров на религиозную тематику. Обращение современных поэтов к темам вероисповедания и, в частности, православию, свидетельствует о продолжении духовной традиции, уходящей корнями к литературным текстам великого искусства. Требовательные представители читающей образованной публики не могут довольствоваться творчеством только как писательством. На наше разноликое, теряющее нравственные ориентиры общество может оказать благотворное влияние только искусство, которое

своим божественным глаголом способно возвышать душу человека, вызывать в ней добрые побуждения. Добрые чувства вызывал у читателей своей лирой Пушкин, который обращался к своей музе с призывом: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Он говорил о святой поэзии, о свете ее очаровании, о святой красоте и твердо знал, что вдохновение - «признак Бога», божественный дар. «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», - утверждал Жуковский.

В этом году в «Литературной гостиной» мы отметили 200-летие со дня рождения Баратынского - одного из самых ярких представителей «поэзии мысли», о котором Пушкин говорил «мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко». Баратынский писал «мой дар убог, и голос мой негромок» не потому, что хотел покрасоваться. С его точки зрения, его произведения не вполне выражали то духовное содержание, которое наполняло его и требовало словесного воплощения. Трагедия настоящего поэта в том, что он сталкивается с неразрешимым противоречием: «слово» т.е. земная оболочка мысли роковым образом сужает, ограничивает бездонное содержание, перед которым «бледнеет жизнь земная». И вместе с тем Баратынский надеялся, что его «бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления»

Сложен, противоречив и в то же время целен был творческий и жизненный путь Блока, которому был посвящен вечер в музее Тургенева в связи со 120-летием со дня его рождения. Андрей Белый говорил, что «понять Блока - понять связь, стихов о Прекрасной Даме с поэмой «Двенадцать», в которой, по мнению священника А. Меня, Блок хотел сказать, что на правое дело идут бандиты, апостолы нового мира, что впереди идет правда, ее хотел он изобразить в виде Христа, но образ Христа получился фальшивым. Меняясь с годами, творчество Блока никогда не изменяло «воле к подвигу», героическому началу, жажде «единства с миром»» утверждало высшие ценности человеческого бытия, неотъемлемые от народных и общественных начал, пыталось сохранить и приумножить духовные сокровища всей земли и родной страны.

«Поэт милостью божьей» - назвал Н.Перовского другой орловский поэт Владимир Ермаков. Книга Перовского «Корни и кропа» была представлена студентам и преподавателям Орловского института искусств и культуры. Собратья по перу и поклонники поэзии Перовского отмечали открытость и доступность, лиричность и ненавязчивую философичность, естественность звучания и художественную выразительность его стихов. Связь вечного с проходящим, небесного с земным - основной лейтмотив поэзии Перовского.

Л.Серова.

Вадим Еремин**Вера**

Часовня с иконой
Есть в поле пустом.
Ни пеший, ни конный
Не помнят о том.
Торопятся мимо,
Не смотрят вокруг –
Ведет пилигрима
Не зреньё, а слух.
Бесменно копясь
В могильной пыли,
Часовня, как парус,
Маячит вдали.
Огонь ее медный
Дрожит, как палаш.
И верует смертный:
- Часовня – мираж...
Колелется воздух,
Двоится киот,
Часовня, как посох,
Свой возраст клянет.
Глядит она зорко,
Как старец в беде,
Но нет горизонта
Прямого нигде.
Далекие страны
Плывут стороной,
Свои у них планы,
Ход мыслей иной.
Они - пилигримы,
И ты - пилигрим.
Они повторимы,
И ты повторим.
И только часовня
Не стала видней.
И небо бессонно
И вечно над ней.

Батюшка

Жила-была попадья,
 Был у нее муж,
 Пропадом пропадя,
 Нес за обедом чушь.
 Хаживал в терема,
 Всмотривался в грехи,
 Славил зело весьма
 Липы и лопухи.
 На изученье книг
 Тратить пытался пыл
 Ликом багров и тих
 Через дорогу плыл.
 Падала ниц толпа,
 Очи до облаков.
 Внуком того попа
 Был Николай Лесков.

Николай Перовский

Ген. Александрову

Благовест

Звонят к заутрене. Давно уж не звонили.
 Распугивают галок и ворон.
 Сияют купола, сверкают шпили,
 сквозят кресты, как после похорон.

Звонят, звонят... размеренно и глухо,
 не разобрать - вблизи или вдали.
 Плывет, плывет смиренный праздник духа
 Над стогами поруганной земли.

Я не войду в старинную ограду,
 лишь постою, смущен душою за...
 Пусть вышний звон навевет мне отраду
 и увлажнит иссохшие глаза.

Соблазн

Не сотвори себе кумира
 и непрелюбы сотвори –

сия библейская стихира
 меня сжигает изнутри.
 Что дух и плоть - собор и фреска?
 Дыша и тем уже греша,
 скупыми проблесками блеска
 не насыщается душа.

Зачем же запер ты, Господь,
 надмирный дух в мирскую плоть?

Воздвигнув стены и стропила,
 Ты щель оставил в потолке,
 дабы соблазном ослепила
 меня свеча в Твоей руке.
 Я пес, бездомный и поджарый,
 закрытый в будке на засов,
 скулю и вою на Стожары
 и на Созвездье Гончих Псов.

Заглушая песни, стон,
 Громыхание трамваев,
 Колокольный мерный звон
 Нас к молитве призывает.

Будит веси, города –
 Я его повсюду слышу.
 Соберемтесь, господа,
 Под спасительную крышу

И помолимся за нас,
 За надсаженные души.
 И небесный добрый глас
 Слезы жесткие осушит,

Окропит святой водой
 От глупцов и фарисеев,
 Над заблудшей головой
 Звезды новые посеяв...

В ликах благостных икон
 Столько веры и прощенья...
 Колокольный дивный звон
 Наша боль и воскресенье.

Людмила Серова

Пасха

Светлый праздник.
 Воскресенье.
 Воскресение Христа.
 Очищение. Всепрошение.
 В грешных душах чистота.
 Ужас пыток на Голгофе
 Пышной радостью сменен.
 И стихиры вечной строфы
 Льются в сердце серебром.
 Торжествует все благое.
 Колокольный светел звон.
 Солнце объялось с рекою
 В Божьем царствии своем.

В. Претасов

В расцвете солнечного дня,
 В зените агничной недели
 В дыму зелёного огня
 Каштанов свечи пламенели.

В туманной видели дали
 Крутую горную дорогу,
 По коей с радостью шли
 Спасения жаждущие - к Богу.

Масличные сады цвели,
 И пылко разгоралось лето.
 Усталые, они брели -
 Их вёл Иисус из Назарета.

И жадно слушали они
 Его пророческие речи...
 Вот что напомнили огни
 Весны, каштанов свечи.

5.05.2000

У церковных дверей

Служба кончилась. Пришёл я поздно.
 Взяв просфору, вышел на церковный двор.

Расхо­ди­лись при­хо­жане, кто вдвоём, кто раз­но
в тихий сол­неч­ный простор.

По двору мне ба­тюшка нав­ст­ре­чу.
Прост ли­цом,
быть может, из села.
Бледен от но­ч­но­го бденья,
С крот­кой ре­чью
Об­ра­тил­ся я к нему, про­ся бла­го­словенья
На хо­ро­шее, на доб­рые де­ла.

Мо­ло­дой свя­щен­ник в мес­те сем свя­том
Руки мне сло­жил ан­д­ре­ев­ским крестом
И бла­го­сло­вил. Вы­нул из кар­ма­на и, смот­ря в ли­цо,
Дал мне крас­ное пас­халь­ное яй­цо.
По­тря­сен­ный, я сто­ял в слезах
С бла­го­дар­ным сло­вом на устах.
Знать, в ду­ше оста­лось что-то мо­ло­дое
Сол­неч­ное, свет­лое, свя­тое.

Ну, за­ме­ли ме­тели... С на­ми Бог!
Его не ско­выр­нуть сви­нцом и тле­ном,
В чуж­би­ну не уг­нать во­ен­но­плен­ным,
Не сжечь на зорь­ке, как со­сед­ский сто­г.

И уж, ко­неч­но, не сров­нять с зем­лём,
Не разо­гнать, как тучи над Мос­к­вою...
А толь­ко - ж­дать с тре­во­гой ве­ко­вою,
Со­су­щей серд­це мед­лен­ной зме­ей.

А толь­ко - шаг еди­ный не успе­в
И осы­пая гли­ну над об­рывом,
В без­мол­вии вне­зап­ном и сча­ст­ли­вом
Услы­шать кры­льев ан­гель­ских на­пев!

Алек­сей Шоро­хов

В за­гу­стев­ших су­мер­ках ду­ши,
За­метен­ной сне­гом и поро­шею,
Все мне кто-то, ка­жет­ся, спешит
Сквозь ме­тель – за­бы­тый и не­про­шен­ный...

День взойдет, и заискрится снег,
Зазвенит веселыми капелями.
Будто и не в жизни, а во сне
Ночь была с тревогой и метелями.

И оттаяв, будто воробей,
Сердце в глупой радости спохватится,
Что вот жизнь и проще, и добрей –
И по снегу кубарем покатится!

И такое вытворять пойдет,
И в такие пустится чудачества,
Что когда лишь солнышко зайдет,
Станет ясно – уходилось начисто!

... И тогда в густой вечерней мгле
Заметенных снегом и порошею
Подберет бредущий по земле
За детьми своими, за продрогшими.

Составители: Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитрихина
Редактор: Л.В. Дмитрихина
Компьютерный набор: Е.М.Шинкова

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПФ «Картуш»
302020, г. Орел, ул. Матросова, 5. Тел. (0862) 43-35-08.
Заказ №261 от 24. 04. 02. Тираж 200 экз.

